ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№10 (125), 2020**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, магистр права
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Максимов Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Овакимян Михаил Амиранович, кандидат экономических наук, доцент
Осипов Юрий Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Воронцов Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Дудукалов Егор Владимирович, кандидат экономических наук, доцент
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Котов Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Любашиц Валентин Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Магомедов Гусейн Багавдинович, кандидат юридических наук
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна, доктор политических наук, профессор
Никитина Анна Александровна, кандидат юридических наук
Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Пономарев Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Шмалий Оксана Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Яценко Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент

Адрес редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2020

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

В.В. Канаки, Л.В. Исик Современное состояние и совершенствование системы реализации государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в России 7

А.А. Кизим, В.О. Толмачева Поддержка предприятий малого и среднего бизнеса посредством расширения доступа в системе государственных закупок 11

И.Р. Кирищиева, Е.В. Рогожникова Государственно-частное партнерство: сущность, практика применения на транспорте 17

А.К. Кочиева, Л.Н. Далакова Влияние Big Data на деятельность ритейла 21

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Н.М. Измаилова, Е.С. Боровая СЭЗ как инструмент выравнивания условий социально-экономического развития территорий 26

З.А. Кодзоева Оценка эффективности региональной экономической политики 29

МЕНЕДЖМЕНТ

Н.А. Савельева, Т.В. Шмелева, С.И. Топоров Экономические предпосылки развития медицинского туризма на Юге России 32

Т.И. Шпак, А.В. Клопова, Ю.З. Насиров, Р.Б. Жуков Применение расчетных методов для прогнозирования потребительского спроса 39

УПРАВЛЕНИЕ

Г.И. Большакова Проблемы и перспективы совершенствования государственного управления в России 44

Д.И. Сидорова, Е.Л. Шилкина Формирование художественно-культурной среды обитания инвалидов как задача социального управления 48

Д.А. Курносова, Д.С. Труханович Меры по предотвращению возникновения конфликта интересов: взгляд муниципальных служащих (на материалах Администрации Тарасовского района Ростовской области) 51

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Н.В. Киселёва Опыт формирования правового механизма выхода субъекта из союзного государства (к 30-летию закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г.) 56

М.В. Кича Судебное правотворчество в англосаксонской правовой семье с точки зрения декларативной теории судебной власти 62

Г.С. Працко Социальные притязания личности в ракурсе ценностей права 65

Г.С. Працко Ценности права и особенности их восприятия личностью 69

Е.Ю. Цуканова Юридические факты процессуального права как единая фактическая система 73

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

М.А. Манукян Международно-правовые гарантии прав человека: общетеоретические аспекты 77

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

С.Д. Андреев Модели лоббирования политических интересов в зарубежных странах 79

О.А. Бражников Этническое меньшинство как субъект конституционного права в Российской Федерации и за рубежом 83

В.А. Смирнов Преобразование конституционных норм как способ развития Конституции Российской Федерации 89

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

С.А. Григорянц, А.Х. Дзреян Претензионный порядок урегулирования споров как один из способов защиты прав потребителей 94

Т.В. Куликова Проблемные вопросы раздела совместного имущества супругов при наличии долговых обязательств 98

Т.В. Куликова Проблемы раздела имущества при формировании конкурсной массы гражданина-банкрота 101

Л.В. Лапач Упущенная выгода и неосновательное обогащение в процедуре банкротства 107

А.А. Паршина Понятие режимов собственности супругов 110

С.Е. Хейгетова, С.К. Меликсетян Международное сотрудничество в сфере нотариата 114

А.Б. Шумилина, О.А. Артюхин, Н.А. Анциферова К вопросу концептуализации взаимоотношений предпринимательства и власти 119

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Е.С. Алексеева Управление федерального казначейства по Республике Бурятия как орган последующего финансового контроля на территории Республики 123

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Ю.В. Демидченко Институт примирения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: актуальные направления развития 128

О.А. Луценко, Э.В. Дригола Личный обыск как следственное действие и личный досмотр как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении: сравнительная характеристика 131

И.А. Подройкина, Ш.М. Борзаев Штраф как вид наказания по законодательству России XVII – начала XX века 135

И.А. Семенцова Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки «фейковых» новостей в информационном пространстве 139

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

А.М. Старостин Альтернативные модели глобализации в контексте современных глобальных трансформаций 143

CONTENTS

ECONOMY AND NATIONAL ECONOMY ADMINISTRATION

V.V. Kanaki, L.V. Isik The current state and improvement of the system for the implementation of state support for small and medium-sized businesses in Russia 7

A.A. Kizim, V.O. Tolmacheva Support for small and medium-sized businesses by expanding access in the public procurement system 11

I.R. Kirishchieva, E.V. Rogozhnikova Public-private partnership: its essence, practice of application in transport sphere 17

A.K. Kochieva, L.N. Dalakova Impact of big data on retail operations 21

REGIONAL ECONOMY

N.M. Izmailova, E.S. Borovaya FEZ as a tool for equalizing the conditions of socio-economic development of territories 26

Z.A. Kodzoeva Evaluation of the effectiveness of regional economic policy 29

MANAGEMENT

N.A. Savelieva, T.V. Shmeleva, S.I. Toporov Economic preconditions for development medical tourism in the South of Russia 32

T.I. Shpak, A.V. Klopova, Yu.Z. Nasirov, R.B. Zhukov The applying of calculation methods for forecasting consumer demand 39

PUBLIC ADMINISTRATION

G.I. Bolshakova Problems and prospects of improving public administration in Russia 44

D.I. Sidorova, E.L. Shilkina Formation of artistic and cultural environment for persons with special needs as a task of social administration 48

D.A. Kurnosova, D.S. Trukhanovich Measures to prevent conflicts of interest: the view of municipal employees (on the materials of the Administration of the Tarasovsky district of the Rostov region) 51

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

N.V. Kiseleva Experience in forming a legal mechanism for a constituent entity exit from the union state (on the 30th anniversary of the law of the USSR "On the procedure for resolving issues related to the withdrawal of the union republic from the USSR" of April 3, 1990) 56

M.V. Kicha Judicial law-making in the Anglo-Saxon legal family from the point of view of the declarative theory of judicial power 62

G.S. Pratsko Person's social claims in the light of law values 65

G.S. Pratsko Law values and the special features of their perception by a person 69

E.Yu. Tsukanova Legal facts of procedural law as a unified factual system 73

INTERNATIONAL LAW

M.A. Manukyan International human rights legal guarantees: general theoretical aspects 77

CONSTITUTIONAL LAW

S.D. Andreev Models for lobbying political interests in foreign countries 79
O.A. Brazhnikov Ethnic minority as a subject of constitutional law in the Russian Federation and abroad 83
V.A. Smirnov Transformation of constitutional norms as a way of developing the Constitution of the Russian Federation 89

CIVIL LAW AND PROCEEDINGS

S.A. Grigoryants, A.Kh. Dzreyan Claim procedure for resolving disputes as a means of consumers' rights protection 94
T.V. Kulikova Problematic issues of division of marital common property under credit obligations 98
T.V. Kulikova Problems of division of bankruptcy estate of a bankrupt citizen 101
L.V. Lapach On losses and unjustified enrichment in bankruptcy proceedings 107
A.A. Parshina The notion of matrimonial property regime 110
S.E. Heygetova, S.K. Meliksetyan International cooperation in the field of notaries 114
A.B. Shumilina, O.A. Artyukhin, N.A. Antsiferova On conceptualization of relationships between entrepreneurship and the power 119

FINANCIAL LAW

E.S. Alexeeva Department of the Federal Treasury for the Republic of Buryatia as a body of subsequent financial control on the territory of the Republic 123

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Yu.V. Demidchenko The institution of reconciliation in criminal and criminal-procedure law: current trends in development 128
O.A. Lutsenko, E.V. Drigola Personal search as an investigative action and personal inspection as a measure to ensure the proceedings of an administrative offense: comparative characteristic 131
I.A. Podroykina, Sh.M. Borzaev Fine as a type of punishment under Russian legislation of the 17th - early 20th centuries 135
I.A. Sementsova Current issues of criminal-law assessment of «fake» news in the information space 139

POLITICAL ISSUES IF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

A.M. Starostin Alternative models of globalization in the context of contemporary global transformations 143

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 331.5

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

© 2020 г. В.В. Канаки, Л.В. Исик

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассмотрены роль и значение современной системы мер поддержки малого и среднего предпринимательства в обеспечении экономического развития страны, анализируются результаты применения мер поддержки, раскрываются основные проблемы возможности пользования государственными мерами для предприятий малого и среднего предпринимательства, предпринята попытка сформулировать и обосновать необходимые меры совершенствования применения имеющейся государственной системы поддержки.

***Ключевые слова**: малое и среднее предпринимательство, меры государственной поддержки МСП, субъект малого бизнеса, субсидия, развитие малого бизнеса.*

The article considers the role and significance of the modern system of measures to support small and medium-sized businesses in ensuring the economic development of the country, analyzes the results of the application of support measures, reveals the main problems of the possibility of using state measures for small and medium-sized businesses, attempts to formulate and justify the necessary measures to improve the use of the existing state support system.

***Keywords:** small and medium-sized businesses, measures of state support for SMEs, small business entities, subsidies, small business development.*

Основным направлением развития российской экономики, обозначенным во многих стратегических документах за последние 5 лет в России, является масштабное распространение конкурентных промышленных производств на базе современных отечественных и зарубежных технологий при активном использовании инноваций и современных методов управления. Опыт многих государств успешно прошедших этап модернизации своей экономики подтверждает актуальность подобного сценария развития. Большой вклад в решение задачи создания, модернизации и масштабирования технологий для промышленного производства и оказания услуг может внести малый бизнес, обладающий быстротой и гибкостью в принятии решений, активизирующий творческий и деловой потенциал людей. За прошедшие почти три десятилетия, предпринимательство, осуществляемое небольшими коллективами, стало влиятельным фактором российской экономики во многих отраслях.

Однако общий научный, технологический, а часто и управленческий уровень большей части малых предприятий в настоящее время не дает возможности принимать участие в решении стратегических задач, связанных с развитием отечественной экономики. Качественный уровень состояния совокупности малых предприятий по многим параметрам не отвечает современным требованиям и мировым стандартам. Решение проблемы требует совместных согласованных действий бизнеса, в том числе малого, и органов власти. Согласование заключается в повышении активности бизнеса по увеличению конкурентоспособности производства с одной стороны и масштабная поддержка деятельности всех предприятий страны со стороны государства, что, несомненно, способствует улучшению условий экономического развития.

Также необходимо отметить, что до недавнего времени малый инновационный бизнес, выступающий в развитых странах важнейшим источником инноваций, представлял собой слабый сегмент российского предпринимательства и находился на периферии внимания государственной экономической политики.

Большой потенциал развития и важность инновационного предпринимательства, использующего результаты отечественных исследований и разработок, были отмечены в «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года».

В настоящее время в России действует ряд организаций, являющимися инструментами государственной политики, для стимулирования инновационных процессов с использованием механизмов государственно-частного партнерства. К наиболее крупным по масштабу воздействия на процессы поддержки развития малых предприятий в сфере инновационного предпринимательства можно отне-

сти Внешэкономбанк, ГК «Роснанотех», ОАО «Российская венчурная компания», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Фонд «Сколково». К основным направлениям функционирования этих организаций относится поддержка малого и среднего бизнеса, развитие инфраструктуры, финансирование бизнес-проектов, финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, софинансирование мероприятий по коммерциализации результатов научных исследований. Дополнительно в регионах действуют более 200 организаций, которые по своему функционалу могут быть отнесены к институтам развития. Масштабы их деятельности обычно ограничены территорией субъекта федерации или федерального округа.

Институты развития влияют на совокупность инновационно-активных малых предприятий, используя информационное воздействие, консультативную поддержку по выходу на корпоративные и международные рынки, финансовые рычаги, проводят различные тематические конкурсы и многое другое. В качестве примера для того, чтобы представить тематику и сущность влияния институтов развития на работу малых и средних предприятий, можно перечислить несколько знаковых мероприятий, проведенных в первые два месяца 2018 года, масштабирование которые в перспективе может привести к улучшению ситуации с положением малых инновационных предприятий:

1. Начиная с 1 февраля 2018 года ПАО «Сбербанк» совместно с Минэкономразвития, Минкомсвязи РФ, Федеральной налоговой службой реализовал проект по удаленной регистрации бизнеса и дистанционного открытия расчетного счета. Проект направлен на упрощение регистрации новой организации, снижение бюрократических барьеров при регистрации и, как следствие, увеличение количества малых предприятий. Планируется бесплатное предоставление сервиса и упрощение получения юридического адреса, упрощение ликвидации предприятия.

2. АНО «Цифровая экономика» и ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» начали создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики по направлению сквозных цифровых технологий, обеспечивающих технологическую независимость России.

3. Московская Биржа совместно с Минэкономразвития России начала проводить отбор инновационных компаний для выхода на рынок инвестиций и инноваций. Организаторы обеспечат консультативную поддержку по процедурам выхода на публичный рынок, доступ к финансированию процедуры, информационную поддержку, включая представление участников в отечественных и зарубежных СМИ, координацию взаимодействия с органами государственной власти и институтами развития.

Все эти организационные мероприятия создают условия для совершенствования и функционирования малых предприятий, специализирующихся на создании инноваций.

В настоящее время Правительство Российской Федерации нацелено на установление устойчивой рыночной экономики в нашей стране. Достижение этой цели позволит упорядочить все сферы жизни населения, создаст благоприятные условия для естественного роста важнейших экономических показателей страны (например, ВВП, доля занятых трудом и т.п.), а также послужит основой для внедрения различных инноваций и нововведений в производственный процесс государства [4].

Одним из методов, способствующих улучшению условий экономического развития, является государственная поддержка деятельности всех предприятий страны. Чтобы прийти к положительным изменениям экономической конъюнктуры как можно скорее, государству необходимо разрабатывать меры по воздействию на наиболее быстро откликающиеся к переменам хозяйствующие субъекты. И как уже говорилось выше, такими податливыми к изменениям субъектами выступают представители малого и среднего бизнеса. Вследствие этого, поддержание их экономической жизнедеятельности должно входить в раздел наиболее важных задач, стоящих перед государственной властью.

Напомним, что в период с октября 2018 по 2024 годы в нашей стране постепенно реализуется Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Рассмотрим достигнутые на нынешнем этапе результаты от внедрения мер данного проекта.

Для достижения позитивных изменений экономической конъюнктуры в ближайшей перспективе государству необходимо разрабатывать меры по воздействию на наиболее быстро откликающиеся к переменам хозяйствующие субъекты. И как уже говорилось выше, такими податливыми к изменениям субъектами выступают представители малого и среднего бизнеса, поддержка которых должна входить в раздел наиболее важных задач, стоящих перед государственной властью.

В нынешнем 2020 году была создана (во многом в связи с возникшей неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в стране) онлайн-площадка «Мойбизнес.рф» [1]. Данный портал предназначен для решения многих вопросов бизнесменов в режиме реального времени.

За короткий период времени действия данного ресурса его посетили около 700 тысяч пользователей, и более 120 тысяч предпринимателей зарегистрировали личные кабинеты, чтобы использовать больше возможностей портала. Данные цифры свидетельствуют о том, что интерес у субъектов МСП к данной платформе достаточно высок и помогает им в развитии своих предприятий.

Указом Президента РФ №287 от 05.06.2015 г. «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» было создано Акционерное общество «Федеральная корпорация малого и среднего бизнеса» (Корпорация МСП). На Корпорацию возложено обеспечение качественной координации оказания государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства.

По состоянию на конец 2019 года количество субъектов МСП, информация о которых содержится в Едином реестре, составило 5,9 млн единиц, что на 118,2 тыс., или 2%, меньше по сравнению с данными 2018 года. Количество юридических лиц (ЮЛ) сократилось на 2,5 млн (-183,5 тыс. или -6,8% относительно 2018 года), а число индивидуальных предпринимателей (ИП) возросло на 3,4 млн (+65,3 тыс. или +2,0% к 2018 году). Соотношение ЮЛ и ИП является 42,5% и 57,5% от общего количества субъектов МСП соответственно.

По сравнению с 2016 годом количество субъектов малого бизнеса увеличилось на 83,2 тыс., или на 1,4%, однако начиная с 2019 года наблюдается формирование нисходящего тренда. Наиболее заметный рост количества субъектов МСП наблюдался в 2017 году за счет увеличения количества микропредприятий. При этом продолжилась тенденция сокращения количества малых (-16 тыс., или -5,9%, в 2018 году и -27 тыс., или -10,7%, в 2019 году) и средних (-1 тыс., или -7,3%, в 2018 году и -2 тыс., или -9,4%, в 2019 году) предприятий.

По итогам 2019 года наибольшая доля субъектов МСП была занята в торговле и сфере услуг (80,0%). При этом за исследуемый период наблюдается рост сегмента услуг с одновременным сокращением торгового сектора. Сложившаяся ситуация дает основания полагать, что современная экономика нацелена больше на внедрение инноваций, а инновации в свою очередь являются плодом интеллектуального труда, который как раз и продаётся в качестве услуги [2].

По данным корпорации МСП, из указанных 2 406 субъектов – 1 082 субъекта МСП (что составляет 45% от общего числа) воспользовались следующими мерами государственной поддержки:

– финансовая поддержка (по программе льготного кредитования субъектов МСП, предоставленной лизинговой поддержки и в рамках национальной гарантийной системы);
– обучение по программам о вопросах участия в закупках с помощью прохождения семинаров;
– доступ к закупкам крупнейших государственных заказчиков;
– использование сервисов портала Бизнес-навигатора МСП.

В 2019 году широким функционалом бизнес-навигатором МСП воспользовались более 1,3 млн российских предпринимателей. На данном портале имеется возможность создания бизнес-плана, содержатся данные об имеющихся льготах, субсидиях и грантах, предоставлены объявления о продаже или аренде государственной недвижимости для малых предприятий, а также можно узнать вероятность получения компанией кредита по сниженной ставке.

В настоящее время в Российской Федерации действует несколько специальных налоговых режимов (ЕСХН, УСН, ЕНВД, СРП, ПСН, НПД). Данные режимы также можно относить к категории государственной поддержки, так как их применение снижает налоговую нагрузку субъектов малого бизнеса. Для субъектов малого предпринимательства, находящихся в регионах РФ, в данный момент наиболее выгодным выступает единый налог на вмененный доход (ЕНВД), так как он предназначен для таких видов деятельности как торговля и различные услуги, оказываемые населению, а, как показывает структура МСП, данные направления экономической инициативы весьма популярны среди предпринимателей.

Несмотря на наличие разнообразных форм взаимодействия между государством и малым бизнесом, в данный момент государственная экономическая политика Российской Федерации в отношении предпринимательства нацелена на разработку и внедрение именно поддерживающего подхода. Но особенностью такого подхода является акцент не на анализ и создание благоприятной предпринимательской среды для развития уже хорошо функционирующих предприятий, а на помощь субъектам МСП, которые находятся в неустойчивом положении, то есть применяются точечные механизмы поддержки для более «слабых» субъектов бизнеса. Такая политика эффективна только при наличии высокого уровня развития сегмента малого и среднего предпринимательства в экономике страны.

Доля участия сектора МСП в общем объеме экономики России значительно ниже аналогичного показателя развитых стран. В большинстве развитых стран доля малого и среднего бизнеса составляет 50-60%. В Российской Федерации же доля малого бизнеса в ВВП государства оценивается примерно в 20%. В этих условиях система, направленная на поддержание субъектов, недостаточно эффективна, поскольку первоначально необходимо улучшить условия для развития частного предпринимательства и только после увеличения доли предпринимательского класса в экономике страны до уровня развитых стран возможен переход к поддерживающей стратегии данного сектора экономической деятельности.

Действующее законодательство, включающее в себя меры государственной поддержки предпринимательства, зачастую направлено на очень узкий круг субъектов малого бизнеса, то есть под-

держка доступна только предпринимателям, занятым в определенных сферах экономической деятельности, в частности инновационных, которые в данный момент в экономике России мало развиты. Это влечет за собой неравномерность доступа к бюджетным ресурсам для субъектов МСП. Для повышения эффективности мер государственной поддержки государству необходимо расширить перечень поддерживающих мер (особенно финансовых), которыми сможет воспользоваться каждый субъект малого предпринимательства.

Другим направлением повышения эффективности мер поддержки сектора МСП является регулярный мониторинг предпринимательской среды, включающий оценку не только количественных, но и качественных показателей. Использование такой аналитической системы позволит своевременно обнаруживать наиболее проблемные места с точки зрения бизнес-сообщества и незамедлительно разрабатывать меры для устранения подобных барьеров.

Инструментом для реализации такого анализа может служить анкетирование действующих предпринимателей и граждан, желающих стать владельцами бизнеса, в каждом регионе РФ. На основании собранных и систематизированных данных станет возможен расчет различных индексов, которые проиллюстрируют реальное состояние деловой среды на текущий момент и дадут возможность в будущем рассматривать эти показатели в динамике.

Необходимо отметить, что в 2019 году только 5% субъектов МСП воспользовались государственной поддержкой в виде различных льгот и субсидий. Основной причиной затруднения в получении мер поддержки является сложный и растянутый во времени сбор необходимых для оформления субсидии документов, а также требует в дальнейшем крупной и детальной отчетности использования выделенных средств, составить которую у бизнеса зачастую не представляется возможным. Другой причиной, по которой предприятия МСП не могут воспользоваться мерами поддержки, являются жесткие критерии их получения.

В настоящее время вследствие наличия условий, по которым государственная поддержка мало доступна российскому бизнесу, власти не имеют возможности оценить эффективность созданных мер. Таким образом, возникает замкнутый круг, выход из которого можно найти, если разработать систему поддержки с учетом особенностей каждого региона страны.

Развитие региона должно осуществляться в соответствии с инновационным вектором, предполагающим высокую степень диверсификации экономики, увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких производств в валовом региональном продукте, апгрейд агропромышленного комплекса, реформирование туристического сектора до соответствия международным стандартам, модернизацию промышленности для перехода на пятый технологический уклад, создание условий формирования и развития малого и среднего бизнеса [3].

Особое внимание необходимо уделить упрощению оформления и сбора необходимых документов, а также расширить перечень условий, позволяющих предпринимателям воспользоваться государственной поддержкой.

Эффективному и быстрому развитию бизнеса способствует наличие высококвалифицированных кадров, занятых в секторе МСП, поэтому финансирование государством образовательных мероприятий окажет значительную поддержку в улучшении качества работы малых предприятий.

В повышении уровня компетенции и квалификации персонала, работающего в организациях МСП, могут значительно способствовать зарубежные бизнес-тренеры, так как в их странах имеется многолетний опыт ведения бизнеса и, как показывает практика, их методология работает весьма эффективно. Для реализации данного направления государству необходимо предусмотреть систему компенсации затрат на привлечение отраслевых специалистов и консультантов, имеющих опыт развития того или иного вида экономической деятельности.

Немаловажно, чтобы государство считалось с мнением предпринимателей, так они на практике сталкиваются со всевозможными препятствиями, тормозящими процесс роста экономической деятельности. Поэтому, если бизнес будет участвовать в разработке дополнительных мер поддержки (например, таких как защита от теневых конкурентов или от блокировки банковских счетов), процесс развития малого и среднего предпринимательства в стране будет ускоряться, и цели, стоящие перед государством, будут достигаться быстрее.

Когда государство создает благоприятную среду и еще дополнительно оказывает поддержку малому бизнесу в таких условиях, предприниматели начинают чувствовать себя более уверенно и свободно, имеют возможность максимально раскрывать свой потенциал, а это является важным, так как чем активнее и продуктивнее трудится малый бизнес, тем быстрее экономика страны набирает обороты. Именно поэтому так важен хорошо функционирующий бизнес для рынка, так как за счет него ускоряется процесс обмена различной продукцией и услугами, что значительно влияет на повышение всех основных экономических показателей стремящегося к развитию государства.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что созданные государством меры поддержки малого и среднего предпринимательства приносят свои результаты и способствуют достиже-

нию поставленных в национальном проекте целей до 2024 года. Чтобы реализация государственной политики по поддержанию малого бизнеса была максимально эффективной, необходимо ее дальнейшее совершенствование.

Литература

1. Платформа «Мой бизнес» // URL: https://mbrostov.ru/o-proekte.
2. Результаты деятельности корпорации МСП // URL: https://corpmsp.ru/about/deyatelnost/monitoring-sp/rezultati_issledovaniya/
3. Канаки В.В., Абазиева К.Г. Региональная экономика Крыма: основные тенденции развития // Экономика и предпринимательство. 2018. №5 (94). С.566-569.
4. Гончарова С.Н., Воронина А.В., Ельчанинова О.В. Субинституциональные предпосылки развития региона // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 6. С. 9-15.

УДК 338.2

ПОДДЕРЖКА ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА ПОСРЕДСТВОМ РАСШИРЕНИЯ ДОСТУПА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

© 2020 г. А.А. Кизим, В.О. Толмачева

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149

Kuban State University
149, Stavropolskaya st.,
Krasnodar, 350040

Возможность субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ) активно принимать участие в государственных закупках позволяет создать условия для развития данного сегмента экономики, а также способствует формированию и поддержанию конкурентной среды для повышения эффективности закупок. В данной статье авторами рассмотрена важность государственной поддержки МСБ посредством создания более комфортных условий для участия в государственных закупках, а также предложены пути решения трудностей с учетом зарубежного опыта.

***Ключевые слова**: малый и средний бизнес, государственные закупки, поддержка бизнеса, зарубежный опыт государственных закупок*

The ability of small and medium-sized businesses (SMEs) to participate actively in public procurement makes it possible to create conditions for the development of this segment of the economy, and also contributes to the formation and maintenance of a competitive environment to improve the efficiency of procurement. In this article, the authors examine the importance of state support for SMEs by creating more comfortable conditions for participation in public procurement, and suggest ways to tackle challenges, taking into account foreign experience.

***Keywords:** small and medium enterprises, government procurement, business support, foreign experience of public procurement*

Уровень экономического развития каждой страны напрямую зависит от максимальной занятости трудоспособного населения и стабильного экономического роста, способствуя развитию социальной сферы и экономики. Развитие малого и среднего бизнеса является одним из самых приоритетных направлений развития экономики развитых стран. Однако в России МСБ не распространенная форма бизнеса относительно европейских стран. Эффективному развитию МСБ препятствует ряд трудностей, в связи с чем ему необходима поддержка со стороны государства. За последние несколько лет численность предприятий малого и среднего бизнеса в РФ уменьшилась в среднем на 5% практически для всех федеральных округов страны (табл. 1).

Государственные закупки представляют совокупность заказов государственных или частных корпоративных клиентов на поставку товаров, оказание тех или иных услуг от поставщиков. Поставщик определяется методом конкурсного отбора и обязуется выполнить заказ на товары или услуги для нужд заказчика. Заказчиками могут быть не только государственные структуры, бюджетные учреждения, но и коммерческие заказчики. Участниками среди МСБ, в свою очередь, выступают индивидуальные предприниматели и юридические лица (рис.1).

Таблица 1. Количество субъектов малого и среднего бизнеса по федеральным округам РФ [4]

Наименование Ф.О.	10.07.2020	10.07.2019	10.07.2018
Центральный	1 873 441	1 937 495	1 963 274
Южный	705 057	726 179	731 108
Северо-кавказский	207 127	206 915	207 164
Приволжский	1 077 047	1 104 883	1 113 889
Северо-западный	712 142	731 934	728 834
Уральский	518 391	528 100	535 383
Сибирский	639 129	655 067	720 800
Дальневосточный	319 278	321 564	268 698

Сегодня малый и средний бизнес играет важную роль в экономике развитых государств, что обуславливает значимость участия МСБ в государственных закупках.

Участие МСБ в государственных закупках предполагает:

- усиление конкуренции в сфере закупок;
- повышение продуктивности;
- благоприятное влияние на развитие МСБ в целом.

Рисунок 1. Классификация субъектов МСБ [14]

Закон № 44-ФЗ – закон строгий для заказчика, но стандартный для поставщика. Закон базируется на двух фундаментальных принципах: во-первых, практически вся информация о государственных закупках публикуется в интернете в открытом доступе, во-вторых, контракт заключается на заранее объявленных условиях [15].

В отличие от закона № 44-ФЗ, закон № 223-ФЗ, который определяет порядок частных корпоративных закупок, кажется более лояльным (рис.2). Закон № 223-ФЗ предоставляет большую свободу выбора как поставщикам, так и заказчикам. Однако эта свобода негативно сказывается на процессе закупок, он часто становится коррумпированным и способствует фактическому уничтожению конкуренции [14].

Рисунок 2. Классификация заказчиков в сфере закупок
(визуализация авторов, по материалам вебинара [4])

Что касается коммерческих закупок, такие закупки не регулируются неким прямым законом.

Заказчики, как правило, консервативны в том плане, что если раньше они работали в определённой сфере с конкретным поставщиком, то они будут стараться продолжить работать с этим же поставщиком, пока он будет продолжать их устраивать. Проводить торги требует руководство, которые может даже не находиться в непосредственной близости с тем субъектом, для которого проводится закупка. Заказчик выберет своего поставщика, несмотря на то, что другие могут предлагать более выгодные условия. Такая вероятность отпугивает потенциальных поставщиков.

На сегодняшний день развитые страны в большинстве случаев придерживаются конкурсных процедур, которые образуют систему государственных закупок. Интерес вызывает организация государственных закупок для обеспечения государственных потребностей в таких развитых странах, как Австралия, Канада, Китай и Германия.

Рассматривая особенность организации закупок упомянутых стран, можно перенять некоторый опыт, применимый к отечественной системе государственных закупок.

Для начала следует рассмотреть пример эффективной активности МСБ в сфере государственных закупок в Австралии, которая составляет 30% от ВВП всей страны [13].

По географическим причинам стоимость доставки товаров из Австралии на мировой рынок достаточно высока по сравнению с другими развитыми странами, из-за чего появляется необходимость снижать непроизводительные затраты. Соответственно, главной отличительной чертой осуществления государственных закупок в Австралии является методика «эффективного расходования средств».

Австралия тесно связана торговыми отношениями с Новой Зеландией. Координируя свою экономическую деятельность друг с другом, австралийско-новозеландские отношения образуют взаимосвязанную региональную экономическую группу в Океании.

Австралия является мировым лидером по качеству и количеству конкурсных торгов в сфере государственных закупок, потому как сама структура закупок Австралии предполагает высокую информационную прозрачность как для заказчиков, так и для поставщиков [6].

Уполномоченные должностные лица, отвечающие за проведение государственных закупок, должны обеспечить получение самых высоких результатов на каждом этапе процесса государственных закупок. От них требуется гарантия того, что та или иная закупка не могла быть осуществлена более эффективным способом, а также несет собой приобретение максимального количества ценностей при состоявшихся денежных затратах [6].

Следующей страной, чей опыт в государственных закупках таже представляет интерес, является Канада. Главным принципом государственных закупок Канады является «оптимальная стоимость», которая зависит от многих фактов, главными из которых выступают: цена, качество и техническая выгода. Организация закупок происходит в несколько этапов. Сначала происходит запрос предложений, который устанавливает критерии, по которым будет определяться поставщик и формируется база оценки. Второй этап представляет собой переговоры между заказчиком и прошедшим отбор поставщиком.

Комитет по стратегии закупок – главный орган, который отвечает за отслеживание системы государственных закупок Канады (рис 3.).

Рисунок 3. Состав Комитета по стратегии закупок [11]

Правительство Канады формирует свою систему государственных закупок благодаря Министерству промышленности, в задачи которого входит контроль и подготовка «Канадской Ежегодной стратегии закупок» [11].

Если рассматривать развитые страны Азии, то в сфере государственных закупок больше всего выделяется Китай. Прежде всего Китай ставит перед собой задачу уменьшить зависимость отечественных производителей от внешних рынков (рис. 4). В первую очередь государство жестко контролирует и регулирует иностранный капитал, участвующий в любой экономической деятельности Китая.

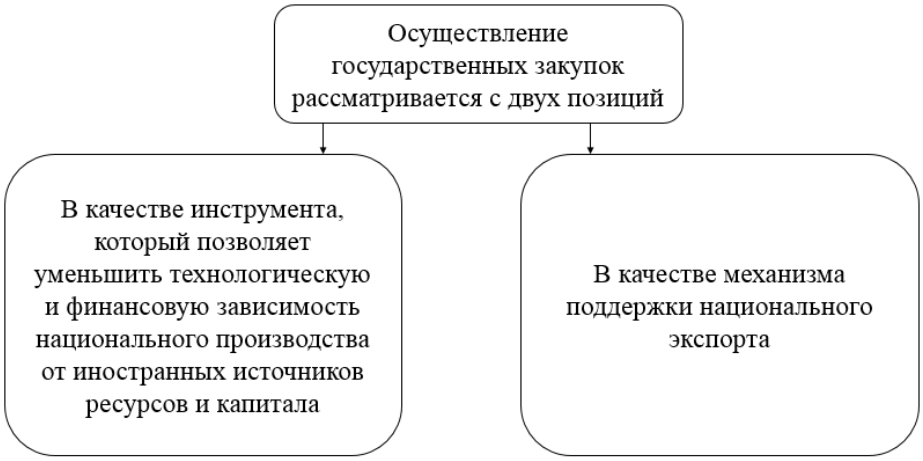


Рисунок 4. Схема осуществления государственных закупок в Китае [12]

В странах Евросоюза существуют определенные требования в законодательстве, регулирующие экономическую деятельность в целом, а также сферу государственных закупок. Несмотря на это, Германия отличается рядом специфических особенностей.

Главной отличительной чертой Германии является обеспечение прозрачности конкурсных процедур с помощью возможности оспаривать на судебном уровне итогов конкурсного отбора. Кроме того, государство обеспечивает максимально ускоренный порядок рассмотрения жалоб, что снижает вероятность задержки расходования бюджетных средств.

Однако каждая страна имеет свои особенности, связанные с законодательством, поэтому Россия не может полностью перенять успешный опыт какой-то переделённой страны, так как вследствие этого может быть снижена эффективность всей системы госзакупок в целом [8].

Основные трудности участия отечественных субъектов МСБ в государственных закупках следующие:

– чаще всего заказчиком не предусмотрено авансирование контракта, что обязывает субъект МСБ использовать свои собственные средства;

– большинство контрактов предполагают долгосрочные договоры, при исполнении которых субъекты МСБ не могут предусмотреть изменение цены, таким образом, может снизиться цена госконтракта, а количество поставляемых товаров, предоставляемых услуг, производимых работ останется без изменения. Процент снижения цены законом не ограничен;

– помимо материальных потерь, поставщик может оказаться в Реестр недобросовестных поставщиков (РНП), если нарушит условия контракта;

– проект контракта выставляется заказчиком и все условия контракта защищают интересы заказчика, а поставщик, в свою очередь, не может их менять.

– у предприятий малого и среднего бизнеса часто не хватает средств, чтобы платить обеспечение контракта с крупными компаниями, поэтому им приходится прибегать к получению банковской гарантии. Однако у МСБ кредит доверия банков гораздо меньше, нежели у крупных предприятий, а также Центробанк устанавливает высокие требования к МСБ, которым они не всегда могут соответствовать.

Для того чтобы обеспечить эффективное и комфортное участие субъектов МСБ в государственных торгах, необходимо усовершенствовать отечественную систему государственных закупок, в которой были бы учтены все факторы, препятствующие участию МСБ в торгах госкорпораций, с учетом зарубежного опыта налаженной системы осуществления государственных закупок.

Для эффективного функционирования российской системы госзакупок и осуществления необходимых изменений в законодательстве требуется обратиться к зарубежному опыту развитых стран, так как в России эта сфера еще недостаточно развита. Так, исходя из вышесказанного, можно

выявить несколько важных направлений, способствующих улучшению климата в сфере закупок для МСБ (рис. 5).

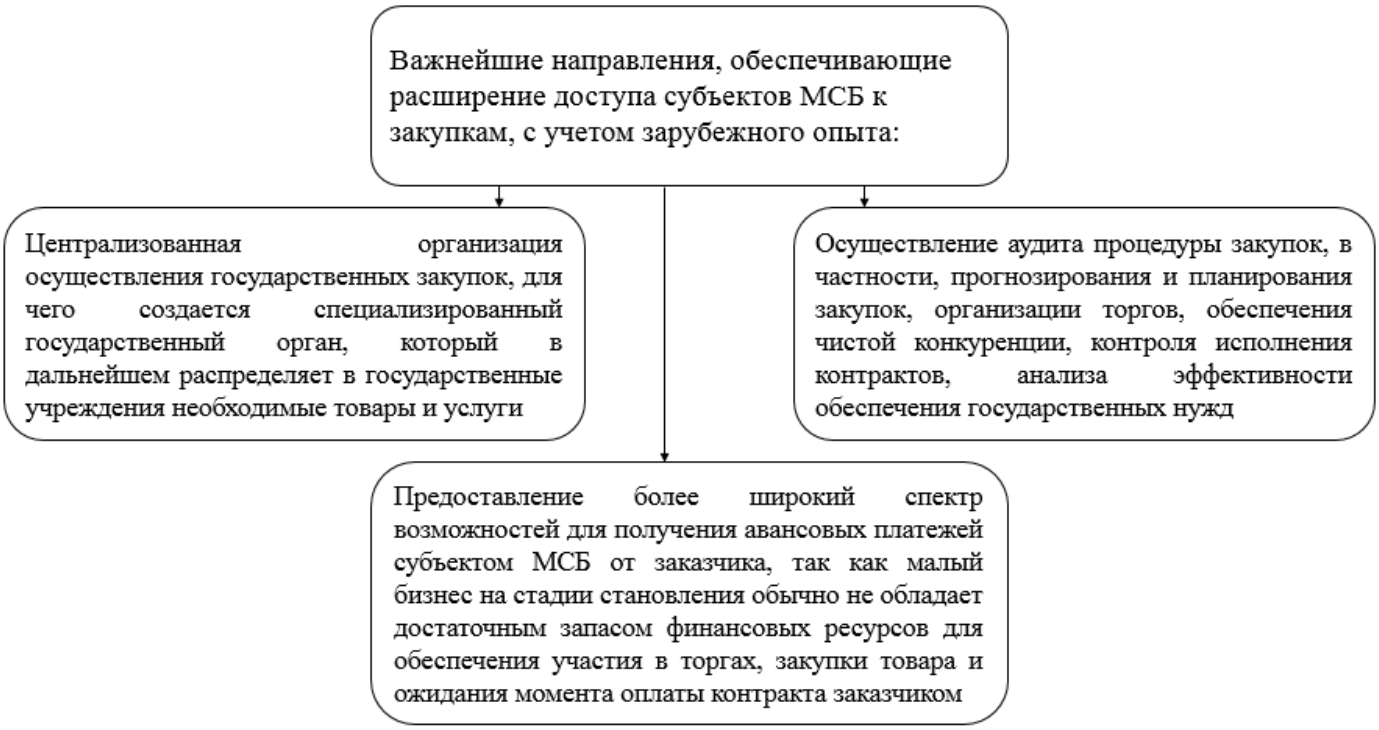


Рисунок 5. Перечень важнейших направлений, способствующих расширению доступа МСБ к государственным закупкам, с учетом зарубежного опыта [6]

Сегодня большинство развитых стран признает участие МСБ в государственных закупках как один из наиболее эффективных форматов государственной поддержки бизнеса. Несмотря на это, для привлечения большего количества участников МСБ требуется расширение доступа к государственным закупкам.

Государство, несомненно, оказывает поддержку субъектам МСБ. Правительство РФ увеличило квоту закупок госкомпаний у малого и среднего бизнеса с 18% до 20%. Согласно проекту постановления правительства, опубликованного на сайте для размещения информации о подготовке нормативно-правовых актов, нововведение заработало с января 2020 г. Доля закупок у МСП по прямым торгам также будет увеличена с действующих 15 до 18%.

Согласно изменениям, внесенным в п. 5-5.1 Положения об особенностях участия субъектов МСБ в закупках по 223-ФЗ, с 1 января 2020 г. годовой объем закупок государственных заказчиков у МСБ увеличился с 18% до 20%.

Цена контракта	Штрафы Заказчиков за каждый факт неисполнения, ненадлежащего исполнения Штраф Поставщиков за обязательства без стоимости	Штраф Поставщиков за неисполнение, ненадлежащее исполнение обязательств по контракту оределяются от цены контракта (этапа)	
До 3 млн. рублей	1 000 руб.	10%	торги для СМБ 1 тыс. ≤ 1% ≤ 5 тыс. р.
От 3 до 50 млн. рублей	5 000 руб.	5%	
От 50 до 100 млн. рублей	10 000 руб.	1%	
Более 100 млн. рублей	100 000 руб.	от 0,5% до 0,1%	

Пеня за просрочку обязательств по контракту для обеих сторон составляет 1/300 от Ключевой ставки ЦБ за каждый день просрочки

Общая сумма неустоек не может превышать цену Контракта

Рисунок 6. Обязательная ответственность за ненадлежащее исполнение Контракта – штраф в соответствии с ПП РФ №1042 от 30.08.17 и пени (ст. 34 ч.4-8 [10])

Также правительство собирается увеличить срок планирования госзакупок у МСБ. Ранее законопроект «О внесении изменений в статью 4 223-ФЗ» с соответствующей инициативой поступил в Государственную Думу. Минфин разработал документ, согласно федеральному проекту «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» предлагается установить срок планирования госзакупок у МСБ до 3 лет. Также регулируется обязательная ответственность как со стороны заказчика, таки и со стороны поставщика (рис 6.).

Однако проблемы, связанные с мотивацией поставщиков участвовать в государственных закупках, пока остаются не решенными.

Таким образом, можно сказать, что быстрое и эффективное развитие системы государственных закупок в России возможно при условии использования опыта зарубежного опыта, а также накоплении отечественного. Государственные закупки решают множество социальных и экономических задач как для крупных предприятий, так и для малого бизнеса. Также они являются весьма эффективным инструментом государственной поддержки МСБ, однако отечественная структура нуждается в доработке. Поддерживая участников среди субъектов МСБ, государство поддерживает отечественную экономику.

Литература

1. Акулова П. Ю. К вопросу расширения доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к государственным закупкам: проблемы и пути решения // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30058962
2. Березовский Э.Э., Кизим А.А., Солахов П.А. Менеджмент в системе аутсорсинга предприятий малого бизнеса // Экономика устойчивого развития. 2015. № 3 (23). С. 63-72.
3. Березовский Э.Э., Марченко А.Г. Проблемы определения качества современных товаров посредством экспертизы, этапность проведения / В сб.: Интеграция наук - 2019. Материалы национальной научно-практической конференции. 2019. С. 88-97.
4. Вебинар: Изменения в 44 ФЗ от 19.06.2019 // URL: https://zakupki44fz.ru/ekonomexpert/webinars
5. Госзакупки по-европейски: немецкая практика // URL: https://www.pro-goszakaz.ru/news/76777-goszakupki-po-evropeyski-nemetskaya-praktika
6. Григорова О. В. Система государственных закупок в Австралии // URL: // URL: https://alley-cience.ru/domains_data/files/04November2018/
7. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: https://rmsp.nalog.ru (дата обращения 18.07.2020)
8. Мубаракшина Э.Р. Зарубежный опыт организации государственных закупок. // URL: https://shadowgold.ru/akcii/sistema-zakupok-v-zarubezhnyh-stranah-mirovoi-opyt-organizacii-i.html
9. Репина С. И. Проблемы доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к государственным закупкам // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dostupa-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-k-gosudarstvennym-zakupkam
10. Постановление Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71657358/
11. Противодействие коррупции – «визитная карточка» госзакупок Канады // URL: https://rusanalitic.ru/market-news/protivodeystvie-korrupcii-vizitnaya-kartochka-goszakupok-kanady-803
12. Проданова Н.А., Зацаринная Е.И. Особенности системы государственных закупок в Китае // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25401430_20326821.pdf
13. Статистические данные по экономике Австралии // URL: http://country.eiu.com/australia (дата обращения 16.07.2020)
14. Федеральный закон "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" от 18.07.2011 N 223-ФЗ // URL: http://country.eiu.com/australia
15. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
16. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 08.06.2020) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/

УДК 338.2

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: СУЩНОСТЬ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ

© 2020 г. И.Р. Кирищиева, Е.В. Рогожникова

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

Взаимодействие государства и частных бизнес-структур в области государственно-частного партнерства привлекает все большее внимание и активно применяется как в мировой практике, так и в России. В статье раскрыты основные концепции Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», описаны возможности применения данного инструмента в транспортной сфере с учетом реализации концессионных соглашений. Рассмотрены наиболее популярные сферы применения рассматриваемого инструмента на транспорте, в том числе на железнодорожном.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, бизнес-структура, концессия, транспортная сфера, транспортная инфраструктура*

Interaction between the state and private business structures in the field of public-private partnership is attracting increasing attention and is actively used both in the world practice and in Russia. The article reveals the main concepts of the Federal law "On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation", describes the possibilities of using this tool in the transport sector, taking into account the implementation of concession agreements. The most popular areas of application of this tool in transport, including railway transport, are considered.

Keywords: *public-private partnership, business structure, concession, transport sector, transport infrastructure*

В настоящее время на законодательном уровне утверждена возможность формирования, расширения и применения объектов транспортной инфраструктуры частным сектором, хотя ранее правом инициировать проекты в сфере транспорта обладали только органы государственного уровня управления. Такая возможность, бесспорно, связанна с тем, что спрос на качество инфраструктуры постоянно возрастает, при этом государству, в условиях бюджетного дефицита, экономического развития и организационных недостатков, все труднее обеспечить благоприятные условия для развития данной отрасли. В то же время у частного сектора есть свои интересы в данной сфере – это извлечение прибыли, и без контроля государства частные собственники будут действовать исключительно в своих интересах, не заботясь о сохранении общественной ориентации проекта. По этой причине сотрудничество государства и частных инвесторов с применением инструмента государственно-частного партнерства привлекает все большее внимание и активно применяется как в мировой практике, так и в России.

На основании статьи 3 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 26.07.2019 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» инструмент государственно-частного партнерства предполагает юридически оформленное взаимодействие государства и частных бизнес-структур, сформированное на базе объединения их ресурсов и разделения рисков с целью привлечения частных инвестиций в экономику на определенный срок, обеспечения как органами государственной власти, так и местного самоуправления роста качественных свойств товаров, работ и услуг, а также обеспечения их доступности [1].

В статье 4 указанного закона определены принципы государственно-частного партнерства в РФ. К ним относятся следующие [1]:

– открытость информации и ее общедоступность, кроме сведений, относящихся к категории государственной и иной тайны, охраняемой законом;

– формирование и развитие конкуренции;

– исключение ущемления интересов отдельных сторон соглашения, их равноправие и равенство перед законом;

– исполнение обязательств участниками соглашения точно в соответствии с контрактом;

– объективное и правильное распределение обязательств и рисков между сторонами, принимающими участие в партнерстве;

– независимость в вопросах заключения соглашения о государственно-частном партнерстве.

Симбиоз государства и бизнеса позволяет сформировать целевую направленность и определить вклад в формируемые бизнес-проекты государственно-частного партнерства его участников, т. е. государства и бизнес-структур (рис. 1).

Главная цель соглашения в рамках государственно-частного партнерства заключается в разработке и реализации объектов или оказании услуг, обеспечивая максимальную эффективность, наименьшие затраты, уровень которых мог бы быть ниже по результативности и выше по издержкам, если бы каждая сторона партнерства действовала обособленно.

Основная особенность государственно-частного партнерства на транспорте состоит в том, что объекты транспортной инфраструктуры остаются собственностью государства, оно сохраняет за собой полный контроль над качеством, объемом услуг и ценами, что гарантирует использование таких объектов в общественных целях.

Рис. 1. Цели создания и вклад в бизнес-проект участников государственно-частного партнерства

Простейшим вариантом применения инструмента государственно-частного партнерства выступает вовлеченность бизнес-структур в строительство, модернизацию, эксплуатацию, управление объектами, являющимися предметом формирования партнерства. При этом пользовательские платежи отсутствуют.

Более сложным и распространенным типом контракта государственно-частного партнерства, в частности на транспорте, являются концессии. Статья 3 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 27.12.2010) «О концессионных соглашениях» предполагает, что в соответствии с соглашением концессии концессионер должен за счет собственных финансовых ресурсов создать или осуществить реконструкцию определенного имущества концессионного соглашения, либо принадлежащего, либо которое будет принадлежать второй стороне данного соглашения, называемой концедентом, а также использовать или эксплуатировать созданный или реконструируемый объект, при этом концедент предоставляет концессионеру права на владение и пользование объектом концессионного соглашения с целью реализации его деятельности на срок соглашения [2].

Наличие пользовательских платежей является основным отличием концессионных соглашений. В концессию может быть передан уже существующий объект или объект, который концессионер создает или модернизирует. Это могут быть, например, мосты и тоннели, платные автомобильные дороги, аэропорты, порты и т. п. Проект жизненного цикла на сегодняшний день самый популярный предмет концессионного договора, в таком случае концессионер занимается и проектированием объекта, и его строительством, и эксплуатацией в течение достаточно длительного периода времени. Такой договор оптимизирует расходы и риски участников проекта. Исходя из этого положения следует акцентировать внимание на некоторых видах соглашений концессии [3]:

– «Строительство – передача – управление» – концессионер первоначально занимается строительством объекта, который затем сразу по окончании строительства передается государству, после чего оно передает данный объект концессионеру для эксплуатации;

– «Строительство – управление – передача» – концессионер обеспечивает строительство и эксплуатацию объекта в течение определенного срока, заданного параметрами соглашения, затем передает государству объект концессионного соглашения;

– «Строительство – владение – управление – передача» – концессионер занимается строительством объекта, осуществляя его владение и пользование в течение определенного срока, а по окончании указанного срока объект передается государству в собственность;

– «Строительство – владение – управление» – концессионер обеспечивает строительство объекта, осуществляет его дальнейшую эксплуатации и владение на праве собственности без ограничения срока владения и управления;

– «Покупка – строительство – управление» – государство реализует объект в частные руки с целью усовершенствования и повышения эффективности управления.

Транспортная инфраструктура – это одна из основных областей применения инструмента государственно-частного партнерства, поскольку социально-экономическая эффективность проектов в области транспорта обычно превышает прямые финансовые выигрыши инвестора. Также государство необходимо для регулировки рисков политических, экономических, социальных, присущих транспортным объектам, которых остерегаются частные бизнес-партнеры.

Наиболее распространенное направление применения государственно-частного партнерства в транспортной сфере характерно для дорожного сектора, где соглашения между государством и бизнес-средой применяются в области строительства, эксплуатации отдельных участков дорог, мостов и тоннелей на платной основе. На рисунке 2 представлены основные типы объектов, ориентированных на государственно-частное партнерство на транспорте [4].

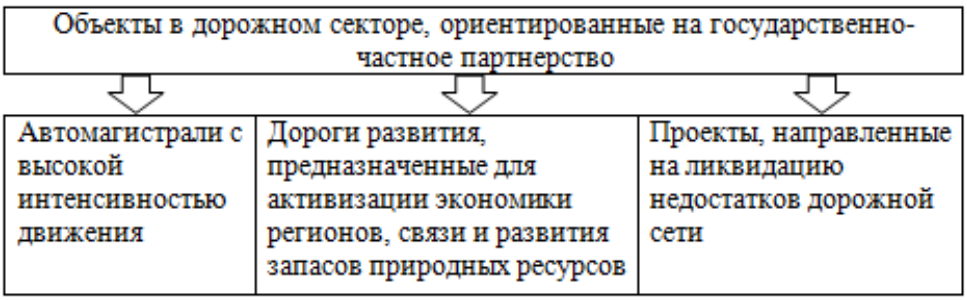


Рис.2. Объекты дорожного сектора для возможного применения инструмента государственно-частного партнерства

Классической областью применения государственно-частного партнерства является железнодорожный транспорт. Основные типы проектов государственно-частного партнерства на железнодорожном транспорте представлены на рисунке 3.

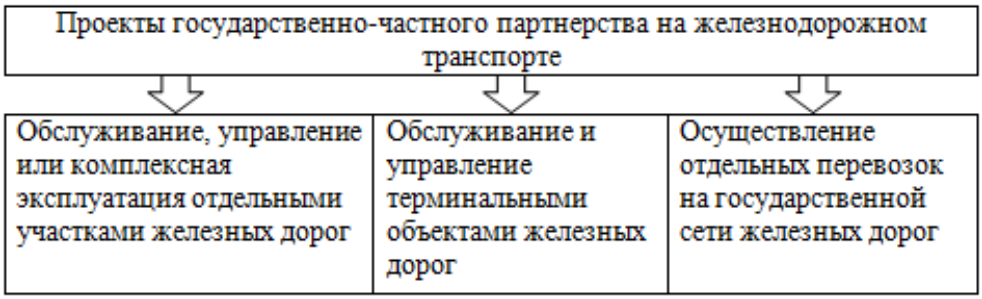


Рис.3. Возможные проекты государственно-частного партнерства на железнодорожном транспорте

В сфере аэропортного бизнеса в большинстве проектов присутствует достаточно высокий уровень рентабельности. В этой связи частные инвесторы активно вовлекаются в данную сферу без привлечения государственных средств в строительство и эксплуатацию аэропортов. Вместе с тем, в аэропортном бизнесе имеются объекты, на базе которых создается государственно-частное партнерство, т. к. в определенных областях данного бизнеса присутствует заинтересованность как государства, так и бизнес-среды. К объектам такого рода относятся комплексное развитие и управление в аэропортах, содержание взлетно-посадочных полос и некоторые другие [4].

В настоящее время в транспортной отрасли в Российской Федерации реализуется успешно отдельные проекты, сформированные на основе применения инструмента государственно-частного партнерства. К ним относятся следующие [5]:

– автомобильный транспорт: эксплуатация участка дороги М-11, строительство Центральной кольцевой автодороги в Московской области, реконструкция участка дороги М-1 «Беларусь», эксплуатация участка дороги М-4 «Дон» и другие;

– железнодорожный транспорт: инфраструктурные объекты на железнодорожном транспорте общего пользования, которые предназначены для обеспечения провоза грузов в направлении порта Тамань, учитывающие имеющиеся мощности портов, а также возможные направления их развития;

– морской и речной транспорт: возведение морского международного терминала для встречи пассажирских и круизных лайнеров в Калининградской области, строительство угольного терминала для транспортировки угля из Якутии в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, строительство угольного комплекса в Приморском крае для перевозки угля в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и т. д.

Заметим, что возможности государственно-частного партнерства дают определенные преимущества его реализации и для государства, и для частных инвесторов. В частности, к ним следует отнести [4, 6]:

– стимулирование многостороннего сотрудничества между государством и бизнесом;

– привлечение частных инвестиций в те области деятельности, которые всегда финансировались из бюджета, что позволяет существенно увеличить финансовое и ресурсное обеспечение перспективных проектов и интенсифицировать их реализацию;

– возможность концентрации государственных органов на административных задачах за счет работы бизнеса в рыночной сфере сняв организационную и временную нагрузку с государства;

– распределение затрат и рисков между государством и частным сектором;

– создание цепочки непрерывного осуществления проектов с сокращением сроков их реализации;

– привлечение к реализации проектов наилучшей техники, технологий, высококвалифицированного кадрового состава;

– повышение эффективности использования ресурсного потенциала как государства, так и частного сектора;

– и ряд других.

Таким образом, в российской экономике присутствует заинтересованность государства и бизнес-структур в применении инструмента государственно-частного партнерства. В то же время потенциально возможные масштабы его использования гораздо шире, чем направления реализации в настоящее время. Поэтому в Российской Федерации расширение применения инструмента государственно-частного партнерства, особенно в условиях ограниченности финансовых ресурсов, следует рассматривать как один из факторов повышения экономического благополучия страны. Крупные инвестиции

частного капитала, в том числе в транспортную инфраструктуру и сотрудничество с государством, могут стать мультипликатором экономического роста. Только при сотрудничестве государства и частных бизнес-структур возможно добиться максимально эффективного результата для общества и страны в целом.

Литература

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 26.07.2019 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Федерации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О концессионных соглашениях» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/6174818558da65f9/
3. Концессионное соглашение // URL: https://www.audit-it.ru/terms/agreements/kontsessionnoe_soglashenie.html
4. Государственно-частное партнерство на транспорте // URL: https://studme.org/1247091923421/logistika/gosudarstvenno-chastnoe_partnerstvo_transporte
5. Деятельность Министерства транспорта РФ // URL: https://www.mintrans.ru/activities
6. Сазонов В.Е. Преимущества, недостатки и риски государственно-частного партнерства // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2012. № 3. С. 99–108.

УДК 339.187

ВЛИЯНИЕ BIG DATA НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИТЕЙЛА

© 2020 г. А.К. Кочиева, Л.Н. Далакова

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149

Kuban State University
149, Stavropolskaya st.,
Krasnodar, 350040

В статье выделены технологические решения, применяющиеся на базе Big Data в деятельности ритейла, а также их преимущества. Рассмотрены основные поставщики программного обеспечения для целей обработки и анализа больших данных. Проведено исследование влияния Big Data на отечественный ритейл, показаны внедренные технологии, основанные на аналитике больших данных, в ведущих российских розничных сетях, их ожидаемый эффект и барьеры для распространения

Ключевые слова: *ритейл, BigData, цифровая экономика, цифровизация, технологии больших данных*

The article highlights the technological solutions used on the basis of Big Data in retail activities, as well as their advantages. The main software providers for big data processing and analysis are considered. A study of the impact of Big Data on domestic retail shows the implemented technologies based on big data analytics in leading Russian retail chains, their expected effect and barriers to distribution.

Keywords: *retail, Big Data, digital economy, digitalization, big data technologies*

Розничная торговля в России в настоящее время является одной из движущих сил экономики страны, с каждым годом повышается качественный уровень её организации, вызовы внешней среды обуславливают повышение сложности операционной деятельности, возникает необходимость усовершенствования бизнес-процессов и внедрения инновационных технологий. Ритейл является отраслью, которая ищет и внедряет инновации, изучает, меняет, производит их. Новые технологии связаны не только с продажами и обслуживанием клиента, но и с автоматизацией и ускорением внутренних процессов деятельности. Стремительный рост количества информации, циркулирующей по всему миру, и ее очевидная коммерческая ценность предъявляют новые требования к технологиям обработки данных и извлечения из них добавленной стоимости. Ответом на этот вызов стали технологии, получившие в технической и бизнес-среде обобщенное название Big Data («большие данные») [1].

Большие данные включают в себя так называемые «7V»:

1.Volume (объем больших данных).
2. Variety (разнообразие больших данных).
3. Velocity (скорость производства и обработки данных).
4. Variability (изменчивость данных).
5. Veracity (достоверность больших дынных).

6. Value (ценность данных).

7. Visualization (визуализация и иллюстрация больших данных с целью улучшения их восприятия) [2].

Инновации с использованием технологии Big Data в ритейле позволяют повысить эффективность работы в следующих направлениях [3].

– автоматизация процесса корректировки цен. При выполнении такой работы без вмешательства технологий больших данных принимается во внимание не вся информация, касающаяся структуры спроса, изменений на рынке, сезонности и деятельности конкурентов. Повышается вероятность допущения ошибок в силу человеческого фактора;

– геолокационная аналитика. Важным аспектом развития розничной отрасли является эффективное расположение магазинов. Если возникает необходимость закрыть или перенести существующие торговые точки, геоналитика сможет проанализировать, в чем причина низких экономических показателей – в неудачном расположении или в неэффективности деятельности аппарата управления. Также данный инструмент позволяет взаимодействовать с потребителем на основе его местоположения;

– рекомендательная система лояльности. На сегодняшний день ритейл уделяет особое внимание персонализации клиентов. Создавая рекомендательную базу для постоянных потребителей, их можно идентифицировать по картам лояльности. Торговые точки получают необходимую информацию о вкусах клиентов, об особенностях совершения покупок и других собирательных характеристик;

– прогнозирование данных. Big Data эффективно применяет прогнозирование спроса на различные товары, используя совокупность математических методов;

– A/B тестирование. Тестирование нововведения на определенной группе клиентов в сравнении с контрольной группой, для которой ничего не изменилось, называется A/B тестированием. Такое тестирование широко используется для веб-сайтов и приложений, в том числе для интернет-магазинов. Однако такие же инструменты могут быть применены и в офлайн-торговле. Ритейл использует A/B тестирование для оптимизации размещения товаров в торговых точках, тестирования новых форматов розничной торговли, модернизации маркетинговых компаний;

– продвижение продукции в Интернете с помощью веб-конференции (подкасты, вебкастинги, вебсеминары, трансляции, вебинары);

– исследование рыночной корзины. Базируется на ассоциативных алгоритмах, таких как алгоритм Apriori, который анализирует кассовые чеки, определяя, какую категорию товара приобретают чаще, какие товары приобретают вместе, дополняют ли потребители один товар другим.

Big Data Analytics, BDA (Аналитика больших данных) становится одной из самой востребованной в мире современного бизнеса. Прогнозируется, что к 2021 г. общий объем мирового рынка Big Data Analytics значительно увеличится (более чем в 2,5 раза) и составит 60 млрд долл. США, при ежегодных темпах роста на уровне 35,9%. При этом самыми крупными сегментами использования данной технологии станут производственный сектор, финансы, здравоохранение, охрана окружающей среды и ритейл [4].

Ритейлеры обладают огромным количеством данных, которые можно анализировать и использовать как для коммуникации с клиентами, так и для оптимизации различных процессов внутри компании. Например, раньше в сети Walmart работали около тысячи специалистов для анализа 24 тыс. запросов в час, сейчас для этого используются технологии Big Data. Таким образом, современный ритейл переходит от CRM-маркетинга к предиктивным технологиям [5].

Важным элементом функционирования рынка больших данных является программное обеспечение, которое позволяет осуществлять бесперебойное функционирование всех внутренних технических процессов. В 2018 г. объем глобального рынка программного обеспечения для работы с BDA достиг 60,66 млрд долл. США, что на 12,3% больше, чем годом ранее. Об этом свидетельствуют данные аналитиков IDC [4].

В таблице 1 отражены основные общемировые лидеры-поставщики программного обеспечения для работы с BDA.

Таблица 1. Лидеры мирового рынка программного обеспечения для работы с большими данными и бизнес-аналитикой, млн долл. США [4].

Компания	Доход, млн. долл.			Доля рынка, %			Изменения, %	
	2016 г.	2017 г.	2018г.	2016г.	2017г.	2018г.	2016-2017гг.	2017-2018гг.
Oracle	6 957	7 420	7 993	14,2	13,7	13,2	6,7	7,7
Microsoft	4 771	5 755	7 113	9,8	10,7	11,7	20,6	23,5
SAP	5 485	5 883	6 319	11,2	10,9	10,4	7,3	7,4

Как видно из таблицы 1, глобальным производителем BDA-программ является компания Oracle. В 2018 г. она занимала рыночную долю на мировом рынке ПО для BDA в размере 13,2%. Корпорация Microsoft имеет долю на этом рынке, соответствующую 11,7%. Компания SAP контролирует 10,4% мирового рынка производства программ для BDA, входя, таким образом, в мировую тройку лидеров рассматриваемого рынка.

Большие данные в России – рынок достаточно молодой и перспективный. Осознание ценности данной инновации воплотились в девяти направлениях программы «Цифровая экономика РФ» до 2025 г [6].

Согласно стратегии развития рынка больших данных до 2024 года, разработанной Ассоциацией больших данных совместно с BCG, общий экономический эффект и рост выручки всех индустрий в России за счет использования результатов обработки больших данных в среднесрочной перспективе может составить от 1,2% до 3% ВВП. Причем этот эффект будет сгенерирован за счет дополнительной выручки российских компаний, которую получат благодаря развитию продуктов, сервисов и технологий больших данных [7].

Активное развитие технологий Big Data требует регулирования этой сферы, именно данная технология определит рамки распространения информации, в том числе за границу, и уровень ее защиты. 8 мая 2020 г. в России появилась информация о разработке национального стандарта для больших данных. Проект представили Национальный центр цифровой экономики МГУ имени М.В Ломоносова и Институт развития информационного общества. Выработка нормативно-правовых актов, закрепляющие основные термины, методы и инструменты обработки данных, ключевых игроков на рынке, существенно упростит процесс внедрения и использования технологий Big Data ритейлерами.

В отрасли розничной торговли ежедневно генерируется большой объем данных, поступает информация со всех торговых точек, которая включает в себя данные о товарных запасах, звеньев логистических цепей, клиентов-покупателей, а также сведения всех транзакций. Сохранить данные обо всех этих объектах и их взаимодействии практически невозможно, нужно четко понимать, для каких задач они будут использоваться, как их правильно сохранить, а главное защитить.

На фоне пандемии коронавируса Covid-19 ритейл принимает новые вызовы и видоизменяет структуру функционирования, и, в связи с этим, покупательские привычки существенно меняются. Ритейл как никогда нуждается в совершенно новом инструментарии, так как последствия нынешних событий еще долго будут сопутствовать работе розничных компаний.

На данный момент в российском ритейле на базе Big Data применяются следующие технологические решения:

1. Чат-боты. Чат-боты можно разделить на 2 категории, работающие по заранее известным командам на основе ограниченного списка ключевых слов, а также самообучающиеся. Несмотря на то, что самообучающиеся чат-боты на базе алгоритмов Machine Learning и методов понимания естественного языка (NLU, Natural Language Understanding) сложнее для заказчика, на практике они оказываются значительно эффективнее за счет накопления знаний на основе предыдущих взаимодействий с пользователем.

2. Генерация торговой аналитики. X5 Retail Group 2020 г. занялась внедрением системы управления базами данных Arendata DB – продукт российской ИТ-компании, которая является разработчиком первых отечественных Big Data решений, основанных на свободном программном обеспечении с открытым исходным кодом без использования проприетарных компонентов. Arenadata DB позволила X5 Retail Group построить аналитический слой детальных данных с описанной моделью, бизнес-владельцами доменов, словарем данных и привязкой к другим функциям. В результате ритейлер получил надёжный сервис, доступный любому аналитику компании, чтобы принимать быстрые решения на основе Big Data.

3. Персонализация. Для примера, Fashion-сектор активно использует инструменты с применением Big Data, а именно: внедряет умные примерочные, виртуальных стилистов, прогнозирует модные тенденции с помощью ML-моделей, создает новые коллекции и стимулирует потенциальных клиентов к покупкам. В частности, благодаря отслеживанию текущих клиентских запросов на розовые шарфы в 2015 г., торговая сеть Zara выпустила лимитированную партию этих изделий. 2000 магазинов по всему миру продали 500 тыс. таких предметов за 3 дня. Кроме того, Zara собирает отзывы на свою продукцию, отслеживая публикации в блогах и социальных сетях, чтобы учесть мнения своих потребителей при разработке новых коллекций [8].

4. Геолокационный маркетинг. Геолокационный маркетинг позволяет взаимодействовать с потребителем на основе его местоположения, например, предлагая ему любимый продукт или скидку, когда человек проходит мимо точки продаж. Обычно для определения местоположения пользователя используются iBeacon-датчики на основе Bluetooth. Исследование McKinsey и MIT показало, что компании FMCG (Fast Moving Consumer Goods – товары повседневного спроса), которые регулярно используют аналитику больших данных в логистике, превосходят своих конкурентов на 5% по произво-

дительности и 6% по прибыльности. При этом время доставки может сократиться в 4,25 раза, а общая эффективность процесса вырастает дважды, что приносит около 10% дополнительной выручки [9].

5 Роботизация. Важно упомянуть инициативу X5 Retail Group по запуску собственной лаборатории роботизации для оптимизации задач бэк-офиса, то есть внесение данных в корпоративные системы, контроль товарооборота, обработку типовых запросов пользователей, учёт больничных листов и коммуникации с поставщиками.

6 Видеоаналитика. Отечественный рынок видеоаналитики непрерывно растет: ожидается, что к 2025 г. его объем составит 51,75 млрд руб., что в 2,75 раза больше аналогичного показателя 2019 г. [10]. При этом современные системы видеонаблюдения являются полноценными программно-аппаратными комплексами с набором интеллектуальных задач, например, детектирование событий, подсчет людей, распознавание поведения, инцидентов, изображений, лиц и предметов. В розничной сети «Магнит» подобная система видеоаналитики используется для подсчета людей в очереди к каждой кассе и перераспределения человеческих потоков. Это позволило на 70% снизить время стояния покупателей в очереди [11]. В X5 Retail Group алгоритмы машинного обучения также анализируют видео о количестве покупателей в очереди, активность касс и загрузку кассиров. Когда время ожидания и число человек в очереди превышают заданные параметры, сотрудники магазина получают соответствующее уведомление. Тестирование технологии на протяжении полугода в 56 магазинах сети показало следующие результаты по сравнению с прошлым годом [12]: в два раза снизилось количество жалоб покупателей; рост числа чеков на одну кассу составил 9%; количество посетителей, уходящих без покупок, сократилось на 10%. Вышеупомянутые торговые сети (X5 Retail Group и Магнит) активно используют видеоаналитику также для контроля наличия товара на полке и корректности его выкладки. Размещенные над полками видеокамеры фиксируют пустоты на прилавке, соотносят товары с ценниками.

Несмотря на ряд преимуществ, внедрение технологий аналитики больших данных и их хранение можно свести к следующим проблемам:

1. Безопасность вычисления в распределенных программных системах.
2. Безопасное хранение данных.
3. Проверка достоверности.
4. Мониторинг безопасности в режиме реального времени.
5. Шифрование управления доступом и обеспечение безопасности соединений.
6. Фрагментарный контроль доступа [13].

Использование технологий, построенных на основе Big Data, на практике обуславливает повышение эффективности деятельности ритейла в условиях всеобщей цифровизации экономики. Однако необходимо помнить также о таких факторах клиентоориентированности как высококачественный сервис, омниканальность, качество и широкий ассортимент товаров, своевременная обратная связь по любым возникающим вопросам. Только в совокупности всех этих аспектов ритейл может рассчитывать на качественный и устойчивый рост.

Технологии больших данных ознаменовали момент, когда понятие «информационное общество» приобрело полноценный смысл. Информация приобрела статус ценного актива, выступающего движущей силой информационного общества. Технологии Big Data обеспечивают положительный эффект в самых различных сферах, например, появление новых бизнес-моделей, построенных на индивидуальном отношении к клиенту, совершенствование системы здравоохранения, улучшение криминогенной ситуации в крупных городах, борьба с мошенническими действиями и т.д. Однако большие данные имеют и негативную сторону, обладая значительным потенциалом для вторжения в частную жизнь граждан [14].

Big Data открывает новые горизонты в планировании производства, образовании и других отраслях, подстраиваясь под кризисные изменения в мире (вспышка COVID-19). Если поступательное развитие и внедрение инновационных технологий на основе больших данных будет продолжаться, это обусловит поднятие информации, как фактора производства, на совершенно новый качественный уровень – информация станет не только равноценна труду и капиталу, но и станет важнейшим ресурсом современной цифровой экономики.

Литература и источники

1. Ghasemaghaei, Maryam. Understanding the impact of big data on firm performance: The necessity of conceptually differentiating among big data characteristics // International Journal of Information Management. 2019. 102055.
2. Imane El, Alaoui, Youssef, Gahi. The Impact of Big Data Quality on Sentiment Analysis Approaches // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 160. Pp. 803-810

3. Розничные цифры: как технологии больших данных приходят в офлайн-ретейл. Forbes, финансово-экономический журнал // URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/337857-roznichnye-cifry-kak-tehnologii-bolshih-dannyh-prihodyat-v-oflayn-riteyl
4. Большие данные (Big Data) мировой рынок. TAdviser, деловой портал // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/
5. Big Data в современном ритейле: предиктивные технологии для роста Retention и LTV. Retail Rocket, официальный сайт // URL: https://retailrocket.ru/blog/big-data-v-sovremennom-ritejle/
6. «Цифровая экономика РФ». Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/
7. Регулирование больших данных. Цифровая экономика 2024 // URL: https://digital.ac.gov.ru/opinions/4284/
8. Машинное обучение для прогнозирования спроса, Школа Больших Данных (ООО «Учебный центр «Коммерсант») // URL: https://www.bigdataschool.ru/blog/big-data-fashion-cases.html
9. Нейросети для программ лояльности и оптимизации поставок: 3 Big Data кейса в FMCG, Школа Больших Данных (ООО «Учебный центр «Коммерсант») // URL: https://www.bigdataschool.ru/blog/fmcg-big-data-cases.html
10. Российский рынок видеоаналитики. TAdviser, деловой портал // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/
11. «Магнит» показал первый магазин формата «суперстор». Retailer, официальный сайт // URL: https://retailer.ru/magnit-pokazal-pervyj-magazin-formata-superstor/
12. «Перекрёсток» запустил видеоконтроль очередей с помощью искусственного интеллекта. Retailer, официальный сайт // URL: https://retailer.ru/perekrjostok-zapustil-videokontrol-ocheredej-s-pomoshhju-iskusstvennogo-intellekta/
13. Большие данные и официальная статистика. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/conf16/prez_Pushkin.pdf
14. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43-66.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 332.1

СЭЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫРАВНИВАНИЯ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

© 2020 г. Н.М. Измаилова, Е.С. Боровая

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В данной статье исследована целесообразность придания статуса ОЭЗ, проанализированы ОЭЗ как инструменты выравнивания условий социально-экономического развития территорий, а также раскрыты вопросы занятости в ОЭЗ России.

***Ключевые слова**: свободная экономическая зона, статус ОЭЗ, СЭЗ, территории опережающего развития, социально-экономическое развитие, занятость.*

This article examines the feasibility of giving the SEZ status, analyzes SEZs as tools for equalizing the conditions of socio-economic development of territories, and also reveals the issues of employment in the SEZ of Russia.

***Keywords:** free economic zone, status of OEZ, FEZ, territories of advanced development, socio-economic development, employment.*

Опыт многих зарубежных стран свидетельствует о том, что в условиях кризисного состояния экономики именно СЭЗ могут стать одним из инструментов антикризисной политики, нацеленной на ликвидацию отсталости в развитии депрессивных регионов страны.

В странах запада СЭЗ применяется в качестве инструмента региональной политики, они чаще всего создаются именно в тех территориях, в которых имеет место высокий уровень безработицы и низкий уровень доходов населения. Статус СЭЗ, как правило, получает небольшое число территорий.

Проблема отбора территории для придания им статуса СЭЗ, а также поиска источников инвестирования в настоящее время рассматривается в работах многих ученых, которые развивают и углубляют научный задел, сформированный в научных трудах, а также в работах исследователей более позднего периода. В результате, многие вопросы исследуемой проблематики получили научную проработку. Так, в связи с тем, что характерной чертой развития СЭЗ в промышленно развитых странах является попытка придать стимул экономического развития отдельным территориям, признано, что их главной движущей силой является не иностранные инвестиции, а национальный частный капитал, государственные дотации.

Вместе с тем сохраняется потребность в разработке обновленных подходов к выработке критериев отбора заявок для получения территориями статуса СЭЗ, основанных как на учете общих закономерностей их развития, имеющемся опыте развитых и развивающихся стран, так и специфических особенностей каждой отдельной страны.

В Великобритании, США, Канаде ОЭЗ преимущественно применяются в целях выравнивания условий социально-экономического развития территорий, способствуют формированию внешнеэкономических связей, а также применяются в целях активации малого бизнеса в проблемных регионах. В этих регионах для предпринимателей предоставляется более значительная, чем в других районах страны, свобода деятельности и значительные финансовые льготы [1].

На сегодняшний день в России существует проблема большого разрыва в уровне социально-экономическом развитии регионов. В 2017 году разрыв между самым обеспеченным регионом (Сахалинская область) по показателю ВРП на душу населения и самым «бедным» субъектом Федерации (г. Севастополь) составил 37 раз. С учетом опыта развития стран ОЭЗ могут стать реальным механизмом выравнивания условий социально-экономического развития субъектов РФ.

В целях осуществления политики регионального выравнивания ежегодно расходуются значительные бюджетные средства, однако за последние 20 лет ни в одном из дотационных регионов не было зафиксировано существенных позитивных изменений в экономической ситуации.

Политика выравнивания условий социально-экономического развития регионов в РФ включает два основных инструмента:

1) финансовое выравнивание, осуществляемое посредством межбюджетных трансфертов, бюджетных кредитов, а также целевая финансовая помощь посредством федеральных программ;

2) предоставление субъекту особого статуса, например особой экономической зоны, территории опережающего экономического развития, технопарка или в целях повышения налогового потенциала данной территории [2].

Финансовое выравнивание реальной бюджетной обеспеченности субъекта является фактически платой за единство страны, так как с его помощью достигается стабилизация экономической стабилизации в отстающих регионах, а также обеспечивается принцип «социальной справедливости», который представляет собой возможность равного доступа граждан нашей страны к бюджетным услугам вне зависимости от территории их проживания.

Второй инструмент (ОЭЗ, ТОР, технопарки) является достаточно новым для РФ, его цель – создание в регионе условий для привлечения инвестиций, что в дальнейшем позволит сформировать налоговую базу субъекта.

Если сравнивать два инструмента между собой, то можно отметить, что в отличии от финансового выравнивания такой инструмент региональной политики как ОЭЗ используется лишь в ограниченном числе регионов. Практически 90% всех регионов РФ получают средства на выравнивание бюджетной обеспеченности. В то же время получить статус ОЭЗ в РФ на сегодняшний день очень сложно. Возможность создания ОЭЗ в регионе предоставляется лишь избранным регионам на конкурсной основе. Поэтому чтобы сделать ОЭЗ реальным механизмом выравнивания условий социально-экономического развития, необходимо учитывать социально-экономическое положение региона.

Анализ мирового опыта показывает, что существует два основных подхода к использованию инструментов стимулирования регионального развития. Первый подход используется в развитых странах, таких как США или Германия. Стимулирующие программы здесь реализуются, прежде всего, в слабых депрессивных регионах, что способствует экономическому выравниванию.

Второй подход используется в развивающихся странах, например в Китае. Здесь внимание сосредоточено на развитых регионах, на которые гораздо легче привлечь дополнительные инвестиции.

Мировой опыт свидетельствует о том, что механизмами «поляризованного» развития нужно использовать очень осторожно.

Практический интерес представляет собой используемый механизм, он заключается в том, что первоначально местные власти, на территории которых созданы особые зоны, получают специальную компенсацию от федеральных и региональных властей, чтобы возместить потери бюджета в результате предоставления налоговых льгот предприятиям резидентам.

Как показывает практика функционирования особых зон в Южной Корее данный механизм способствует активизации потребительского и инвестиционного спроса, что в дальнейшем приводит к росту доходов бюджетов.

Проблема выравнивания условий социально-экономического развития также возникает и в относительно небольших по площади и благополучных государствах, таких как Испания. По показателю на душу населения регионы Испании можно разделить на успешные, или развитые, среднеразвитые и менее развитые.

В 1960-70-е гг. сокращение диспропорций в уровне социально-экономического развития страны поставил одной из своих главных задач «франкистский режим». В 1962 Международный банк реконструкции и развития провел исследования в Испании, в результате чего были сделаны рекомендации по созданию полюсов экономического развития посредством организации особых экономических зон. Изначально предполагалось создавать «полюса» как в индустриально-развитых районах, так и тех, где индустриальная активность отсутствовала. Предполагалось, что подобные полюса развития будут двух видов: в районах, где уже имелся опыт индустриализация, а также где индустриальная активность практически отсутствовала [3].

В результате чего было создано пять полюсов экономического роста, которые представляют собой особые зоны двух типов; промышленные и портовые. Несмотря на то, что изначальной целью региональной политики испанских властей было выравнивание экономическое развитие регионов, оказалось, что данные зоны были созданы в развитых регионах провинций, в которых показатель подушевого дохода был выше среднего по стране уровня. Опыт функционирования экономических зон в Испании не оправдал тех надежд, которые на них возлагались. Их концепция оказалась недостаточно продуманной, они не ускорили существенным образом развитие регионов, на территории которых были созданы.

Россию обычно относят к числу развивающихся стран, и соответственно было логичным применение уже отработанных другими государствами мер. Однако в России существует ряд существенных отличий от таких стран как Китай или Бразилия.

Например, многие проблемные регионы – это территории, пострадавшие от перехода к рыночной экономике, в которых изначально есть готовые объекты инфраструктуры и квалифицированные кадры.

Некоторые депрессивные регионы нашей страны имеют стратегическое значение для экономики страны, например, имеют приграничное положение, и, соответственно, их поддержка крайне важна для экономики государства в целом.

На наш взгляд, необходимо несколько изменить критерий отбора заявок для получения статуса ОЭЗ в нашей стране, уделяя внимание депрессивным регионам, готовым воспользоваться преимуществами данного инструмента региональной политики.

По данным Минэкономразвития, за 14 лет работы общий объем заявленных инвестиций в ОЭЗ составил 900 млрд рублей, но вложенных инвестиций почти в три раза меньше – порядка 350 млрд рублей. Эти данные указывают на одну из проблем российских ОЭЗ – низкую эффективность инвестиций, в том числе частных. Частные компании не спешат в зоны, а государственные инвестиции не оправдывают себя.

В апреле 2016 г Счетная палата РФ обнародовала доклад с анализом эффективности работы ОЭЗ. За 10 лет на ОЭЗ было выделено федеральным центром 186 млрд рублей, из них 24 млрд не были использованы, а отдача в виде налогов не превысила 40 млрд руб.

Создание одного рабочего места в зоне обошлось государственному бюджету в 10 млн рублей, а к росту экономики зоны и ничего не добавили.

В 2017-м десять ОЭЗ правительство было вынуждено ликвидировать. Большинство из них было туристического и портового типов.

Считается, что территории опережающего развития (ТОР) оказались эффективнее ОЭЗ. На территории того же Дальневосточного федерального округа с 2015 года реализуется 2127 инвестиционных проекта.

Заявленный объем инвестиций – 4,11 трлн рублей. Введено в эксплуатацию пока что 287 проектов. Рабочих мест планируется создать 164,9 тысяч. Реально создано — всего 43,8 тыс. [4]

Считаем необходимым использование относительных показателей для оценки экономического эффекта от работы ОЭЗ: отношение занятых на предприятиях резидентах ОЭЗ к численности трудоспособного населения, доля в ВРП и пр.

Нельзя сказать, что на сегодняшний день ОЭЗ оказывают существенное влияние на экономику региона базирования, их доля в ВРП субъекта не превышает 3%. Правительство планирует довести данный показатель до 8%.

Самые высокие показатели, характеризующие влияние функционирования ОЭЗ на обеспечение занятости на территории базирования, достигнуты в двух зонах: в Республике Татарстан и Липецкой области, 11% и 10,5%. Эти зоны также ежегодно попадают в международные рейтинги инвестиционной привлекательности и по праву считаются лучшими в России. Также можно выделить достаточно высокие показатели в Томской и Московской областях [5].

Вместе с тем для большинства регионов создание реальных рабочих мест остается проблемой, так как в ряде субъектов по оценкам Счетной палаты стоимость организации одного рабочего места превысила десяти миллионов рублей, что не является нормальным.

Анализируя расходы федерального бюджета на создание инфраструктуры ОЭЗ, можно отметить, что они распределены между зонами крайне неравномерно, например на фоне других регионов выделяются Республика Татарстан, Москва и Санкт-Петербург.

Если анализировать окупаемость вложений, то здесь абсолютным лидером также является Республика Татарстан, высокая окупаемость государственных инвестиций наблюдается в Липецкой области. Самые низкие показатели окупаемости государственных инвестиций за 8 лет функционирования были отмечены в туристическом кластере, включающем в себя 9 ОЭЗ туристско-рекреационного типа, однако и государственные расходы на данные ОЭЗ были в десять раз ниже аналогичных показателей для Республики Татарстан. И российский, и зарубежный опыт показывают, что инвестиции в индустрию региона являются важным фактором его экономического развития [6].

Таким образом, Правительству предстоит найти баланс между политикой выравнивания и политикой стимулирования экономического развития, что на текущий момент является проблематичным.

Исходя из анализа соотношения государственных расходов и экономического результата деятельности ОЭЗ, можно сделать вывод о том, что применение режима ОЭЗ в России не способствует выравниванию условий экономического развития регионов. Многие зоны, образованные в проблемных регионах, существуют лишь номинально и фактически не работают, а наиболее успешные ОЭЗ находятся в сильных перспективных субъектах.

Именно в сильные регионы, такие как Республика Татарстан, Московская область и Санкт-Петербург, осуществляются наибольшие бюджетные расходы, в то время как остальные ОЭЗ остаются без внимания со стороны государства.

Многие отстающие регионы на самом деле обладают значительным потенциалом: человеческим, ресурсным и т.д., однако для его эффективной реализации требуется создание специальных условий. На наш взгляд, ОЭЗ могут быть одним из основных инструментов развития данных субъектов. При отборе ОЭЗ необходимо сместить акцент с оценки текущего состояния региона на анализ самого инвестиционного предложения.

Литература

1. Неучева М.Ю. Особые экономические зоны как инструмент выравнивания // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2009. №6. С. 77.
2. Дегтярева И.В., Неучева М.Ю. Асимметрия социально-экономического развития регионов и механизмы ее выравнивания: Монография. Уфа: РИО БАГСУ, 2005.
3. Соколова С.В., Шапошников С.В. Современный опыт формирования специальных экономических зон в развитых странах мира // Вестник университета. 2013. № 21. С. 168-175.
4. «Забава для чиновников: что творится в особых экономических зонах» // URL: https:// //www.gazeta.ru/business/2019/12/30/12891248.shtml?updated
5. Особые экономические зоны. Теоретико-методологические аспекты развития. Книга 1. Монография. Гриф УМЦ Профессиональный учебник. Гриф НИИ образования и науки. Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова Издательство: Юнити-Дана, 2019
6. Измаилова Н.М. Проблемы инвестиционной привлекательности регионов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 10 (89). С. 7-10.

УДК 332.146

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2020 г. З.А. Кодзоева

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

На современном этапе развития национальной экономики государственные институты при проведении социально-экономической политики всё большее внимание уделяют комплексному развитию не столько отдельных отраслей экономики, как регионам (в том числе депрессивным) и кластерам – подход, опирающийся на анализ инвестиционной динамики, помогающий более точечно и эффективно реализовывать экономические программы для создания новых рабочих мест, увеличения регионального ВВП и роста благосостояния граждан. Тем не менее, при реализации любых программ всегда возникает вопрос оценки их итоговой эффективности и реального влияния на граждан отдельного региона – ведь номинальный анализ динамики инвестиций, хоть и представляет из себя важный компонент развития, не всегда может комплексно охарактеризовать реальные качественные сдвиги в экономике и социуме. Именно это обуславливает актуальность рассмотрения различных концептуальных подходов оценки эффективности реализации региональной экономической политики.

Ключевые слова: *регионы, экономическая политика, оценка эффективности, региональная политика, кластеры, инвестиции.*

At the present stage of development of the national economy, state institutions, while carrying out socio-economic policy, pay more and more attention to the integrated development not so much of individual sectors of the economy, as to regions (including depressive ones) and clusters – an approach based on the analysis of investment dynamics, which enhances implementing economic programs on creating new jobs, increasing regional GDP and the welfare of citizens. Nevertheless, when implementing any programs, the question of assessing their final effectiveness and real impact on the citizens of a particular region always arises – after all, a nominal analysis of the dynamics of investments, being an important component of the development, cannot always comprehensively characterize real qualitative shifts in the economy and society. This is what determines the relevance of considering various conceptual approaches to assessing the effectiveness of the implementation of regional economic policy.

Keywords: *regions, economic policy, efficiency assessment, regional policy, clusters, investments.*

Термин «региональная экономическая политика» не так часто встречается в академической литературе, оставаясь по популярности далеко позади таких терминов как «региональное развитие» или «региональное планирование», все из которых были введены в научную среду после 1960-х годов, с началом использования пространственно-экономических и кластерных подходов [1].

В общем плане, появление и расширение деятельности малого и среднего бизнеса в регионе, а также рост внутренних и внешних инвестиций являются ключевым фактором развития региональной экономики, позволяя привлекать ещё больше инвесторов и повышая конкурентоспособность производимых товаров и услуг. В этом контексте успех региональной экономической политики является вопросом культивирования конкурентной деловой и институциональной среды региона путем учета, казалось бы, приземленных, но жизненно важных вещей как развитие инфраструктуры, упрощение процедур привлечения инвестиций, повышение человеческого капитал с эффективным государственным управлением и рациональным региональным планированием.

Для большинства регионов отсутствие одного или нескольких из озвученных элементов может оказаться критичным при реализации региональной политики. Таким образом, можно утверждать, что власти при воплощении региональной экономической политики должны ориентироваться на ряд основных показателей (маркеров):

- привлечение и удержание прямых инвестиций в региональных отраслях;
- кластеризация и диверсификация экономики региона;
- реструктуризация региональной производственной базы;
- стабилизация макроэкономической ситуации;
- разработка и имплементация инструментов поддержания региональной экономики (налоговые льготы, снижение административного контроля, упрощение бюрократических процедур).

Регион – это открытая система, интенсивно взаимодействующая с внешним миром. Межрегиональное сотрудничество имеет особое значение при решении таких задач, как развитие инфраструктуры, оптимальное размещение производственных мощностей, реализация масштабных инвестиционных проектов, накопление прогрессивного опыта в области инновационного развития [2].

Оно также способствует формированию кооперационных сетей в различных сферах: экономике, культуре, образовании и др. В современной экономике нетворкинг становится важным фактором регионального развития, ведь приграничные территории имеют большие возможности для развития межрегионального сотрудничества.

В общем плане региональная экономика – это относительно закрытая часть народного хозяйства, имеющая определенное количество отраслей специализации. В связи с этим факторы эффективности региональной инвестиционной политики можно разделить на три уровня: национальный (макроэкономический), отраслевой и территориальный.

Региональная экономическая политика – важный инструмент государственного регулирования. В соответствии с указом президента РФ, государственная политика регионального развития – это система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Реализация региональной экономической политики осуществляется преимущественно с помощью программно-целевого метода [3], суть которого состоит в разработке комплекса взаимосвязанных и последовательно осуществляемых программ и проектов. Любой проект, а тем более крупная региональная программа требует применения экономических ресурсов, включая бюджетные средства, объем которых всегда ограничен.

Оценка эффективности региональной экономической политики должна строиться, с одной стороны, на анализе общего состояния социально-экономической системы региона, а с другой – на анализе реализуемых программ и проектов [4].

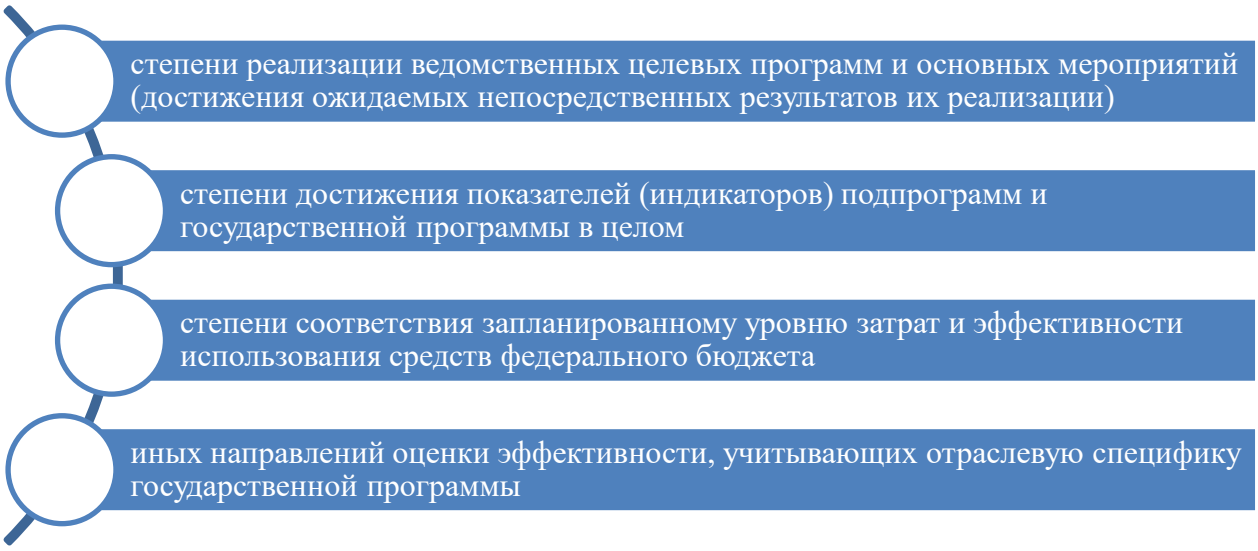


Рисунок 1. Пункты, используемые для оценки эффективности региональных программ

По состоянию на середину 2020 г. наиболее актуальными критериями эффективности региональной экономической политики являются показатели, обозначенные в Указе Президента № 548, среди которых (рисунок 2):

Рисунок 2. Ключевые критерии оценки эффективности региональной экономической политики

Анализ влияния различных факторов на эффективность реализации региональной экономической политики были проведены во многих исследованиях [5]. На основе анализа динамики экономического развития авторы делают вывод, что основными факторами роста экономики регионов России являются уровень инвестиционной активности наряду с ростом численности экономически активного населения.

Таким образом, инвестиции – главный драйвер экономического роста. Теоретическое обоснование приоритета инвестиционной политики исходит из известных моделей экономического роста. Так, в кейнсианской модели, разработанной в конце 1940-х годов, единственным фактором роста валового выпуска являются инвестиции.

В неоклассических моделях экономического роста самой известной из которых была модель Солоу, инвестиции, наряду с развитием технологий и человеческого капитала, выступают в качестве основного фактора экономического роста.

Для эффективного использования имеющегося инвестиционного потенциала в рамках региональной инвестиционной политики используется ряд инструментов. Налоговые льготы [6] следует рассматривать как традиционный инструмент привлечения инвестиций в экономику региона. В большинстве случаев регионы предоставляют освобождение от региональных и местных налогов, а также дифференцированные ставки налога на прибыль [7].

Кластеры также широко используются как инструмент для обеспечения экономического роста и интенсификации инвестиционного процесса. Субъекты Федерации уделяют большое внимание поддержке кластерных инициатив, к наиболее распространенным мерам поддержки относятся развитие кластерной инженерной инфраструктуры, налоговые льготы, субсидии, софинансирование инвестиционных затрат.

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе оценка эффективности региональной экономической политики является сложным процессом, включающим в себя большое количество различных подходов и инструментов, связанных с анализом и динамикой инвестиций, анализом кластеров и использованием ряда метрик (ожидаемая продолжительность жизни, коэффициент

доступности жилья и др.), позволяющих в совокупности оценить эффективность и продуктивность региональных экономических программ по развитию субъектов федерации.

Литература

1. Bergman E., Feser E. Regional Economic Development. 2017 // URL: https://www.researchgate.net/publication/ (Дата обращения 28.08.2020).
2. Nikolaev M., Makhotaeva M. Efficiency factors of regional investment policy // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. P. 1-10
3. Дорофеев А., Чунихин А. Критерии эффективности региональной экономической политики // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. 2019. №1(21). С. 116-120
4. Данилова И., Савельева И., Лапо А. Оценка стратегической социально-экономической политики региона: методический подход // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2019. Т. 13. № 2. С. 17–27
5. Ускова Т., Разгулина Е. О роли инвестиций в социально-экономическом развитии территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №. 2(38). Р. 72–89.
6. Троянская М. А. Конкуренция в сфере налогообложения и формы ее проявления между субъектами Российской Федерации // Journal of Tax Reform. 2017. Т. 3. № 3. С. 182–198
7. Арсеньева В.А., Малышева Ю.А. Налоговые механизмы управления инвестиционным развитием региона: основные направления совершенствования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 12. С. 37-40

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 338:61

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА НА ЮГЕ РОССИИ

© 2020 г. Н.А. Савельева, Т.В. Шмелева, С.И. Топоров

Сочинский государственный университет
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

Sochi State University
Sovetskaya street 26a, Sochi city, 354000

В статье выполнен анализ экономических аспектов развития медицинской сферы Юга России с позиции исследования экономических предпосылок и условий для формирования в регионе современного медицинского туризма. Успешному развитию медицинского туризма способствует устойчивое финансовое положение сферы здравоохранения, наличие развитой ресурсной базы, в том числе коечного фонда и кадрового потенциала, становление и эффективное развитие коммерческого сектора в системе здравоохранения, направленность на активизацию инвестиционных процессов в данной сфере.

Ключевые слова: *медицинский туризм, медицинская сфера, экономические предпосылки, анализ, здравоохранение, Юг России.*

The article analyses economic aspects of development of medical sphere of the South of Russia from a position of the research of economic preconditions and conditions for the formation of modern medical tourism in the region. Successful development of medical tourism is enhanced by a steady financial position of the sphere of public health services, the presence of the developed resource base, including hospital bed fund and personnel potential, the formation and effective development of a commercial sector in the public health services system, the focus on investment processes in the given sphere.

Keywords: *medical tourism, medical sphere, economic preconditions, analysis, public health, the South of Russia.*

Статья написана по результатам исследований, выполненных по гранту № 20-010-00798 А Российского фонда фундаментальных исследований.

В Российской Федерации в настоящее время достаточно успешно решается проблема становления сферы медицинского туризма [1,2]. Согласно Федеральному проекту «Развитие экспорта медицинских услуг» [3], реализуемому Минздравом РФ, уже к 2024 году предусмотрено достижение объема экспорта услуг медицинского туризма в размере 1 млрд.долл. и числа иностранных пациентов 1,2 млн.чел. [4]. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров мирового медицинского туризма, и для

этого она обладает достаточно высоким потенциалом, в том числе в сфере медицинского курортного туризма [5].

Предметом исследования настоящей статьи является анализ экономических аспектов развития медицинской сферы Юга России с позиции исследования предпосылок и условий для развития современного медицинского туризма в регионе.

Успешному развитию медицинского туризма в регионе способствует устойчивое финансовое положение сферы здравоохранения, наличие развитой ресурсной базы, в том числе кадрового потенциала, становление и эффективное развитие коммерческого сектора в системе здравоохранения, направленность на активизацию инвестиционных процессов в данной сфере. С учетом этих направлений нами был выполнен анализ сферы здравоохранения Южного и Северо-Кавказского федеральных округов с целью выявления экономических предпосылок для развития медицинского туризма на Юге России.

На рисунке 1 показана динамика уровня заболеваемости населения Юга России за период 2015-2018 гг.

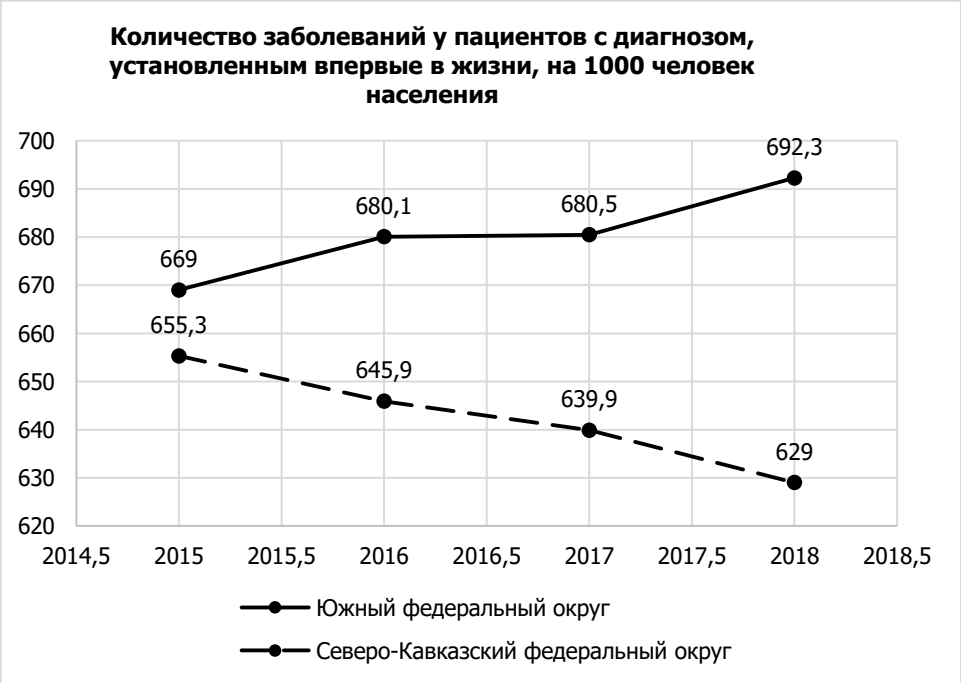


Рисунок 1. Динамика уровня заболеваемости населения Юга России за период 2015-2018 гг. (составлено по материалам [6,7])

Динамика уровня заболеваемости умеет устойчивую положительную динамику в Южном федеральном округе (ЮФО) и такую же устойчивую, но отрицательную динамику в Северо-Кавказском округе (СКФО).

Динамика расходов сферы здравоохранения Юга России представлена на рисунке 2.

В рассматриваемом периоде отмечается положительная динамика расходов территориальных фондов обязательного медицинского страхования. Расходы на здравоохранение консолидированных бюджетов субъектов Юга России в 2016 году возрастают, но в 2017 году практически вдвое снижаются. В дальнейшем продолжает отмечаться тенденция к росту этих затрат. Совокупные затраты из рассматриваемых источников в Южном федеральном округе в целом за период 2015-2018 гг. возрастают при росте заболеваемости населения. В Северо-Кавказском федеральном округе на фоне отрицательной динамики уровня заболеваемости населения отмечается уменьшение совокупных затрат.

Выплаты по договорам добровольного медицинского страхования в Южном федеральном округе за период 2015-2018 гг. выросли. Характер динамики этих выплат совпадает с динамикой расходов консолидированных бюджетов с переломной точкой 2017 года. В целом, следует отметить достаточно малый объем выплат, произведенных по договорам добровольного медицинского страхования, – по данным 2018 года данные выплаты составили 0,029 % от величины расходов территориальных фондов обязательного медицинского страхования ЮФО. Данные по выплатам по договорам добровольного медицинского страхования в Северо-Кавказском федеральном округе в рассматриваемом периоде не фиксировались.

На рисунке 3 показана динамика инвестиций в основной капитал сферы здравоохранения Юга России.

Инвестиции в основной капитал сферы здравоохранения региона имеют в целом положительную динамику. В ЮФО за период 2015-2018 гг. инвестиции выросли на 8031,9 млн.руб. или 49,2 %. Наиболее высокий уровень инвестиционной активности отмечался в 2018 году – инвестиции в основной капитал увеличились на 7133,4 млн.руб. или 41,5 %. В СКФО инвестиционная активность была ниже. За период 2015-2018 гг. общая сумма инвестиций в основной капитал сферы здравоохранения СКФО выросла на 3138,2 млн.руб. или 29,6 %.

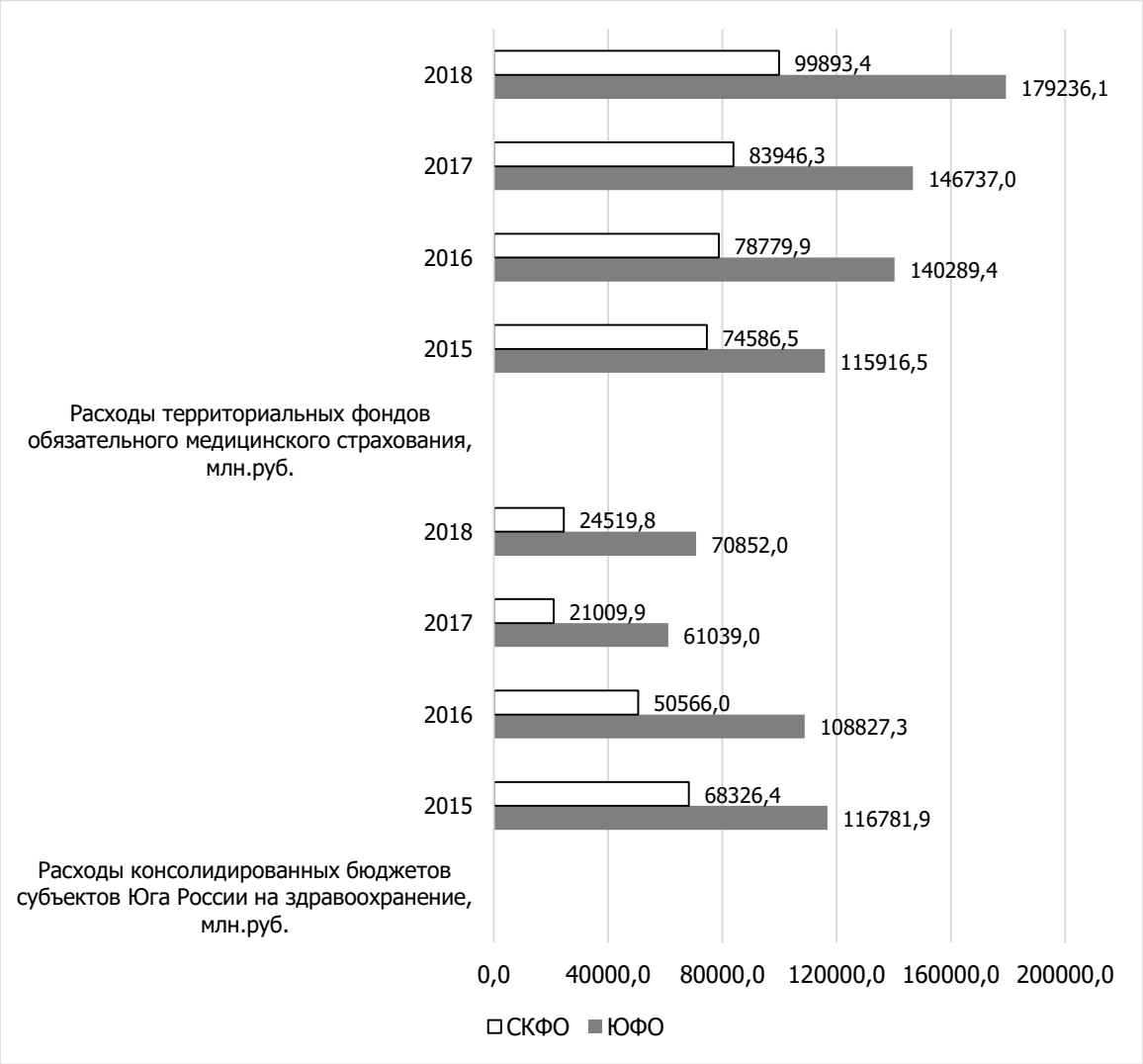
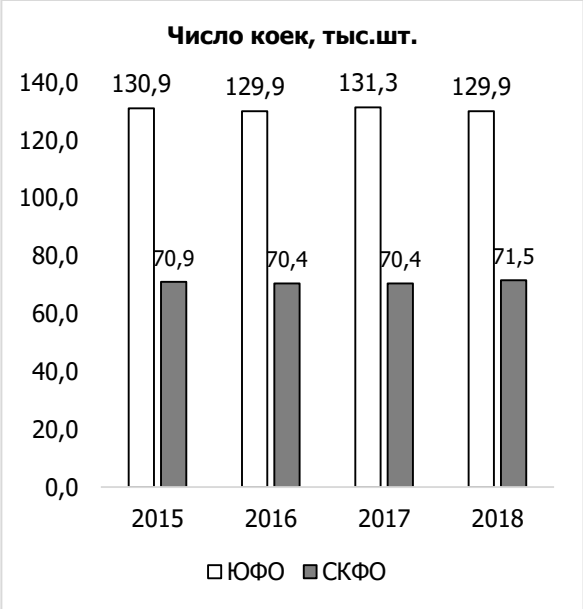


Рисунок 2. Динамика расходов сферы здравоохранения Юга России
(составлено по материалам [6,7])

Рисунок 3. Динамика инвестиций в основной капитал
сферы здравоохранения Юга России (составлено по материалам [6,7])

На рисунке 4 представлены показатели мощности организаций медицинской сферы Юга России.

Количество больничных организаций в ЮФО за период 2015-2018 гг. уменьшилась на 5,1 %. В СКФО, напротив, количество больничных организаций выросло на 3,5 %. Такая же тенденция отмечается и по количеству больничных коек. СКФО в рассматриваемом периоде существенно опережал ЮФО по темпам ввода в действие мощностей больничных организаций.



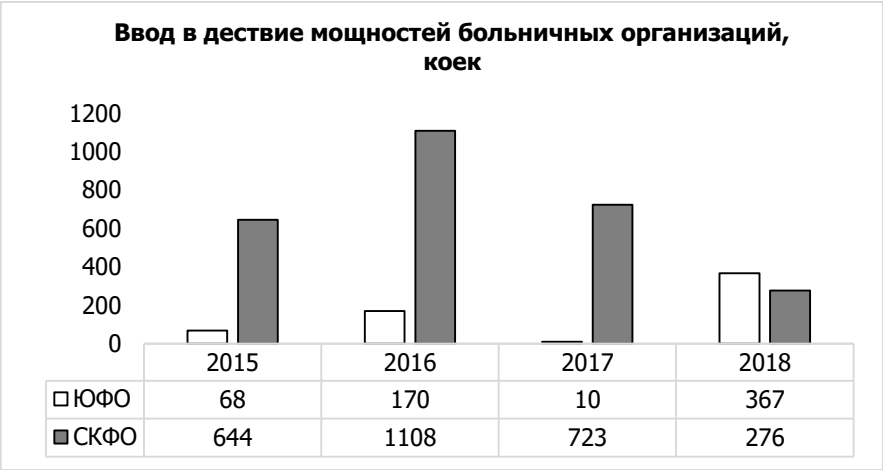


Рисунок 4. Показатели мощности организаций медицинской сферы Юга России (составлено по материалам [6-9])

На рисунке 5 показана обеспеченность кадровым потенциалом медицинской сферы Юга России.

В рассматриваемом периоде отмечается положительная динамика численности врачей всех специальностей как в ЮФО, так и в СКФО. В ЮФО в 2018 году произошло уменьшение численности среднего медицинского персонала. В целом, на Юге России динамика среднего медицинского персонала несколько отстает от динамики числа врачей.

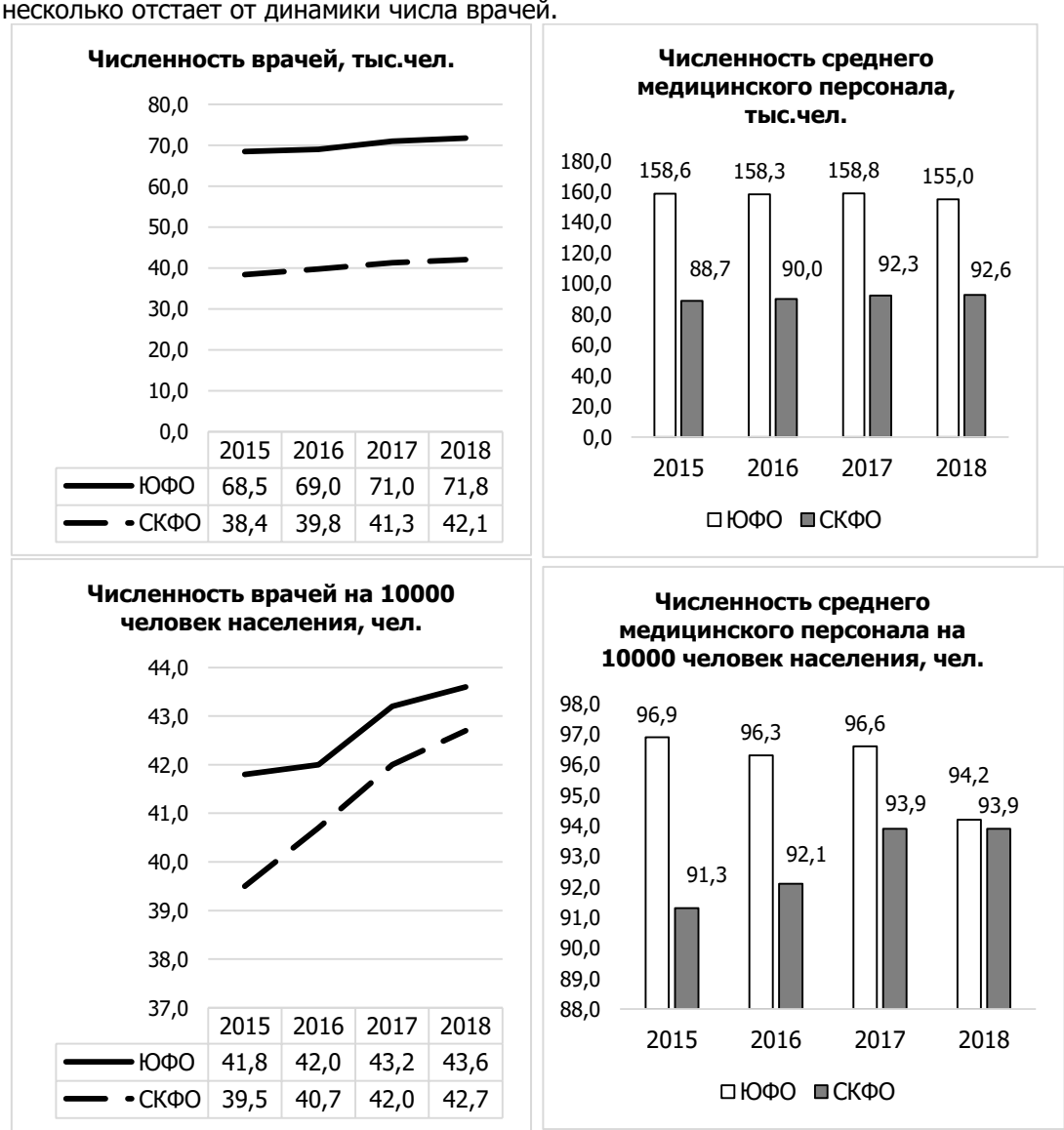
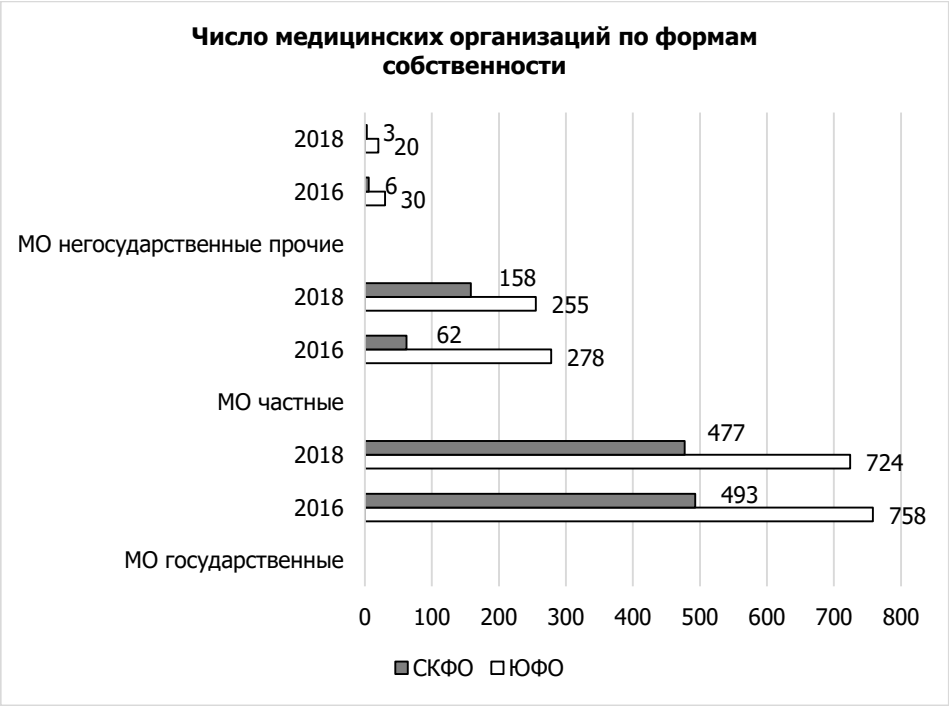


Рисунок 5. Обеспеченность кадровым потенциалом медицинской сферы Юга России (составлено по материалам [6,7])

На рисунке 6 показана динамика и структура медицинских организаций Юга России по формам собственности.



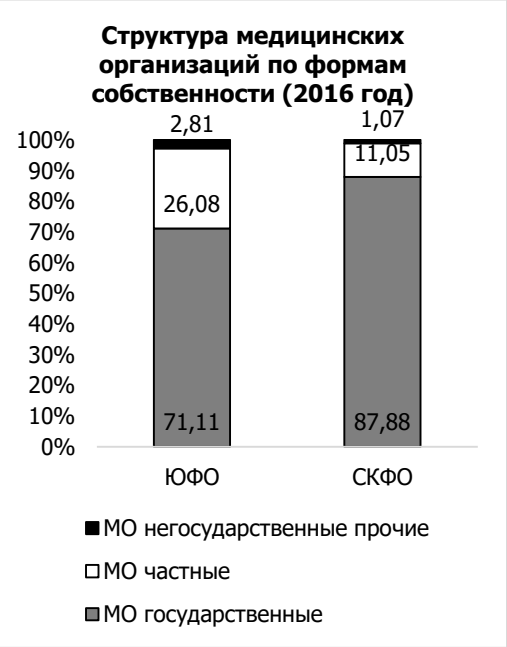


Рисунок 6. Динамика и структура медицинских организаций Юга России по формам собственности (составлено по материалам [6,7])

В 2018 году в ЮФО на фоне общего уменьшения количества медицинских организаций отмечается снижение числа частных медицинских организаций на 8,3 % по сравнению с 2016 годом. В СКФО количество медицинских организаций в 2018 году по сравнению с 2016 годом выросло на 13,7 %. Данный рост был обеспечен исключительно увеличением количества частных медицинских организаций на 154,8 %, т.е. больше чем в 2,5 раза. Однако, несмотря на существенный рост числа частных медицинских организаций в СФКО, их доля в общем количестве медицинских организаций региона составила в 2018 году 24,76 %, что ниже уровня данного показателя в ЮФО – 25,53 %. В ЮФО в 2018 году доля частных медицинских организаций сократилась по сравнению с 2016 годом на 0,55 %.

Следовательно, в СКФО отмечается значительный рост коммерческого сектора медицинской сферы, что положительно сказывается на развитии сферы медицинского туризма в регионе. В целом,

на Юге России около четверти медицинских организаций представлены частной формой собственности.

Анализ сферы здравоохранения Юга России позволил выявить экономические предпосылки для развития сферы медицинского туризма в регионе:

- в регионе увеличиваются как текущие, так и инвестиционные затраты на развитие медицинской сферы, что способствует совершенствованию материально-технической базы, в том числе и капитальной, системы здравоохранения;
- высокий уровень инвестиционной активности создает предпосылки для повышения качества медицинской помощи и формирования на этой основе услуг медицинского туризма;
- хорошие экономические перспективы формирует рост показателей мощности сферы здравоохранения СКФО как в отношении увеличения количества медицинских организаций, так и роста коечного фонда, числа врачей всех категорий. В ЮФО отмечается снижение мощности медицинских организаций, что препятствует развитию медицинского туризма из-за сложности приема дополнительных пациентов;
- интенсивное развитие коммерческого сектора в сфере здравоохранения региона способствует повышению уровня обслуживания пациентов, внедрению современных медицинских технологий и материалов. Около четверти медицинских организаций Юга России имеют частную форму собственности. Высокую динамику коммерческого сектора медицинской сферы показывает СКФО.

Таким образом, на Юге России в целом имеются экономические предпосылки для развития медицинского туризма, которые следует использовать для становления данной сферы в регионе.

Литература

1. Романова Г.М. Управление развитием медицинского туризма как особой сферы предпринимательства: монография / Г.М. Романова, Н.А. Савельева, Т.Ю. Анопченко, А.Д. Мурзин, С.И. Топоров. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2020. 252 с.
2. Решетинская М. Медицина на экспорт // Газета «Коммерсантъ», Тематическое приложение «Review Технопром» №169 от 18.09.2019. С. 12.
3. Федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг». официальный сайт Минздрава РФ // URL: https://static-1.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/original/Pasport_ 1558614408.
4. Минздрав может выполнить план проекта по экспорту медуслуг в 2019 году // Портал «Будущее России Национальные проекты», 04.09.2019. // URL: https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/979769?
5. Saveleva N.A. Supply Chain Management in Competitive Structure of Sochi Health Resort and Spa Industry: Strategic Groups Analysis / N.A. Saveleva, T.A. Yudina, O.G. Kovalenkova, U.I. Verbin, V.V. Rokotyanskaya // International Journal of Supply Chain Management (IJSCM), 2020. Vol. 9, №1. Pp. 676-682.
6. Здравоохранение в России. 2019: Стат.сб. Приложение. М.: Росстат, 2019. 170 с.
7. Основные показатели учреждений здравоохранения Краснодарского края. 2014-2018: Стат.сб. Краснодар: Краснодарстат, 2019. 65 с.
8. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019: Стат.сб. М.: Росстат, 2019.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат.сб. М.: Росстат, 2019. 1204 с.

УДК 339.137.2 : 637.072

ПРИМЕНЕНИЕ РАСЧЕТНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА

© 2020 г. Т.И. Шпак, А.В. Клопова, Ю.З. Насиров, Р.Б. Жуков

Донской государственный аграрный университет
346493, Ростовская область, п. Персиановский, ул. Мичурина, 13

Don State Agrarian University
13, Michurina str., p. Persianovsky, Rostov Region, 346493

Расчетные методы определения показателей качества товаров основаны на использовании теоретических и стохастических и (или) эмпирических зависимостей показателей качества продукции от ее параметров. Они используются при проектировании изделий или когда изделие не может быть объектом экспериментальных исследований. Расчетные методы используются для определения значений таких показателей как эффективность потребления, затраты на потребление и использование товара, оценка уровня качества товара.

На рынке товаров конкурентоспособность рассматривается с точки зрения потребителя. Основными факторами, формирующими конкурентоспособность, являются их достаточно высокие потребительские свойства и низкая цена.

Потребитель из двух однородных товаров, как правило, выберет тот, что дешевле, а при одинаковой цене - тот, чьи потребительские свойства выше.

Расчеты проводились с целью определения показателей, характеризующих конкурентоспособность питьевого молока по определенным потребительским свойствам. По результатам опроса потребителей рассчитаны интегральные показатели потребительских свойств питьевого молока. Полученные данные позволяют прогнозировать потребительский спрос на продукцию.

Ключевые слова: *расчетные методы, конкурентоспособность, интегральный показатель, молоко питьевое, потребительские свойства, цена, качественные показатели, опрос потребителей, пищевая ценность, образцы, показатели*

Calculation methods for determining product quality indicators are based on the use of theoretical and stochastic and (or) empirical dependencies of product quality indicators on its parameters. They are used when designing products or when the product cannot be the object of experimental research. Computational methods are used to determine the values of indicators such as the efficiency of consumption, costs for consumption and use of the product, evaluation of product quality.

In the market of goods, competitiveness is considered from the point of view of the consumer. The main factors forming competitiveness are their high consumer properties and low price.

The consumer will usually choose the one that is cheaper from two similar products, and at the same price - the one whose consumer properties are higher.

Calculations have been made to determine the indicators that characterize the competitiveness of drinking milk for certain consumer properties. Based on the results of a consumer survey, integral indicators of consumer properties of drinking milk have been calculated. The data obtained allow us to forecast consumer demand for products.

Keywords: calculation methods, competitiveness, integral indicator, drinking milk, consumer properties, price, quality indicators, consumer survey, nutritional value, samples, indicators.

Введение. Термин «конкурентоспособность» означает «конкурент» и «способность». «Конкуренция» в переводе с латинского означает «соперничество». Оценкой конкурентоспособности товаров и услуг занимаются различные субъекты рынка: предприятия-изготовители, предприятия сферы услуг, потребительские организации [1, с.136-137]. Но, в конечном счете, оценка конкурентоспособности является прерогативой потребителя. Из ряда аналогов он выбирает товар (услугу), который больше соответствует его потребностям. Поэтому можно согласиться и с таким вариантом определения: «Конкурентоспособность товара показывает степень притягательности для совершающего реальную покупку потребителя» [2]. Для универсальности приведенного определения конкурентоспособности с позиции субъекта хозяйственной деятельности в него следует включить признак, который не интересует потребителя, но является решающим для изготовителя (продавца) – коммерческий успех продукции на рынке [3]. Речь идет о таком критерии, как доход (издержки). Коммерческий успех имеет место при превышении доходов над издержками, т.е. при получении прибыли, т.е. как говорят: «Прибыль – это приз для организации, участвующей в конкурсе» [4].

Исходя из этого, прогнозирование потребительского спроса на продукцию с использованием расчетных методов является целесообразным и актуальным.

Впервые на примере пяти образцов молока, изготовленных в соответствии с требованиями единого стандарта и реализуемого в магазине «Пятёрочка», с использованием расчетных методов установлены комплексные показатели качества и проведен опрос потребителей с целью прогнозирования потребительского спроса. Установлено, что полученные результаты имеют практическую значимость, позволяющую производителю устанавливать цены на продукцию с учётом комплексной оценки качества.

Основная часть. Конкурентоспособность нами рассматривается как свойство продукции. Ее количественной характеристикой является показатель конкурентоспособности продукции [5, с.131].

Для расчета конкурентоспособности было выбрано пять образцов молока с массовой долей жира 2,5%, реализуемого в магазине «Пятёрочка». При выборе молока руководствовались тем, что все образцы были произведены в соответствии с ГОСТ 31450-2013 [6], у образцов были разные производители, но единые регламентированные показатели.

Образец №1.

Молоко пастеризованное м.д.ж.2,5%, под торговой маркой «Станция Молочная».

Образец №2.

Молоко пастеризованное м.д.ж.2,5%, под торговой маркой «Белый Медведь».

Образец №3.

Молоко пастеризованное м.д.ж.2,5%, под торговой маркой «Красная Цена».

Образец №4.

Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5%, под торговой маркой «Коровка из Кореновки».

Образец №5.

Молоко пастеризованное м.д.ж.2,5 %, под торговой маркой «Кубанская Буренка».

Результаты. Экспертной группой было выбрано пять показателей, характеризующих качество сравниваемых видов молока [7]: X_1 - внешний вид;X_2 - консистенция; X_3 - цвет;X_4 - запах и вкус.

В таблице 1 приведены результаты ранжирования указанных свойств и определена согласованность мнений экспертов [8].

Исходя из результатов ранжирования (табл.1) показателей качества, приняты следующие максимальные значения: X_1 - внешний вид – 4 балла; X_2 - консистенция – 6 баллов; X_3 -цвет – 4 балла; X_4 - вкус и запах -6 баллов.

Для нахождения центрального отклонения (Q_i) необходимо от суммы рангов каждого показателя ($\sum M_{Ij}$) вычесть среднюю сумму рангов всех показателей ($\sum T_{ср}$) [9]:

$Q_i = \sum M_{Ij} - \sum T_{ср}$ (1)

В свою очередь для определения средней суммы рангов всех показателей необходимо сумму рангов всех показателей ($\sum_{i=1}^{n} \sum_{j=1}^{n} M_{Ij}$) разделить на количество оцениваемых свойств товара (n):

$$T_{ср} = \frac{\sum_{i=1}^{n}\sum_{j=1}^{n} M_{ij}}{n} \quad (2)$$

Далее определим коэффициенты весомости (m_i) молока, по формуле 3:

$$M_i = \frac{\sum_{i=1}^{r} M_{ij}}{\sum_{j=1}^{n} \sum M_{ij}} \text{.....} (3),$$

где, $\sum_{j=1}^{n} M_{ij}$ - сумма рангов каждого показателя;

$\sum_{j=1}^{n} \sum M_{ij}$- сумма рангов всех показателей. Таким образом, получаем следующие значения коэффициентов весомости для каждого показателя соответственно: m_1=19:100=0,190; m_2=28:100=0,280;m_3=22:100=0,220;m_4=31:100=0,310.

Таблица 1. Результаты ранжирования свойств

Эксперты	Внешний вид (x_1)	Консистенция (x_2)	Цвет (x_3)	Запах и вкус (x_4)	Сумма М
А	5	5	5	5	20,00
Б	4	6	4	6	20,00
В	3	6	4	7	20,00
Г	4	6	4	6	20,00
Д	3	5	5	7	20,00
Сумма	19,00	28,00	22,00	31,00	100,00
Коэф. весомости	0,190	0,280	0,220	0,310	
Центр. отклонение	-6,00	3,00	-3,00	6,00	
Квдрат центр. откл.	36,00	9,00	9,00	36,00	90,00

Для определения согласованности мнений экспертов используем формулу:

$$W = \frac{7\sum_{I=1}^{n} Q^2{}_i}{r^2(n^3 - n)}, \qquad (4)$$

где $\sum_{i=1}^{n} Q^2_i$ - сумма квадратов центрального отклонения;

r - Число экспертов

n - Количество оцениваемых свойств товара.

W = 0.95

Приступая к оценке комплексного показателя качества молока, используем 20-ти балльную шкалу. В таблице 2 представлены результаты оценки качества молока питьевого.

Таблица 2. Оценка качества молока питьевого

Товар	Внешний вид (x1)	Консистенция (x2)	Цвет (x3)	Запах и вкус (x4)	Итого
Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Станция Молочная»	4	5	4	5,5	18,5
Молоко пастеризованное м.д.ж.2,5% «Белый Медведь»	4	6	4	6	20,0
Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Красная Цена»	4	4,5	4	5	17,5
Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Коровка из Кореновки»	4	6	4	6	20,0
Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5 % «Кубанская Буренка»	4	5	4	5	18,0

Используя результаты оценки качества молока питьевого (табл. 2) и значения коэффициентов весомости, рассчитаем комплексный показатель [10]: качества по формуле 5:

$$U = \sum_{i=1}^{n} m_i * q_i \text{.....} (5),$$

Где, q_i— относительный i-й показатель качества товара;m_i – коэффициент весомости i-го показателя;n – число показателей.

U_1= 0,190*4 + 0,280*5 + 0,220*4 + 0,310*5,5 = 4,75

U_2 = 0,190*4 + 0,280*6 + 0,220*4 + 0,310*6 = 5,18

U_3 =0,190*4 + 0,280*4,5 + 0,220*4 + 0,310*5 = 4,45

U_4 = 0,190*4 + 0,280*6 + 0,220*4 + 0,310*6 = 5,18

U_5 = 0,190*4 + 0,280*5 + 0,220*4 + 0,310*5 = 4,59

Таким образом, по результатам расчета комплексного показателя качества, наибольшие значения получили образцы №2 и №4.

Наименьшие значения комплексного показателя качества (3,45; 4,59 и 4,75) получили образцы под номером 1, 3 и 5, так как по органолептическим показателям у них были снижены баллы.

Для оценки конкурентоспособности молока используем следующую формулу 6:

$$К = К_у t_у + К_э t_э (6)$$

где К – конкурентоспособность; $К_у$ – конкурентоспособность по уровню качества; $К_э$ – конкурентоспособность по экономическим показателям; $t_у$, $t_э$ – коэффициенты весомости уровня качества и цены творожных продуктов для отдельных потребительских сегментов.

Для расчета конкурентоспособности по уровню качества и по экономическим показателям используем формулы 7 и 8.

$$K_y = \frac{U_о}{U_б} \text{.....} (7) \qquad K_э = \frac{C_б}{C_о} \text{.....} (8)$$

где $U_о$ – комплексный показатель качества оцениваемого образца;

$U_б$ – комплексный показатель качества базового образца.

Коэффициенты весомости цены ($t_э$) и качества ($t_у$) для каждого потребительского сегмента рассчитываем по формулам (9), (10) [11]:

$$t_э = \frac{\frac{U_{max}}{U_{min}} - 1}{\frac{U_{max}}{U_{min}} + \frac{C_{max}}{C_{min}} - 2} \text{.....} (9) \qquad t_y \frac{\frac{C_{max}}{C_{min}} + 1}{\frac{U_{max}}{U_{min}} + \frac{C_{max}}{C_{min}} - 2} \text{.....} (10)$$

Значениям $U_{мах}$ и $C_{мах}$ соответствуют максимальные их значения, а $U_{мин}$ и $C_{мин}$ – минимальные значения в данном потребительском сегменте[12]. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели конкурентоспособности (К), комплексного показателя качества (U) и цены (С) молока питьевого

№ пп	Наименование продуктов	Комплексный показатель качества, U	Цена за 1 уп. (0,9л), руб., С	Конкурентоспособность, К
1.	Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Станция Молочная»	4,75	44,9	0,966
2.	Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Белый Медведь»	5,18	54,0	0,999
3.	Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Красная Цена»	4,45	31,0	1,017
4.	Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Коровка из Кореновки»	5,18	42,9	1,045
5.	Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5 % «Кубанская Буренка»	4,59	50,5	0,917

Таким образом, наиболее конкурентоспособным является 3 и 4 образцы: Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5%, «Красная Цена» - (1,017) и Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5%, «Коровка из Кореновки» (1,045). Как видим, несмотря на низкий комплексный показатель качества, Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Красная Цена» из-за низкой цены оказалось востребованным потребителями.

Наименее конкурентоспособным оказался образец №5 – Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5 %, «Кубанская Буренка» - (0,917), цена которого 50,5 руб/ед. уп. и комплексный показатель качества – 4,59.

Для сравнения потребительских свойств молока питьевого и расчета показателя преимущества (формула 11) был проведен опрос потребителей в количестве 20 человек [13]. Результаты опроса представлены в таблице 4.

$$П_в = \sum_{i=1} \frac{q_{i \times m_i}}{N} \qquad (11)$$

где $П_в$ – показатель преимущества; q_i- оценка экспертами потребительских свойств; m_i – количество экспертов, отдавших предпочтение i-му свойству; N – количество опрошенных потребителей;

0 - не удовлетворяет; 0,5 - частично удовлетворяет; 1 - полностью удовлетворяет.

Таблица 4. Результаты опроса потребителей

Наименование показателя	Оценка критерия, q															Итого
	0 – не удовлетворяет					0,5 – частично-удовлетворяет					1 – полностью удовлетворяет					
	№1	№2	№3	№4	№5	№1	№2	№3	№4	№5	№1	№2	№3	№4	№5	
Внешний вид	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	2	2	4	4	2	20
Консистенция	1	0	0	0	0	1	1	1	2	1	2	2	3	4	2	20
Цвет	0	0	0	0	0	1	1	2	2	1	1	3	4	3	2	20
Запах и вкус	0	0	0	0	0	1	1	1	2	1	2	3	3	3	3	20

Расчет показателей преимущества продукта проводится следующим образом: 1-й показатель – внешний вид

$$П_{в\ №1} = 0*0+1*0,5+2*1/20 = 0,175$$
$$П_{в\ №2} = 0*0+1*0,5+2*1/20 = 0,125$$
$$П_{в\ №3} = 0*0+1*0,5+4*1/20 = 0,275$$
$$П_{в\ №4} = 0*0+1*0,5+4*1/20 = 0,275$$
$$П_{в\ №5} = 1*0+1*0,5+2*1/20 = 0,125$$

Аналогично проводится определение показателей преимущества других потребительских свойств. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Сравнение показателей преимущества молока питьевого

Наименование показателя	Показатели преимущества молока питьевого, $П_в$					Коэффициент весомости, $к_в$
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	
Внешний вид	0,175	0,125	0,275	0,275	0,125	0,190
Консистенция	0,125	0,125	0,175	0,25	0,125	0,280
Цвет	0,075	0,175	0,225	0,2	0,15	0,220
Запах и вкус	0,125	0,175	0,175	0,2	0,175	0,310

Рассчитанные показатели характеризуют конкурентоспособность молока питьевого по отдельным потребительским свойствам [14].

Используя формулу 12, рассчитаем интегральные показатели потребительских свойств молока питьевого.

$$I = \sum k_{в} \times П_{В} (12)$$

где I – интегральный показатель; $к_в$ – коэффициент весомости; $П_в$ – показатель преимуществ.

$$I_{№1} = 0{,}125;\ I_{№2} = 0{,}148;\ I_{№3} = 0{,}199;\ I_{№4} = 0{,}226;\ I_{№5} = 0{,}142$$

Заключение. Из полученных результатов можно сделать вывод, что конкурентное преимущество принадлежит образцу №4 – Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Коровка из Кореновки», интегральный показатель которого 0,226. На втором месте – Молоко пастеризованное м.д.ж. 2,5% «Красная Цена», интегральный показатель которого 0,199, у Молока пастеризованного м.д.ж. 2,5% «Белый Медведь» – интегральный показатель составил 0,148. Интегральный показатель Молока пастеризованного м.д.ж. 2,5 % «Кубанская Буренка», (0,142) и Молока пастеризованного м.д.ж. 2,5% «Станция Молочная» (0,125) имеют нижние значения.

Конкурентоспособность продукции должна постоянно повышаться, а поставщики продукции должны обеспечивать максимальное соответствие потребительских и стоимостных характеристик существующим и прогнозируемым потребностям потребителей [15].

К сожалению, проблемы экономического развития позволяют производителю диктовать цены на продукцию без учёта комплексной оценки качества, хотя качество даже однородной продукции может существенно различаться.

Таким образом, фактические данные продаж подтверждают расчет его конкурентоспособности с учетом ценового фактора, а методы расчета позволяют прогнозировать запросы потребителей с учетом комплексной оценки качества продукции.

Литература

1. Клопова А.В. Пример использования расчетного метода при оценке продукции / А.В. Клопова, Т.И. Шпак, Р.Б. Жуков // Исследование путей развития научно-технического потенциала общества в стратегическом периоде: материалы международной научно-практической конференции, 9 июля 2020 года. Волгоград. 2012. С. 135-139.
2. Ćuzović, S., Djordje Cuzovic. Quality management system in trade - internationalization of marketing relations with consumers // February 2011. Perspectives of Innovations Economics and Business. 8(2):41-44.
3. Kamila Zelga. The importance of competition and enterprise competitiveness // World Scientific News. 72 (2017) 301-306.
4. Квасникова В.В. Конкурентоспособность товаров и организаций. Практикум / В.В. Квасникова, О.Н. Жучкевич. М.: Инфра-М, Новое знание, 2015. 192 с.
5. Петрова А.М. Взаимосвязь потребительских свойств продовольственных товаров с качеством / А.М. Петрова, А.В. Клопова, Т.И. Шпак // Синтез науки и образования как механизм перехода к постиндустриальному обществу: материалы международной научно-практической конференции, 24 июня 2020 года. Ижевск. 2020. С. 131-134.
6. ГОСТ 31450-2013 «Молоко питьевое. Технические условия». Введ. 2014-07-01. М.: Стандартинформ, 2019.
7. Вытовтов А.А. Теоретические и практические основы органолептического анализа продуктов питания: учеб. пособие. СПб.: ГИОРД, 2010. С.173-175.
8. Nazgul Assylbekova Analysis methods to assess the competitiveness of enterprises / Economy today: An interdisciplinary Approach to Contemporary Economic Challenges. The determinants of an organization's value. Pp.207-220.
9. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М., 2000. С. 75-99.
10. Мокроносов А.Г. Конкуренция и конкурентоспособность. Учебное пособие / А.Г. Мокроносов, И.Н. Маврина. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2014. 194 с.
11. Лифиц И.М. Формирование и оценка конкурентоспособности товаров и услуг. М., 2006.
12. Жинкина Е.А. Управление качеством в торговле / Е.А. Жинкина, В.И. Белый // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VII международной научно-практической конференции, 15 января 2016 года. Чебоксары, 2016. С.239-240.
13. Demchenko N. V. Competitiveness assessment methods: advantages and disadvantages // Wirtschaftund Management: Theorie und Praxis: SammelwerkderwissenschaftlichenArtikel. Nurnberg, 2014. Vol. 1. P. 235-239.
14. Гришина Ю.В. Влияние качества на конкурентоспособность продукции сельского хозяйства // Молодежь и наука. 2018. № 4. С. 136.
15. Thomas G. Mahnkcen. Competitive Strategies for the 21st Century: Theory, History and Practice / Edited byThomas G. Mahnkcen, Palo Alto. Stanford University Press, 2012. 344 p.

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 351/354

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

© 2020 г. Г.И. Большакова

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

В статье анализируются проблемы совершенствования системы государственного управления в Российской Федерации, понятие «электронное правительство» как средство модернизации государственного управления. Предлагаются направления по совершенствованию системы государственного управления.

Ключевые слова: *государственное управление, государственная власть, судебная система, контроль, модернизация, электронное правительство, граждане, информационно-коммуникационные системы, электронные услуги.*

The article analyzes the problems of improving the public administration system in the Russian Federation, the concept of "electronic government" as a means of modernizing public administration. Directions for improving the system of public administration are proposed.

Keywords: *public administration, state power, judicial system, control, modernization, e-government, citizens, information and communication systems, electronic services.*

На современном этапе развития общества в России органам государственного и муниципального управления следует уделять значительное внимание формированию концепции повышения эффективности деятельности государственной власти и институтов государства. Для того чтобы достичь данную цель, в течение продолжительного времени в России проводится реформа администрирования, направленная на создание результативных методик управления, отражающих современные реалии и требующих от механизма государственного управления прозрачности, открытости, оперативности и быстрой адаптации к быстроменяющимся условиям внешней среды.

В системе государственного и муниципального управления главным моментом, который опровергает или поддерживает конкретные методы и виды деятельности, является эффективность. Российское общество остро нуждается в изменениях и реформировании, выходе из системного кризиса и политического обновления.

На наш взгляд, эти обстоятельства обусловливают актуальность и практическую значимость исследования системы государственного управления в России, её современного состояния и повышения эффективности в условиях развития информационного общества.

В целом, на сегодняшний день можно говорить о наличии тенденций, которые негативно сказываются на системе государственного управления в России. К ним относятся:

– коррупция;
– вероятность преступных сговоров;
– недостаточное оказание государственных услуг гражданам;
– слабая цифровая безопасность.

В первую очередь данный вопрос затрагивает аспект бюрократии, которая рождает коррупцию в государственном аппарате. Так, Д.П. Зеркин считает, что «в настоящее время, несмотря на предпринимаемые со стороны органов государственной власти попытки снизить уровень коррупции в органах государственной власти, все равно он остается достаточно высоким» [1].

При этом крайне важно отметить, что для государственной службы в России характерно то, что поступление на нее зависит сильно от наличия неформальных связей, знакомств, так называемого «кумовства» [2].

Это приводит к тому, что граждане России в чиновниках видят не служащих государства, которые в рамках своих полномочий должны соблюдать и защищать интересы населения страны, а представителей власти, которые стремятся к собственному обогащению.

По этим причинам можно выделить несколько направлений совершенствования системы государственного управления в России.

Первым направлением, которое, на наш взгляд, является приемлемым для адаптации в россий-

ской практике, выступает то, что на сегодняшний день необходимо совершенствование судебной системы в России. В зарубежной практике есть вариант организации административных судов, которые, по своей сути, являются в большей степени именно действенным механизмом защиты прав граждан, а также организаций, предприятий при формировании конфликтных ситуаций с участием органов власти.

В России до сих пор нет административных судов, хотя идея не нова и споры относительно целесообразности внедрения в практику данного института, а также ее формы обсуждаются уже свыше 20 лет.

Итак, необходимость формирования судов такого типа очевидна.

Это обосновывается тем, что численность дел об административных правонарушениях во много раз превышает численность гражданских или уголовных дел. В результате этого многие административные дела остаются или нерешенными, или рассматриваются некорректно. В этом случае можно говорить, что конституционные права граждан нарушаются.

Можно согласиться с Р.Т. Мухаевым, что «...государство обязано помнить, что единственным источником власти на территории РФ является ее многонациональный народ, и соблюдение его интересов его высшая ценность. А добиться доверия со стороны граждан можно лишь повышая правовую культуру и правовое сознание, и неотвратимостью наказания виновных лиц» [3].

Вместе с тем, как показывает практика, в рамках адаптации зарубежного опыта следует рассматривать и вопрос возможности изменения практики управления служащими в рамках государственной службы. На сегодняшний день кадровая политика в рамках системы государственного управления в России только начинает формироваться.

Отдельные технологии применяются не согласовано в разных регионах, хотя иногда и успешно. Но для того чтобы сформировать в данном направлении эффективную систему кадровой политики, крайне важно, чтобы она была сформирована на федеральном уровне власти.

Как показывает мировой опыт, на эффективность работы государственного аппарата и всей системы государственного управления в значительной мере влияет эффективная кадровая политика. Необходимо рационально критически использовать накопленный передовой зарубежный опыт в этом направлении, но с учётом национальных особенностей и культурных традиций.

Заметим, что крайне важно, чтобы в рамках формирования системы государственного управления была сформирована и действенная система контроля, поскольку в противном случае все предпринятые усилия будут сведены к минимуму.

Контроль за деятельностью государственных служащих, которые работают в системе государственного управления на постоянной и профессиональной основе, является обязательным условием рационального функционирования государственного аппарата.

При этом в полном объеме контрольные мероприятия направлены в первую очередь на создание адекватных условий, которые позволят сформировать действенную систему контроля, а также принимать все меры по предупреждению злоупотреблений полномочиями, а также выявлением нарушений в деятельности чиновников.

В рамках возможностей адаптации зарубежного опыта в системе государственного управления в России на современном этапе можно выделить следующие перспективные направления:

– Совершенствование системы управления персоналом в рамках государственной службы посредством унификации норм контроля за деятельностью данной группы лиц. В рамках данного направления целесообразно рассмотреть возможность применения практики частных организаций в системе управления и менеджмента на государственной службе. При этом также следует отметить необходимость определенного уровня отказа от бюрократического стиля руководства и перехода к более гибкой системе управления государственной службой, в том числе и повышением уровня профессионализма менеджмента.

– Формирование системы действенных инструментов и стандартов измерения эффективности работы органов государственной власти и контроль результатов по целевым показателям. При этом так как государственная служба является специфическим видом деятельности, то следует рассматривать в первую очередь в качестве целевых показателей систему компонентов, которые будут установлены на уровне руководства организацией [4].

– Усиление роли и места судебной системы в рамках системы государственного управления. В рамках данного направления крайне важно рассмотреть все же возможность внедрения в практику административных судов, которые будут, с одной стороны, действенным инструментом в решении вопросов, в которых участников выступает орган государственной власти, а с другой, позволят и повысить уровень эффективности данного структурного компонента государственного управления за счет снижения нагрузки на иные суды.

Как показывает мировой опыт, совершенствование государственной системы управления требует постоянных усилий и формирования постоянных структур, члены которых включены в постоянный управленческий процесс.

В нашей ситуации было бы целесообразно сформировать постоянную комиссию при президенте по совершенствованию аппарата государственного управления.

Считаем важным подчеркнуть, что основными направлениями деятельности этой комиссии должны быть следующие:

– комплексное исследование деятельности наиболее значимых органов государственного управления с последующей разработкой необходимых рекомендаций;

– разработка программ стажировок для подготовки управленческих кадров;

– создание положений о ведомствах, которые четко формулируют их полезные функции в аппарате государственного управления;

– внедрение на государственной службе РФ современных методов кадровой работы и развёрнутого применения эффективных технологий;

– модернизация деятельности власти на основе внедрения «электронного правительства».

Как справедливо отметил А.Н. Еременко, «...мы живем в мире стремительного развития цифровых технологий, они проникают во все аспекты жизни человека и общества, и это приводит к серьезным сдвигам в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Потому нет ничего удивительного в том, что передовые технологии привлекаются и в структуру государственного управления. Новые возможности, предоставляемые современной техникой и информационными технологиями, позволяют переосмыслить саму систему управления государством, модернизировать и изменить ее, сделать гибче и удобней, оптимизировать и ускорить взаимодействие между разными органами власти и обществом» [5].

Важно отметить, что, система «электронного правительства» направлена на организацию и обеспечение удобного, быстрого и эффективного взаимодействия между органами власти, гражданами и организациями. При этом максимально задействуются средства информационно-коммуникационных технологий, что минимизирует личное взаимодействие между сторонами. Перевод многих услуг в «цифровой» формат и автоматизация управленческих процессов позволяют значительно сократить временные затраты на предоставление и обработку данных, увеличить экономию бюджетных средств, организовать эффективный контроль и учет, а также успешно противодействовать коррупции.

Чтобы эффективно работать и приносить существенную пользу гражданам и государству, необходимо обеспечить постоянный доступ к системе «электронное правительство».

Однако переосмысление, модернизация и автоматизация управленческих процессов позволяет значительно сокращать финансовые и временные затраты как людей, так и государственных структур, а также идти в ногу со временем, в этом стремительно развивающемся мире [6].

Поэтому Российской Федерацией идея по реорганизации и модернизации структуры управления государством посредством введения современных технологий была взята на вооружение.

В связи с этим был разработан план по созданию, внедрению и развитию единой системы «электронное правительство», выявлены первоочередные задачи и пути их решения. Проведен анализ экономического обоснования и перспектив внедрения электронных средств взаимодействия между гражданами и государственными структурами.

Важно отметить, что одной из главных особенностей внедрения «электронного правительства» является информированность населения. Потому в первоначальном порядке были созданы ресурсы, позволяющие своевременно и оперативно размещать актуальную информацию о принятии и изменении законов, постановлений, других нормативных правовых актов, текстов и стандартов, регулирующих жизнь и деятельность государства. Организован доступ к различной справочной информации, а также к необходимым бланкам, текстам и примерам заполнения различной документации.

Уже давно и успешно функционирует комплексная информационная система «электронный детский сад», позволяющая подать заявку на зачисление ребенка в детский сад в электронном виде и следить за ходом обработки заявки. Введена в эксплуатацию электронная очередь на получение паспорта и гражданства Российской Федерации.

Только эти начальные этапы внедрения единой информационной системы «электронное правительство» уже позволили сократить время на подачу документов и справок, реорганизовать и ускорить обработку данных, систематизировать потоки информации. Как следствие, данные меры уменьшили очереди и неразбериху, снизили время на подачу и обработку соответствующих документов, а также позволили оптимизировать административную нагрузку на сотрудников соответствующих государственных органов.

Также в ближайших планах правительства организация электронной очереди на подачу документов в бюро технической инвентаризации. Данное программное решение позволит не только об-

легчить и ускорить взаимодействие заявителей с регистрационными органами, но и значительно упростит сбор и обработку аналитических и статистических данных, быстрый поиск и выборку необходимой информации.

В перспективе единая система «электронного правительства» позволит перенести большую часть государственных и муниципальных услуг в цифровой формат, чтобы каждый гражданин мог иметь доступ к актуальной нормативно-правовой базе, подавать необходимые документы и заявки, оплачивать счета и получать другие услуги и сервисы с помощью современных технологий и устройств, когда и где ему удобно.

Таким образом, единая система «электронного правительства» – это новый подход в процессе взаимодействия между государством и его гражданами, направленный на повышение эффективности деятельности органов государственной власти и качество предоставления услуг. Внедрение новых технологий позволит значительно сократить государственные расходы, сэкономить время, деньги граждан и бизнеса и, как следствие, облегчить взаимодействие между органами власти и населением.

Литература

1. Д.П. Зеркин, В.Г. Игнатов Основы теории государственного управления. Ростов-на-Дону: МарТ, 2007. 541 с.
2. Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление. М.: Люберцы: Юрайт, 2017. 494с.
3. Мухаев Р.Т. Система государственного и муниципального управления. М.: Издательство Юрайт, 2019. 299с.
4. Аштаев Ю.С. Проектный метод в государственном управлении: теория и практика / Сб. науч. трудов «Актуальные проблемы и перспективы развития транспорта, промышленности и экономики России» (ТрансПромЭк-2019): Международная научно-практическая конференция. 2019. С. 198-201.
5. Еременко А.Н. «Электронное правительство» как средство модернизации государственного управления // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. №1. С.97-104.
6. Сурин А.В. Стратегии развития электронного правительства // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). 2006. № 2. С. 3- 16.

УДК 351.8

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ИНВАЛИДОВ КАК ЗАДАЧА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2020 г. Д.И. Сидорова[1], Е.Л. Шилкина[2]

[1]Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты Ростовской области 346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147

The Institute of Service and Entrepreneurship (the Branch) of the Don State Technical University in Shakhty 147, Shevchenko str., Shakhty, 346500

[2]Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

В статье рассматривается формирование художественно-культурной среды, способствующей адаптации в социуме людей с ограниченными возможностями здоровья. Обозначены основные тенденции развития данной сферы и задачи социального управления в современной России.

Ключевые слова: *социальное управление, художественно-культурная среда, инвалид, ограниченные возможности здоровья, художественно-творческая деятельность, доступная среда, реабилитация*

The article considers the formation of an artistic and cultural environment that contributes to the adaptation in society of people with disabilities. The main trends in the development of this sphere and the tasks of social management in modern Russia are outlined.

Keywords: *social management, artistic and cultural environment, disabled person, limited health opportunities, artistic and creative activity, accessible environment, rehabilitation*

На данном этапе развития российского общества повышенное внимание уделяется созданию единого социокультурного пространства, предполагающего равный доступ к культурным ценностям каждому представителю населения страны. Однако как социальное неравенство, так и фактическое отсутствие безбарьерной среды являются детерминантами социокультурной депривации людей с ограниченными возможностями здоровья, поскольку нынешняя ситуация в данной сфере сужает возможности приобщения к культурным ценностям для представителей данной демографической категории (а это почти 12 миллионов человек) и приводит к исключению их из единого социокультурного пространства.

Подписав и ратифицировав Конвенцию ООН о правах инвалидов, Российская Федерация в соответствии со ст. 30 данной конвенции законодательно признала право инвалидов на полноправное участие в культурной жизни социума [1]. Реализация данного права обязывает государство к принятию меры, для обеспечения беспрепятственного доступа людям с ограничениями в театры и кинотеатры, музеи и библиотеки, к объектам, имеющим национально-культурное значение, а также к созданию условий для реализации ими своего интеллектуального и творческого потенциала.

В рамках данной статьи в фокусе исследовательского интереса находится художественно-культурная среда, поскольку, на наш взгляд, потенциал развития данной сферы не в полной мере используется в рамках государственной социальной политики, помогающей гражданам с ограниченными возможностями здоровья налаживать контактами с внешним миром.

Понятие «художественно-культурная среда» в настоящее время входит в научный дискурс отечественного обществознания.

Так, профессор А.В. Иванов в своих исследованиях социокультурной среды образовательных учреждений приходит к выводу, что именно искусство и культура могут сочетать гуманитарные знания с различными художественными практиками и знаниями с «ценностным осмыслением действительности» [2, с. 45].

Е.А. Турина подчеркивает дуализм художественно-культурной среды, в которой каждый субъект является одновременно как создателем, так и потребителем художественного продукта [3].

В интерпретации З. Подольской, с которой мы солидарны, культурно-художественная среда является транслятором художественных потребностей, способствующих реализации творческого потенциала человека, а, следовательно, и его социализации в социуме [4].

Таким образом, художественно-культурная среда художественно-культурная среда создает пространство, наполненное собственными нормами и ценностями, художественными образами и особой идеологией, способствующей развитию активной жизненной позиции человека с инвалидностью, ответственности и самостоятельности, способности современно мыслить, активно участвовать в культурном творчестве.

Ведь именно в области культуры, искусства люди с ограниченными возможностями все чаще заявляют о своем высоком духовном и культурном потенциале. Сейчас во всем мире набирают популярность инклюзивные театры, в которых играют актеры с инвалидностью. По мнению Андрея Афонина, режиссера интегрированной театральной студии «Круг-II», лауреата главной театральной премии страны «Золотая маска», процесс реабилитации всегда обоюдный, искусство и общество в целом должны идти навстречу человеку с особенностями развития, менять свой взгляд на проблему социкультурной эксклюзии. И в этом смысле театр дает очень большой потенциал, потому что он предполагает зрителя. Мы сами, когда являемся зрителями такого театра, меняемся, потому что учимся видеть иное, другого человека с другим взглядом на жизнь [5].

Елена Ковальская, арт-директор Центра имени Мейерхольда, председатель экспертного совета премии «Золотая маска», считает, что целью таких театров является реабилитация. С другой стороны, этот спектакль интересен и обычному зрителю. В этом смысле спектакль дважды инклюзивный. Во-первых, он включает в культуру отделенных от культуры людей - инвалидов. А во-вторых, он волнует обычных зрителей. Они видят перед собой тех людей, от которых привыкли отворачиваться, которых привыкли считать несчастными [5].

Тем не менее, отношение к таким театрам не однозначно. Так, по мнению театрального критика, ректора ГИТИС Григория Заславского, это больше социальные проекты, чем театральные, поскольку к данной категории актеров нельзя предъявить такие же требования, как к профессионалам, потому что в данном случае неизбежно снижается планка оценки художественной значимости [6].

По нашему мнению, нельзя сравнивать инклюзивные театры с профессиональными. Это непродуктивно и неправильно. Это искусство разной природы. В профессиональном театре артисты могут очень хорошо играть, у них чистая речь, дикция, пластика. Но профессиональные актеры проигрывают в искренности и открытости. Станиславский еще говорил: «Артист должен быть взрослым ребенком». А люди с синдромом Дауна и есть взрослые дети, им это культивировать не надо, они такими родились.

Среди особых людей много талантливых актеров, добившихся значительных успехов в искусстве. Вот имена некоторых из них.

Алексей Федотов с аутизмом – актер театральной студии «Круг-II», является соавтором спектакля «Нарцисс и Кристофер», который стал для него возможностью увидеть свои проблемы глазами других людей. В его текстах обнаружилась не только история конкретного ребенка с аутизмом, но и попытка человека осмыслить свою жизнь в контексте стигмы аутизма.

Мария Нефедова (диагноз – синдром Дауна) – актриса театра «Простодушных». Снялась в телесериале «Закон и порядок», а также в главной роли в фильме «Дитя» (режиссер Дмитрий Брусникин).

Сергей Макаров (синдром Дауна) – актер театра «Простодушных». За роль Миколки в художественном фильме «Старухи» на «Кинотавре» получил главный приз «Золотую Розу». Снимался в фильмах: «Жила-была одна баба» (режиссер Авдотья Смирнова), «Борис Годунов» (режиссер Владимир Мирзоев) и других.

В нашей стране насчитываются сотни инклюзивных театров. Одни работают с ментальными инвалидами, как «Круг», другие – с инвалидами по слуху. В этом году исполнилось 55 лет уникальному, первому в мире стационарному Театру мимики и жеста.

Таким образом, можно говорить, что в Российской Федерации без влияния государственной политики начала складываться театральная модель, в которой художественное и социальное не противоречат, а дополняют друг друга.

Создание позитивного образа человека с ограниченными возможностями сегодня во многом определяет эффективность социальной политики в отношении людей с инвалидностью. Создание подобного образа художественными средствами ярко проявляется в сфере кино. Примером является Международный конкурс кинофильмов «Кино без барьеров», который проводится в Москве один раз в два года. Последний IX кинофестивале состоялся в 2018 году. На нем было показано более 350-ти фильмов, посвященных различным аспектам жизни и проблем людей с ограниченным здоровьем, а также реальным историям социальных барьеров и преодолений. Следующий X кинофестиваль планируется в ноябре 2020 года.

В Москве на протяжении уже двадцати лет осуществляет свою образовательную деятельность уникальный вуз Российская государственная специализированная академия художеств. Более девяноста процентов обучающихся в академии являются инвалидами. Это одно из немногочисленных высших творческих учебных заведений в мире, которое предоставляет возможность талантливым юно-

шам и девушкам с ограничениями здоровья получить полноценное высшее образование в сфере искусства.

С 2014 года в академии искусств действует инклюзивный Оперный театр, являющийся уникальным в своем роде. В настоящее время многие из студентов являются лауреатами международных музыкальных конкурсов.

В России, также, ежегодно проводится Всемирный парамузыкальный фестиваль, демонстрирующий возможности человека вне зависимости от ограничений здоровья, преодоление сложных жизненных ситуаций и умение добиваться цели. В этом году, несмотря на проблемы со зрением, наша землячка, ростовская балерина Юлия Покусаева покорила фестиваль, в котором приняли участие более двух тысяч артистов.

Сегодня навстречу людям с особенностями идут культурные и музейные пространства, активно развивая инклюзивные программы. Так, многие музеи создают специальную среду, как мантру повторяя, что искусство должно быть доступно всем. Так, например, Исторический музей разместил на первом этаже главного здания тактильные модели шедевров своей коллекции, сделав их доступными для незрячих и слабовидящих посетителей. В Пушкинском музее существует отдел инклюзивных программ, который работает не только над созданием комфортных физических условий в музее, но и над интеллектуальной доступностью, адаптацией экспозиций для людей с различными особенностями восприятия.

Дарвиновский музей ежегодно проводит выставки творческих работ людей с инвалидностью, готовит новые экскурсионные программы и занятия, организует экспериментальные мастер-классы, массовые мероприятия. В ближайшее время в «Царицыно» появятся арт-терапевтические занятия для разных категорий посетителей и экскурсии на русском жестовом языке для глухих и слабослышащих посетителей. Будущее предлагает много возможностей для расширения доступа с помощью технологий, таких как 3D печати, мобильных приложений, а также новых адаптивных устройств.

На протяжении двадцати лет ежегодно в России проводится главное музейное событие года, не имеющее аналогов в мире, Международный фестиваль музеев «Интермузей», объединяющий более четырехсот музеев из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Программа фестиваля включает конференции, мастер-классы, дискуссии, лекции и брифинги с участием руководителей крупнейших музеев и российских и зарубежных экспертов, на которых рассматриваются вопросы внедрения новых практик и технологий по обеспечению людям с ограниченными возможностями доступа к музейной экспозиции, организации их обслуживания в музее, создания безбарьерной среды.

Учитывая интересы людей с ограниченными возможностями, музеи перестают быть консервативными институтами, сохраняющими и изучающими культурные ценности, а становятся одним из важных механизмов социокультурной адаптации, обеспечивающей включение инвалида в культуру.

В то же время, согласно мониторингу доступности культурных благ для инвалидов в России, проводимом Министерством культуры, лишь половина музейных, концертных и театральных организаций адаптирована для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Преодоление депривации по отношению к культурным благам является не только необходимым элементом социальной адаптации и социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями, но и приоритетным направлением государственного социального управления. Так, в рамках национального проекта «Культура», рассчитанным на период 2019 – 2024 годы, основными направлениями являются «увеличение посещений организаций культуры, создание условий для творческой реализации граждан, увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры» [7].

Таким образом, о проблеме доступной среде для людей с ограниченными возможностями в последнее время говорят достаточно активно. И эти дискуссии не ограничиваются только пандусами и специально оборудованными помещениями (хотя это, безусловно, важно). Сегодня навстречу людям с особенностями здоровья идут театральные, концертные, музейные и иные культурные пространства, активно развивая инклюзивные программы.

Культурно-художественная среда как совокупность развития личности и воспроизводства материальных, духовных, культурных и художественных ценностей человека должна являться одним из важнейших ориентиров в стратегии социальной и культурной политики, направленной на минимизацию социальной депривации и, как следствие, социальной эксклюзии.

Для успешной реализации подобных задач необходима консолидированная система экономических и властных ресурсов государственного управления в социальной сфере, а также уже имеющейся успешной практики социокультурной адаптации, обеспечивающей включение инвалида в культуру, которая наработана, в том числе, негосударственными организациями.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года) // Официальный портал ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/

2. Иванов А. В. Исследование структурных компонентов культурной среды обитания. М.: АПКиППРО, 2007. 108 с.
3. Турина Е.А. Среда культуры и искусства как фактор творческой социализации личности: дис. …канд. искусствоведения. Киев: Гос. акад. руководства кадров культуры и искусств, 2009. 446 с.
4. Подольская З. Художественно-культурная среда и духовные потребности личности // Культурная среда и духовное формирование личности. Ташкент: изд. «Фан» Узбекской ССР, 1981. С. 39-61.
5. Ценность человека должна быть автономна от диагноза: история инклюзивного театра // URL: https://www.m24.ru/articles/teatr/17022017/ 130653?utm_source (дата обращения: 23.05.2020)
6. Гречина В. Искусство или реабилитация: для чего нужны особые театры // URL: https://www.miloserdie.ru/article/iskusstvo-ili-reabilitaciya-dlya-chego-nuzhny-osobye-teatry/
7. Национальный проект «Культура» 2019 – 2024 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/info/35562/ (дата обращения: 12.06.2020)

УДК 352

МЕРЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: ВЗГЛЯД МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ (НА МАТЕРИАЛАХ АДМИНИСТРАЦИИ ТАРАСОВСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2020 г. Д.А Курносова, Д.С. Труханович

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В данной статье авторы предпринимают попытку разобраться в том, как сами муниципальные служащие оценивают реализуемые в настоящее время мера по предотвращению возникновения конфликта интересов. Для этого авторами проводится опрос муниципальных служащих Администрации Тарасовского района Ростовской области.

Ключевые слова: *муниципальная служба, конфликт интересов, муниципальный служащий, опрос, мнение респондентов, меры по предупреждению возникновения конфликта интересов, формы контроля, запреты и ограничения*

In this article, the authors attempt to understand how the municipal employees themselves evaluate the measures currently being implemented to prevent a conflict of interest in the municipal service. For this, the authors conduct a survey of municipal employees of the Administration of the Tarasovsky district of the Rostov region.

Keyword: *municipal service, conflict of interest, municipal employee, survey, opinion of respondents, measures to prevent conflicts of interest, forms of control, prohibitions and restrictions*

Институт муниципальной службы является важнейшим механизмом реализации политики государства на муниципальном уровне, так как через него претворяются в жизнь управленческие решения на муниципальном уровне, что позволяет решать вопросы обеспечения жизнедеятельности местного населения и общества в целом.

В свою очередь, многообразие задач и специфика муниципальной службы предполагает наличие значительного количества противоречий и столкновений интересов между индивидами, социальными группами, а также между гражданами и государством, что влечет за собой наличие большого количества различных конфликтных ситуаций. Для муниципальных служащих предельно важным является недопущение возникновения конфликта интересов или его неразрешение, которое может привести к совершению коррупционных преступлений муниципальными служащими.

Различные муниципальные образования подходят к реализации мер по предотвращению конфликта интересов в целом одинаково, однако для нашего исследования важно не просто изучить нормативно-правовые акты и официальные отчеты, но и понять, как сами муниципальные служащие относятся к реализуемым в их органе мерам по предотвращению конфликтов интересов. В этой связи, практику предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе мы рассмотрим на кон-

кретном примере – на материалах Администрации Тарасовского района Ростовской области (далее по тексту – Администрация).

Помимо федерального законодательства (Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»), вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов в Администрации регламентируются областным законодательством (Областной закон Ростовской области № 218-ЗС от 12.05.2009 «О противодействии коррупции в Ростовской области»; Указ Губернатора Ростовской области от 23.09.2015 № 96 «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ростовской области» и пр.), а также муниципальными правовыми актами (Распоряжение Главы Администрации Тарасовского сельского поселения от 29.06.2015 г. № 40 «Об утверждении муниципальной программы Тарасовского района «Обеспечение общественного порядка и профилактика правонарушений»; Постановление Администрации Тарасовского района от 15.02.2017 №124 «Об утверждении антикоррупционного стандарта в сфере подбора кадров муниципальной службы и замещения должностей муниципальной службы в Администрации Тарасовского района, отраслевых (функциональных) органах Администрации Тарасовского района»; Постановление Администрации Тарасовского района от 26.01.2018 года № 101 «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Тарасовском районе» и пр.

Например, в 2019 году проведена антикоррупционная экспертиза в отношении 52 нормативных правовых актов и 369 проектов нормативных правовых актов Администрации, в пяти проектах и пяти нормативных правовых актов выявлены и устранены коррупциогенные факторы [1].

В 2019 году проведено четыре заседания комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих, проходящих муниципальную службу в Администрации. К дисциплинарной ответственности привлечен один муниципальный служащий.

На официальном сайте Администрации в разделе «Противодействие коррупции» систематически обновляются материалы по данной проблематике, размещаются типовые формы документов и пр. Ежегодно проводится оценка коррупционных рисков в Администрации Тарасовского района. В 2019 году разработана и утверждена карта коррупционных рисков и мер по их минимизации. Кроме того, ежегодно также проводятся тематические и рабочие совещания по исполнению ФЗ № 273 «О противодействии коррупции») [2].

Для выявления мнения муниципальных служащих о реализуемых мерах по предупреждению конфликта интересов, в период с 14 мая по 27 мая 2020 года нами проведен опрос муниципальных служащих Администрации на тему «Конфликт интересов на муниципальной службе и способы его урегулирования».

Всего в администрации муниципальных служащих – 74 человека (по данным на 1.05.2020). В опросе приняли участие 15 человек. Из количества респондентов чуть более половины заняли мужчины (60 %), что в целом соответствует гендерному распределению муниципальных служащих в Администрации.

Преимущественной возрастной категорией являются муниципальные служащие в возрасте от 37 до 50 лет (53,3 % от всех опрошенных), вторая по распространенности возрастная категория – 26-36 лет (33,3 % от всех опрошенных.

Распределение респондентов в зависимости от стажа работы в Администрации представлено на Рис. 1. Стоит отметить, что значительное количество муниципальных служащих работают в Администрации более 5 лет, а значит поступили на работу еще в молодом возрасте и продолжают на ней оставаться, что свидетельствует о стабильности состава рабочего коллектива.

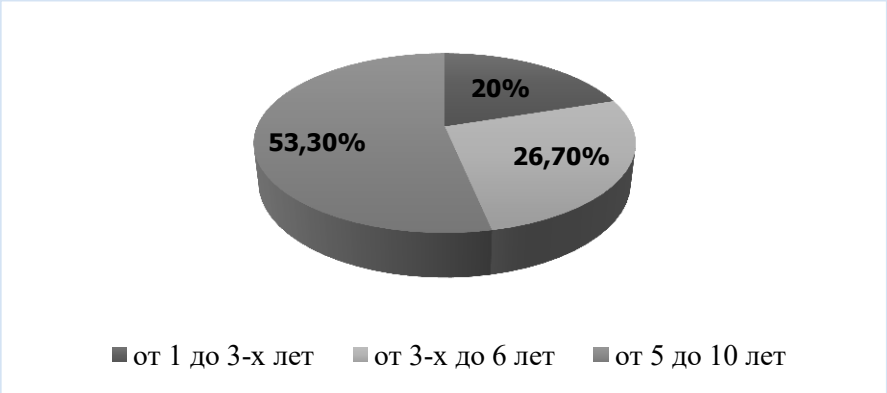


Рис. 1. Распределение респондентов в зависимости от стажа работы в Администрации

Результаты проведенного опроса свидетельствуют, что 80% респондентов хорошо знакомы (40%) или слышали о данном явлении (40%), при этом 20 % опрошенных никогда не слышали о конфликте интересов (см. рис 2).

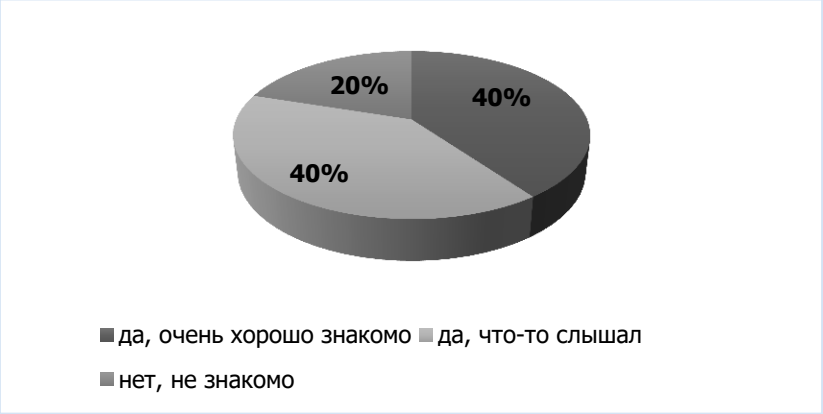


Рис. 2. Результаты ответа на вопрос
«Знакомо ли вам такое понятие как «конфликт интересов»»?

При этом само определение понятия «конфликт интересов», содержащееся в законодательстве о противодействии коррупции, назвали 66,7 % опрошенных, 20 % респондентов (три человека) отождествляют понятия «коррупция» и «конфликт интересов». При этом положительным выступает тот факт, что все респонденты ответили положительно о необходимости предотвращения возникновения ситуации конфликта интересов на муниципальной службе.

Далее в рамках исследования был проведен анализ степени влияния и эффективность отдельных обязанностей запретов в сфере предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе. По итогам опроса было выявлено, что запретами и ограничениями, которые существенно влияют, выступает: информирование представителя нанимателя о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно; не осуществлять предпринимательскую деятельность; информировать представителя нанимателя о выполнении иной оплачиваемой деятельности, а также не получать подарки и денежное вознаграждение за осуществление профессиональной деятельности. В группу факторов, которые оказывают наименьшее влияние входят: необходимость не передавать ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Степень влияния и эффективность отдельных обязанностей запретов в сфере предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе (в % от общего числа опрошенных)

	Соврем не влияет	Слабо влияет	Скорее не влияет, чем влияет	Скорее влияет, чем не влияет	Существенно влияет
информировать представителя нанимателя о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения	6,7	0	13,3	20	60
передавать ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление	13,3	20	13,3	13,3	40
информировать представителя нанимателя и компетентные органы о предложениях совершать коррупционные правонарушения	0	0	20	33,3	46,7
информировать представителя нанимателя о выполнении иной оплачиваемой деятельности	0	13,3	6,7	26,7	53,3
не осуществлять предпринимательскую деятельность	6,7	0	20	13,3	60
не получать подарки и денежное вознаграждение за осуществление профессиональной деятельности	13,3	6,7	6,7	20	53,3
не занимать должности государственной службы в случае близкого родства или свойства со служащим, которые связаны с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому	0	0	26,7	26,7	46,7

Запрет на замещение в течение 2-х лет должности в организации и (или) выполнять в данной организации работу, если отдельные функции государственного управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности гражданского служащего.	13,3		26,7	26,7	33,3

Мы уже упоминали ранее, что в Администрации действуют антикоррупционные стандарты. Однако о них существовании знают немногим более 50 % опрошенных муниципальных служащих (см. Рис.3)

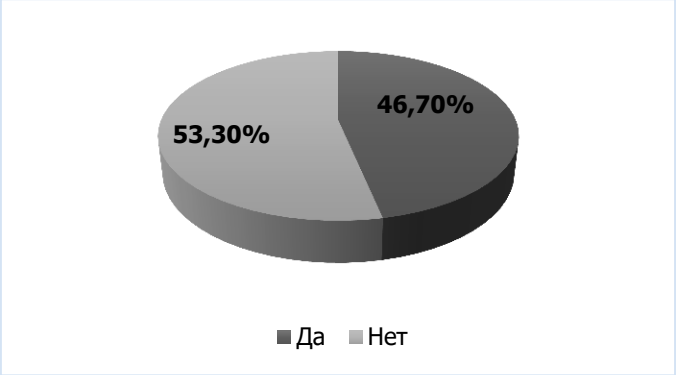


Рис. 3. Результаты ответа на вопрос «Есть ли в вашем органе местного самоуправления антикоррупционный стандарт поведения служащих?»

Из совокупности опрошенных было выявлено, что о наличии антикоррупционного стандарта не знают исключительно старшие и младшие группы должностей, которые обусловлены незначительным периодов осуществления служебной деятельности. (см. Таблицу 2)

Таблица 2. Результаты ответа на вопрос «Есть ли в вашем органе местного самоуправления антикоррупционный стандарт поведения служащих?»

		Группа должностей должности респондента				
		высшие должности	главные должности	ведущие должности	старшие должности	младшие должности
Есть ли в вашем органе местного самоуправления антикоррупционный стандарт поведения служащих?	да	1	1	1	3	1
	нет	0	0	0	0	0
	не знаю	0	0	1	3	4

Мы полагаем, что необходимо дополнительно разъяснить муниципальным служащим Администрации положения антикоррупционного стандарта, ознакомить с его содержанием всех служащих под роспись.

Из таблица 3 видно, что респонденты, выбирая наиболее эффективные меры по предотвращению конфликта интересов, указали, что необходимо ужесточение наказания (21,2 % от всех ответов), а также повышение заработной платы в совокупности с ужесточением наказания (27,3% от всех ответов), кроме того, служащие говорили и о необходимости формирования «элитной» муниципальной службы (18,2 % ответов).

Таблица 3. Результаты ответа на вопрос «Как вы считаете, какие направления были бы более эффективными в предотвращении конфликта интересов?»

Ответ	Всего дано ответов	% от данных ответов
ужесточение наказания за неурегулированный конфликт интересов, повышение цены предложения	7	21,2%
повышение заработной платы служащим и ужесточение наказаний	9	27,3%
формирование корпоративной культуры, полностью отрицающей возможность реализации конфликта интересов	5	15,2%
повышение легальных доходов служащих, увеличение их социальных гарантий и формирование «элитной» муниципальной службы	6	18,2%
в целом изменения отношения к коррупционным преступлениям, формирование у служащих и населения неприязни к ним в любых обстоятельствах	4	12,1%
свой вариант	1	3,0%
затрудняюсь ответить	1	3,0%

Одинаковое количество респондентов (по 40 %), отвечая на вопрос об эффективном контроле за процессом предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе, отметили, что наиболее эффективными формами являются прокурорский надзор и контроль со стороны работодателя. Об эффективности самоконтроля заявили лишь 6,67 % респондентов. (см. Рис.4)

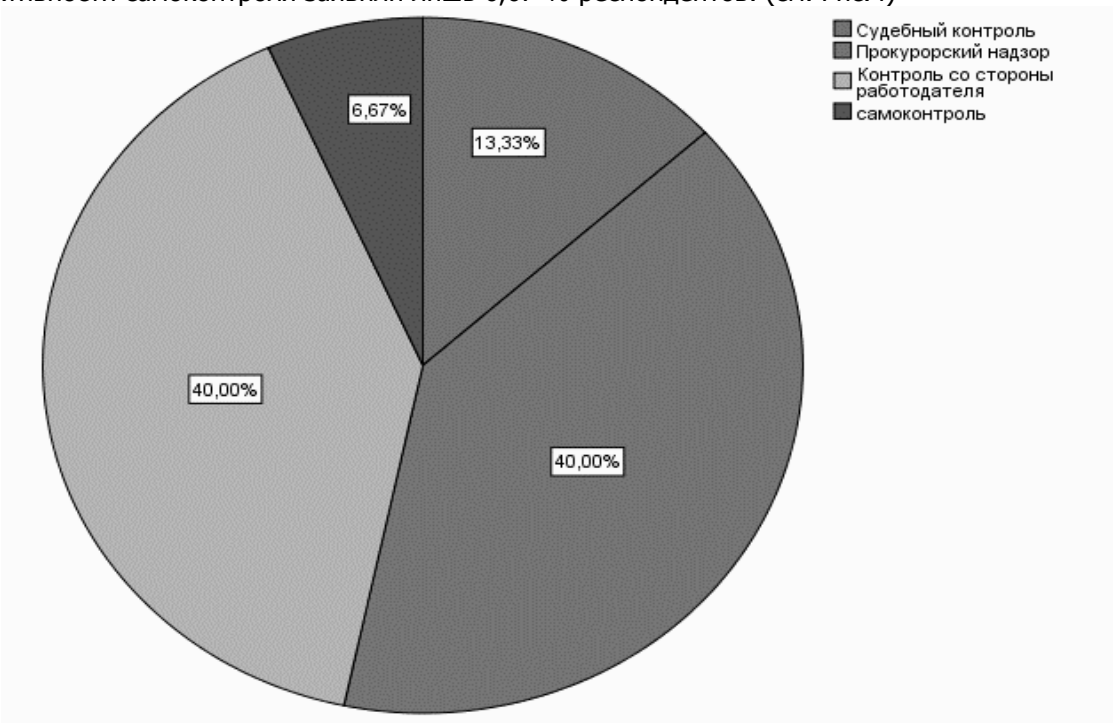


Рис. 4. Мнение респондентов о наиболее эффективной форме контроля за процессом предотвращения конфликта интересов на муниципальной службе

Таким образом, на основе проведенного анализа можно заключить, что в Администрации реализуются различные меры, напаренные на предотвращение конфликта интересов, такие как антикоррупционная экспертиза, размещение информации на официальном сайте, соблюдение требований законодательства в части предотвращения конфликта интересов и пр.

Однако результаты проведенного нами исследования показали, что не все сотрудники знают о наличии антикоррупционного стандарта, а значит наблюдается слабая информационно-просветительская политика, кроме этого не все служащие четко понимают, что представляет собой ситуация конфликта интересов.

Опрос муниципальных служащих также позволил выявить наиболее эффективные, по их мнению, уже реализуемые меры по предотвращению возникновения конфликта интересов, а также наметить перспективы их совершенствования, в т.ч. и за счет одновременного ужесточения наказания и формирования «элитной» муниципальной службы, где служащее имеют высокие доходы и не готовы лишаться своих должностей из-за возникновения личной заинтересованности.

Источники

1. Отчет о ходе реализации муниципальной программы Тарасовского района «Обеспечение общественного порядка и профилактика правонарушений» по результатам за 2019 год // URL: http://taradmin.donland.ru/ (Дата обращения: 09.06.2020 г.)
2. Официальный сайт Администрации Тарасовского района Ростовской области // URL: http://www.taradmin.donland.ru/Default.aspx?pageid=132441 (Дата обращения: 09.06.2020 г.)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.31

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ВЫХОДА СУБЪЕКТА ИЗ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА (К 30-летию ЗАКОНА СССР «О ПОРЯДКЕ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ВЫХОДОМ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЗ СССР» от 3 апреля 1990 г.)

© 2020 г. Н.В. Киселёва

Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г.Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000

В статье рассматривается процесс формирования в правовой политике Советского государства механизма выхода субъекта из федеративного союза, обстоятельства принятия Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г., его содержание и значение.

***Ключевые слова**: союзное государство, право на самоопределение, механизм выхода из союзного государства.*

The article considers the process of formation of the constituent entity exit from the federal state in the legal policy of the Soviet, the circumstances of the adoption of the USSR Law "On the procedure for the solution of the questions connected with secession of a Union Republic from the USSR" of 3 April 1990, its contents and value.

***Keywords**: Federal state, the right to self-determination, mechanism of withdrawal from the union state.*

В начале XX века в условиях кризиса коренящейся в средневековье европейской имперской государственности в либеральных кругах формировалось представление о необходимости перехода к новому уровню отношений в многонациональных государствах. Эта проблема была актуальна и для России, которая исторически формировалась как полиэтническое государство, имея в своём составе «инородческие» территории, народы которых, с одной стороны, были заинтересованы в общем единстве в составе России, с другой стороны, сохраняли самобытность и некоторую самостоятельность.

Политические течения конца 19-начала 20 веков сделали проблему национального самоопределения народов в составе Российской империи одной из доминант политической дискуссии. При этом понятие самоопределения народов интерпретировалось разными политическими силами по-разному. В либеральной буржуазной прессе вопрос рассматривался с точки зрения признания и реализации фундаментальных прав и свобод. В отличие от либералов радикальные революционеры поддерживали идею самоопределения народов в контексте борьбы за ослабление имперской государственности и формирования в будущем основ нового, свободного союза народов. В.И.Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» рассматривал данный вопрос на примере России, Австрии, Балканских государств, государств Азии. Он пришёл к выводу о необходимости исторически конкретной постановки данного вопроса в каждом отдельном случае, о необходимости связывать решение национального вопроса с общими задачами политической борьбы, т.е. акцентировал внимание на тактических аспектах проблемы.

В условиях падения самодержавия национальная политика Временного правительства опиралась на партийную идеологию кадетов, октябристов, эсеров. По соображениям политической целесообразности идея права народов на самоопределение была сведена к праву на свободное культурно-национальное развитие. Временное правительство в своих решениях отстаивало идею неделимости России и решение «национального вопроса» видело в предоставлении «особенным территориям» культурной автономии, развитии языка и этнической самобытности народов национальных окраин. В то же время в Польше, в Финляндии, в Азербайджане, на Украине активизировалась национальная буржуазия, требующая политической автономии. Под давлением событий Временное правительство даже приняло решение о независимости Польши, автономии Украины. Но в целом оно советовало угнетенным национальностям ждать решения их судьбы Учредительным собранием, выборы в которое были назначены на осень 1917 г. Временное правительство, таким образом, склонялось к точке зрения, что важнее сохранить территориальную целостность, чем реализовать право народов

на государственное самоопределение. Такая позиция объяснялась, не в последнюю очередь, условиями продолжавшейся мировой войны.

В отличие от Временного правительства партия большевиков в «Материалах по пересмотру партийной программы» подтвердила требование признания за всеми нациями, входящими в состав России, права на свободное отделение и на образование своего государства. В.И. Ленин писал: «Не бойтесь признать свободу отделения всех этих наций. Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, невозможным без свободы отделения. Чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее потянутся к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее — в конечном счете — братский союз пролетарски-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации» [1]. Он подчёркивал, что республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилием, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства., что «единство и братский союз рабочих всех стран не мирится ни с прямым, ни с косвенным насилием над другими народностями». [2] В таких рассуждениях очевидны черты революционного романтизма.

Взяв власть, большевики в Декларации прав народов России провозгласили политику «добровольного и честного союза народов России», которая воплощалась в праве народов России на свободное самоопределение. В качестве основных начал национальной политики провозглашалось «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [3]. Исходя из этого, III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в резолюции «О федеральных учреждениях Российской республики» провозгласил, что Российская Социалистическая Советская Республика учреждается как федерация советских республик [4]. Причем, к моменту принятия этой резолюции будущие субъекты федерации ещё только находились на этапе самоорганизации.

Положение о праве наций на самоопределение было включено в первую советскую Конституцию, установившую право рабочих и крестьян «каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях» (ст.8). Следует обратить внимание на то, что в период формирования советской государственности на новых, добровольных началах право народов на самоопределение понималось именно как право присоединиться к советскому государству или отказаться от такого присоединения. При этом в первой советской Конституции нет положения о праве на выход из советского государства. Хотя из рассуждений В.И.Ленина на эту тему следует, что он вполне допускал, что и в революционном государстве возможны случаи «действительного отделения». Но и в Декларации прав народов России, и в Конституции РСФСР 1918 года право на самоопределение подразумевалось именно как одностороннее право рабочих и крестьян определенной нации решить вопрос о вхождении в состав революционного государства. В документах Советской власти вопрос об отделении какой-либо территории рассматривался как одностороннее право народа, на ней проживавшего, но не в соотношении с интересами и правами других народов, уже состоящих с самоопределяющейся нацией в едином государстве. Хотя, что вполне очевидно, реализация каким-либо народом права на самоопределение затрагивала экономические, политические и оборонные интересы других народов, неизбежно порождала трудности и противоречия в их дальнейшем сосуществовании. Вероятно, в контексте господствовавшей в идеологии большевизма концепции мировой революции эти вопросы игнорировались, т.к. представлялись совершенно несущественными. Именно поэтому Советская Россия легко шла на признание государственности бывших частей Российской империи: Польши и Финляндии, Прибалтийских государств и государств Закавказья, Украины и Белоруссии.

В начале 1920-х годов ситуация, определявшая стратегию развития советского государства, принципиально изменилась: мировая революция, по выражению В.И. Ленина, «задерживалась», необходимо было решать задачи восстановления экономики страны, укрепления её внешней безопасности. Осмысление этих обстоятельств привело к выводу о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Ключевым событием, обеспечившим возможность решения этих задач, стало создание Союза советских республик.

В Конституции СССР 1924 г. (ст.4) было впервые сформулировано право каждой союзной республики на свободный выход из Союза. Это положение не конкретизировалось, оно имело значение декларации признания реального суверенитета субъектов Союза. Впоследствии это положение было закреплено в Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. Свидетельством реализации права народов на самоопределение считалось увеличение численности субъектов Союза в результате национально-государственного размежевания, вступление в состав СССР Латвии, Литвы, Эстонии. Во всех совет-

ских Конституциях было отражено, что, признавая право наций на самоопределение, Советская власть стремилась всемерно укреплять союз народов, входящих в советское государство, осуществляя курс на выравнивание экономического, социального, культурного уровня развития республик на основе интернационализма и взаимопомощи.

В конце 1980-х годов в условиях «перестройки» межнациональные отношения стали сферой многоуровневых конфликтов. С одной стороны, местные элиты стремились к реальной самостоятельности от союзного центра, которая всё более энергично конвертировалась в необузданное обогащение. С другой стороны, внешние силы, которые откровенно рассматривали свои отношения с СССР как «третью мировую войну», стимулировали обострение межнациональной напряжённости, разжигали конфликты и использовали их для ослабления СССР. Нельзя сказать, что советское партийно-государственное руководство не реагировало на возникшую угрозу. Уже в 1987, 1988 годах на заседаниях Политбюро ЦК КПСС рассматривались вопросы о событиях в Сумгаите, армяно-азербайджанском конфликте вокруг Нагорно-Карабахской АО, проблема статуса крымско-татарского населения. В июле 1988 г., выступая на Пленуме ЦК КПСС, М.С. Горбачев поставил вопрос о реформировании союзных отношений, в частности, о разграничении «компетенции Союза ССР и союзных республик, передаче республикам ряда управленческих функций», обновлении законодательства о союзных и автономных республиках [5].

В октябре 1988 г. резко обострилось положение в прибалтийских республиках. Литовское движение «Саюдис», Народный фронт Латвии, Ассамблея национальных сил Эстонии активно противодействовали политике союзного центра. Вопрос о конституционном праве народов на самоопределение был поставлен в контексте антисоветской политической борьбы. Выступая 10 ноября на заседании Политбюро ЦК КПСС, М.С.Горбачев впервые упоминал о появившихся лозунгах разрыва союзных отношений: «Ведь за что зацепились сейчас - за суверенитет. Означает ли он свободу выхода? Мы должны занять здесь позицию» [6]. Вопрос был поставлен. А ответа не было. Внимание было сконцентрировано на укреплении существующего порядка, на выработке «на основе конституционных норм системы мер и государственных правовых механизмов… для обеспечения политических, социально-экономических интересов союзных республик, расширения и защиты их суверенных прав в Союзе ССР» [7].

Поводом к дальнейшему усилению напряжённости в советской Прибалтике стало 50-летие подписания договора 1939 г. о ненападении между СССР и Германией, на основе которого прибалтийские государства вошли в «советскую зону влияния». Но и в этих условиях проблема межнациональных конфликтов и республиканского сепаратизма не сразу была оценена как угрожающая целостности Союза. На заседании Политбюро ЦК КПСС 11 мая 1989 г. прозвучала симптоматичная реплика М.С. Горбачева: «Надо действовать. Да куда они денутся? Перебесятся. Надо действовать уверенно, потому что за нами правда. И любой вопрос мы можем обсуждать с открытой душой. А что Центр что-то недодумал – поправим. Работать надо уверенно и сильно». После этой реплики руководители коммунистических партий Латвии, Литвы и Эстонии разочарованно покинули заседание Политбюро [8].

Показательно, что на данном заседании один из участников высказал предложение перевести дискуссию в конструктивное русло: «Может быть, действительно пойти на референдумы в этих республиках? Ни одна ведь не выйдет». На что М.С. Горбачёв ответил: «Нельзя Народные фронты, за которыми идёт 90 процентов народа республик отождествлять с экстремистами. И с ними надо уметь разговаривать…» [6] Проблема по-прежнему оставалась в рамках общей политической дискуссии.

Но призывами к диалогу переломить, изменить вектор развития событий в Прибалтике не удалось. 18 мая Верховный Совет Литвы принял Декларацию о государственном суверенитете республики. В тот же день Верховные Советы Литвы и Эстонии осудили советско-германский договор 1939 г., потребовали признать его незаконным с момента подписания и на этой основе поставили вопрос о восстановлении государственной независимости. Вскоре аналогичное решение принял Верховный Совет Латвии.

На первом Съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.) проблема межнациональных отношений и нарастающего республиканского сепаратизма была одной из наиболее важных. В ходе дискуссии писатель Валентин Распутин отмечал: «Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики… Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путём добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной» [9]. В статье «Интеллигенция и патриотизм» В.Г. Распутин развил тему, затронутую в выступлении на съезде: «Развал есть развал, никому он выгоды принести не может. Уже само слово предупреждает о последствиях… Если дойдёт до отделения – не миновать, во-первых, разногласий по поводу своей будущей судьбы разных народов в пределах одной республики, а, во-вторых, и это самое страшное, не миновать территориальных притязаний соседей друг к другу. Едва ли не каждая республика на многонациональной и межрелигиозной почве способна превратиться в Ливан» [10]. Эта позиция показывает, что общественность гораздо более точно пони-

мала сложившееся положение и тревожно указывала партийно-государственному руководству на назревающие угрозы, связанные с центробежными тенденциями в Союзе.

Косвенный ответ на прозвучавшие на съезде предостережения прозвучал в выступлении М.С.Горбачева по телевидению 1 июля 1989 г.: «Убеждён – искать ответы на волнующие нас вопросы следует не в разрушении единства, а на путях решительного обновления федерации…» [11]. Эта позиция понятна, но в то же время она свидетельствует о недооценке партийным лидером угрозы распада Союза.

Нерешительность в оценке реального положения и беспомощность политического руководства страны проявилась при обсуждении на заседании Политбюро ЦК КПСС 14 июля 1989 г. платформы КПСС «О путях гармонизации межнациональных отношений в СССР» Предложенные проект документа подвергся критике. При его обсуждении руководитель компартии Украины В.В. Щербицкий задался вопросами: «Например, в чем состоит суверенность? В самоопределении вплоть до выхода? Перезаключать Союзный договор? Я бы не затевал этого…» Руководитель компартии Грузии Э.А.Шеварднадзе отмечал отставание партийно-государственной политики от выявившихся потребностей: «Поставлен вопрос о преобразовании советской федерации. Но что подразумевается под преобразованием – не разъяснено. Если бы мы просто сказали о необходимости преобразования два года назад – это было бы интересно. А сейчас это уже банально. Некоторые рубежи, которые сейчас обозначены для процесса – это уже не рубежи…» Шеварднадзе подчеркивал, что считает вопрос о праве выхода из Союза самым главным, наиболее острым и актуальным вопросом для советского государства: «Тут мы должны определиться, потому что это главный вопрос, который сейчас дебатируется… Невозможно в таком документе оставить открытым вопрос о выходе из Союза. Мы должны его поставить и дать серьезные аргументы, почему сейчас выход – это безумие… Мы должны честно поставить и изложить аргументы против выхода». Иную позицию при обсуждении занимал заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н.Яковлев: «Право на отделение – оздоровляющий момент… Это – единственный путь укрепления Союза. Наш народ не недоразвитый и не безумный. И не кучка крикунов будет определять будущее Союза… И будет ясно, что удерживают в Союзе не силой». Все участники обсуждения сходились во мнении, что руководство страны опаздывает с определением политического курса в сфере реформирования Союза: «…Это пожарный документ, бежим тушить то, что уже вспыхнуло», – отмечал Н.И.Рыжков; «Мы и так безнадёжно отстаём», – говорил В.А.Медведев; «У некоторых в Верховном Совете ощущение, что уже горим», –заметил М.С.Горбачев [6].

Действительно, отставание теоретической мысли, наивная надежда на победу «здравого смысла», неумение партийно-государственного руководства вести политический диалог («Мы не приучены к политической борьбе», – констатировал М.С.Горбачёв на том же заседании Политбюро) вели к дальнейшему нарастанию проблем в отношениях союзного центра и республик.

В июле-августе 1989 г. ряд заявлений прибалтийских республик вновь подтвердили их установку на собственную суверенную государственность. Но 13 сентября 1989 г. по результатам встречи руководителей КПСС и руководства прибалтийских республик М.С.Горбачев вновь подчеркивал, что нормализацию обстановки он видит только на пути сохранения и обновления федерации [8]. На пленуме ЦК КПСС, который состоялся 19 сентября (как отмечал М.С.Горбачёв «с явным опозданием») в общих чертах характеризовались проблемы в сфере межнациональных отношений и обсуждались возможности и направления расширения прав республик. Внимание было сосредоточено на иллюстрации тех преимуществ, которые даёт республикам Союз. Наиболее острые и болезненные для Союза вопросы – о новом понимании республиками суверенитета, об активности сторонников независимости, о возможности выхода республик из союза – не рассматривались.

Но эти вопросы настойчиво напоминали о необходимости их решения. В начале ноября состоялась встреча М.С.Горбачева с представителями Латвии и Эстонии, по результатам которой он сделал вывод: «У них ощущение, что деваться некуда, надо выходить из СССР. Никакие попытки с республиканским хозрасчетом не дадут им самостоятельности. Так они считают». По итогам этой встречи на заседании Политбюро М.С.Горбачёв заявил: «Но мы им должны показать: кто становится на путь разрыва, тот обрекает свой народ на прозябание. И это они должны почувствовать… В связи с ухудшением экономической ситуации в стране у прибалтов появился новый мотив: «Мы не хотим погибнуть в этом общем хаосе»» [8]. На заседании Политбюро вновь звучали общие призывы к конструктивному подходу, соображения о необходимости развития экономического союза. Наибольшую дальновидность, как показала история, проявил Н.И.Рыжков, который констатировал: «Всё у них нацелено на подготовку выхода из СССР. Все эти дискуссии с нами – это только предлог, оттяжка времени. Как только победят на выборах – вынесут решение об уходе… Надо бояться не Прибалтики, а России и Украины. Пахнет общим развалом».

И в обстановке всеобщей растерянности прозвучала единственное на данном заседании конструктивное предложение академика Л.И. Абалкина: «Должен быть закон о порядке выхода из СССР» [8]. Понимая остроту проблемы, именно они предложил перевести её в правовое русло.

Деформация прежних союзных отношений становилась всё более очевидной. В конце 1989 - начале 1990 гг. прибалтийские республики, Грузия, Армения, Украина, Азербайджан приняли ряд законодательных актов, явно и демонстративно нарушавших Конституцию СССР.

В этих условиях оставаться в рамках общеполитической дискуссии и уклоняться от публичного обсуждения проблемы было уже невозможно. 11-13 января 1990 г. М.С.Горбачёв во время визита в Литву провёл многочисленные встречи с гражданами, выступал на митингах и на партийных мероприятиях. Выступая перед партийным активом республики, он говорил: «Есть статья о том, что каждая республика имеет право на самоопределение вплоть до отделения. И товарищи правомерно ставят вопрос: поскольку эта проблема, дескать, вообще не возникала, раз сейчас возникает и затрагивает Конституцию, затрагивает весь наш конституционный строй, интересы всего Союза, то нужен и механизм выделения… И тот, кто пришёл окончательно к выводу выходить из Советского Союза, должен не семь, а тысячу раз, все обдумав и взвесив, обратиться с обращением в Союз, ко всем народам на конституционной основе… Это процесс чрезвычайно серьёзный, и нужен выверенный механизм осуществления статьи о выделении из Союза» [12]. Разъясняя основные требования к субъекту, намеревавшемуся выйти из Союза, М.С.Горбачёв отметил, что механизм выхода предполагает выполнение ряда условий: выделение выходящей республикой средств для создания новых рабочих мест и жилья для людей, не желающих выходить из Союза, согласование вопросов обороны, коммуникаций, экономики и других. М.С.Горбачёв сообщил, что в основном подготовлен и вскоре будет внесён в комитеты Верховного Совета СССР проект закона о реализации республиками конституционного права на выход из Союза, в котором все необходимые аспекты получат отражение.

Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», в котором был определён алгоритм решения этого сложнейшего вопроса, был принят 3 апреля 1990 г. [13]

Прежде всего, законом был установлен порядок решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза. Необходимо было провести референдум в союзной республике, решение о назначении которого принималось Верховным Советом республики как по его собственной инициативе, так и по требованию 10 процентов граждан данной республики (ст.2). При этом, если в составе данной республики имелись автономные образования, за их населением признавалось право на самостоятельное решение вопроса о выходе и о своём государственно-правовом статусе (ст.3). Решение о выходе считалось принятым, если за него проголосовало не менее 2/3 граждан данной союзной или автономной республики, имевших право голоса (ст.5). Принятое решение должно быть рассмотрено на Съезде народных депутатов СССР (ст.7), а также органами государственной власти всех союзных и автономных республик Союза «для изучения и оценки последствий…. из факта возможного выхода соответствующей союзной республики из СССР» (ст.8).

На основании решения Съезда народных депутатов СССР устанавливался переходный период сроком до 5 лет, «в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР» (ст.9): выходящая республика обязывалась соблюдать международные договоры, участником которых являлся СССР (ст.13), совместно органами государственной власти Союза и республики должны быть решены все вопросы общесоюзной собственности на территории республики и материально-финансовых расчетов, «согласован статус территорий, не принадлежавших выходящей республике на момент её вступления в состав СССР» и статус территорий компактного проживания национально-особенных групп населения, обеспечены «гарантии содержания исторических и культурных памятников и мест захоронений на территории выходящей республики» и другие вопросы (ст.14). В течение переходного периода граждане СССР, проживающие на территории выходящей республики, могли определиться с выбором гражданства, места жительства и работы, при этом выходящая республика должна была компенсировать все издержки, связанные с переселением граждан из пределов республики (ст.15). Выходящая республика должна было также гарантировать гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы гражданам СССР, которые оставались проживать на её территории, не допуская какой-либо дискриминации (ст.16). Было также предусмотрено взаимодействие судебных органов, системы исполнения наказаний (ст.17,18).

В последний год переходного периода по инициативе высшего органа государственной власти выходящей республики мог быть проведён повторный референдум о выходе из Союза, если такого референдума требовала 1/10 часть населения, повторный референдум был обязательным. Если за подтверждение решения о выходе голосовало менее 2/3 граждан данной республики, решение о выходе считалось отмененным и процедуры, связанные с выходом, прекращались (ст.19). Если же решение о выходе было подтверждено и все вопросы, связанные с выходом, были урегулированы, Съезд народных депутатов СССР принимал решение о завершении процесса согласования интересов и удовлетворения взаимных претензий Союза и выходящей республики, а также автономных республик в её составе. С момента принятия решения Съездом выход республики считался состоявшимся (ст.20).

Нормы закона убеждают, что хотя он был разработан в чрезвычайно напряженных политических условиях в ускоренном порядке, он был весьма совершенным актом, предусмотревшим все необходимые аспекты размежевания интересов Союза и выходящей республики. Закон не только позволял достоверно выявить волю народа и удовлетворить интересы выходившего из союзных отношений субъекта, но, в отличие от документов «раннего большевизма», обращал внимание на удовлетворение интересов и потребностей других народов-субъектов союзных отношений. Закон позволял

урегулировать все спорные вопросы в течение переходного периода, гарантировать соблюдение прав и интересов граждан и других союзных республик. Впервые в мировой правовой истории был предложен и проработан алгоритм решения сложнейшей политико-правовой проблемы.

К сожалению, этот закон не был реализован, и раскол СССР произошёл без соблюдения установленных правил, что привело к одномоментному крушению СССР и многочисленным последующим осложнениям и конфликтам на постсоветском пространстве. Поскольку распад СССР произошёл неправовым путём, в постсоветских республиках не гарантированы права этнических русских и других «нетитульных» наций, появился статус «неграждан», запрещается обучение на русском языке и т.д.

Проявлением проблем в сфере самоопределения стало появление Приднестровской республики, конфликт Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Аналогичные процессы имеют место в Югославии, в Сирии, в других государствах. Как правило, шаги по самоопределению народов осуществлялись на основе бурных политических событий и силовых акций, сопровождались военными столкновениями и даже проявлениями геноцида. Исключением стал Крым, где решение о выходе из состава Украины и о вхождении в состав России было принято в правовых рамках в соответствии с алгоритмом, хотя бы отчасти соответствующим установкам Закона 1990 г: на основе Конституции Крымской автономной республики был проведён референдум, согласно его официальным результатам при явке свыше 80% подавляющее большинство избирателей поддержало присоединение Крыма к России, за это проголосовали 96,57 % участвовавших в референдуме граждан [14]. В Крыму признаются личные и имущественные права граждан Украины, поэтому нет конфликтов, связанных с унижением украинцев и представителей других народов.

Значение разработанного в СССР закона о порядке выхода субъекта из состава союзного государства не исчерпывается абстрактным представлением о его возможной, но несбывшейся положительной роли в сохранении единства Союза ССР и его «цивилизованном» расставании с отдельными республиками. Выработанный и закреплённый этим законом путь решения вопроса о самоопределении народов мог бы стать основой для урегулирования подобных проблем и в современных условиях. С учётом накопленного политического опыта и на основе понимания особенностей внутригосударственных и международных процессов в начале XXI века, когда тенденции глобализации очевидно сменяются тенденциями укрепления национальных государств, данный закон СССР мог бы стать – с необходимыми коррективами и доработкой – модельным актом для разработки международно-правовых рекомендаций для предотвращения конфликтов и оптимального решения вопросов национально-государственного размежевания под контролем международных организаций на основе корректно организованного народного волеизъявления, учёта взаимных интересов и сохранения добрососедских отношений.

Литература

1. Ленин В.И. Финляндия и Россия / Полное собрание сочинений. Т.32. С.7.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 32. С.142.
3. Собрание узаконений (СУ) РСФСР, 1917, №2, ст.18..
4. Декреты Советской власти, т.1, М., 1957. С.350.
5. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи, т.6, М., 1989. С.516-518
6. Архив Горбачев-Фонда. Ф.2, оп.3, запись Черняева А.С..
7. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи, т.7, М., 1990. С.213
8. Архив Горбачев-Фонда. Ф.4, оп.1, запись Медведева В.А.
9. Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая-9 июня 1989 г. Стенографический отчёт. Том II. М.: 1989, с.458-459.
10. Москва, 1991, №2, с.17.
11. Правда, 1989, 2 июля.
12. Правда, 1990, 13 января.
13. Ведомости Верховного Совета, 1990, №15, №1409-1 // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6#03442323641570486
14. URL: https://news.yandex.ru/yandsearch?rpt=n &text20голосования

УДК 340.14

СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДЕКЛАРАТИВНОЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

© 2020 г. М.В. Кича

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice, 66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

В статье рассматриваются особенности судебного правотворчества в англосаксонской правовой семье. Автор уделяет особое внимание анализу декларативной теории судебной власти, а также ее влиянию на профессиональное формирование судей.

Ключевые слова: *англосаксонская правовая семья, судебное правотворчество, судебный прецедент, прецедентное право, общее право, декларативная теория судебной власти.*

The article examines the features of judicial law-making in the Anglo-Saxon legal family. The author pays special attention to the analysis of the declarative theory of the judiciary, as well as its influence on the professional formation of judges.

Keywords: *Anglo-Saxon legal family, judicial law-making, judicial precedent, case law, common law, declarative theory of the judicial power.*

В современном мире правотворчество является одним из неотъемлемых видов деятельности судебной власти. Оно реально существует вне зависимости от того, признается ли судебная практика формой права. Важность и необходимость судебного правотворчества заложены в самой природе судопроизводства, поскольку судебное правотворчество затрагивает специфическую сферу социальной жизни, в которой именно на суд налагаются обязанности по регулированию общественных отношений. Соответственно, ни один государственный орган, помимо суда, не обладает профессиональными знаниями, навыками и компетенциями, позволяющими квалифицированно заниматься правотворчеством в указанной сфере.

Описанное положение дел напрямую вытекает из теории разделения властей, согласно которой каждая из трех ветвей власти – законодательная, исполнительная и судебная – осуществляет собственные уникальные функции в пределах своих властных полномочий. Но как в таком случае квалифицировать сам термин «судебное правотворчество»? Не означает ли он, что судебная власть узурпирует полномочия власти законодательной?

По нашему мнению, такая трактовка представляется неверной, поскольку правотворческую деятельность официально осуществляют законодательная власть (в сфере принятия законов) и исполнительная власть (в сфере принятия подзаконных нормативных актов). Таким образом, непризнание за судебной властью возможности творить право является, по сути, ее дискриминацией, что недопустимо в соответствии с теорией разделения властей.

Эффективность судебного правотворчества на протяжении столетий подтверждается юридической практикой:

– судебный прецедент является одной из главных форм права в англосаксонской правовой семье;

– другой результат судебного правотворчества – судебная практика (преюдикат) – исторически выступает в роли ведущей формы права в скандинавской подгруппе романо-германской правовой семьи;

– судебный прецедент и судебная практика также признаются формами права в смешанных правовых системах (в т.ч. Израиля, Квебека и Луизианы);

– в дальневосточной подгруппе романо-германской правовой семьи судебная практика также играет немаловажную роль как признанная форма права (Южная Корея) либо как непризнанная де-юре, но существующая де-факто форма права (Япония);

– судебная практика является формой права в рамках романо-германской правовой семьи в целом.

Обратим внимание на то, что во всех указанных случаях речь идет о современных экономически развитых государствах (Великобритании, США, Канаде, Израиле, Швеции, Норвегии, Дании, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Японии, Южной Корее и др.).

Вместе с тем, тенденции последних лет говорят о том, что в англосаксонской правовой семье судебный прецедент нередко уступает место статуту. Как бы то ни было, судебное правотворчество в англосаксонской правовой семье почти не изучено отечественной юридической наукой. В то же время, в эпоху глобализации изменениям подвержены давно исследованные и хорошо известные российским ученым-юристам зарубежные правовые системы.

В наши дни судебное правотворчество переживает период трансформации, поскольку оно неразрывно связано с действующим законодательством, господствующим типом правопонимания, актуальной политико-правовой обстановкой и рядом других объективных факторов – в частности, с проблемой соотношения интеграции в общемировое правовое пространство и параллельного сохранения элементов аутентичной правовой культуры, характерных для той или иной правовой системы.

Кроме того, англосаксонская правовая семья принципиально отличается от романо-германской правовой семьи, в которую входит российская правовая система, и различия затрагивают саму концепцию судебного правотворчества, а также ее понимание и механизм реализации. Учитывая неоднозначный формальный и фактический статус судебной практики в РФ, изучение судебного правотворчества в англосаксонской правовой семье и связанного с ним юридического опыта могут сыграть немаловажную роль для отечественной юридической науки и практики.

Несмотря на общепризнанность судебного правотворчества в англосаксонской правовой семье, в ходе истории судьи отказывались признавать свою законотворческую функцию. Выявление причин такого поведения напрямую связано с последствиями признания ими законотворческой роли.

Корни проблемы лежат в том, что в системе общего права судьи должны были принимать решения, доказывающие эффективность этой системы. Данная теория судебной власти называется декларативной, ее предпосылки прослеживаются еще до Мэттью Хейла (1609 – 1676) и Уильяма Блэкстона (1723 – 1780). Декларативная теория на протяжении веков она поддерживалась самими судьями [1, p. 26]. Сейчас странно осознавать, что многие выдающиеся английские юристы – например, лорд Мэнсфилд и другие создатели общего права – не знали о своей правотворческой функции.

Ссылка на декларативную теорию означает апелляцию к теоретической основе отказа в судебном правотворчестве. В настоящее время декларативная теория сохраняется по трем причинам:

1) декларативная теория формально соответствует доктрине разделения властей. Учение о должной судебной власти оказывает мощное влияние на то, что судьи делают – и как они воспринимают свою деятельность. Судьи, привыкшие думать, что они лишены реального выбора и не творят право, неизбежно станут уделять большое внимание логическому и концептуальному мышлению – но там, где логика не поможет преодолеть разрыв между абстрактной юридической нормой и конкретной жизненной ситуацией, судьи будут склоняться к интуитивным решениям, без тщательного анализа факторов, влияющих на их выбор. Также их логичные решения могут оказаться неоправданно жесткими, лишенными необходимой гибкости и применимости к социальным реалиям. Наоборот – судьи, привыкшие видеть себя творцами права, могут игнорировать логику;

2) декларативная теория скрывает ретроспективный характер судебного правотворчества. В XVII – XVIII вв. акцент делался на формальных рассуждениях. Правотворчество воспринималось как исправление ошибок или некое разоблачение истинного положения дел. Позже эту концепцию развенчали Иеремия Бентам (1748 – 1832) и его последователи;

3) в эпоху Нового времени суды рассматривали гораздо более широкий круг споров, дел и материалов, нежели обязательные прецеденты. Они также давали юридическую оценку понятию справедливости и государственной политике. Собственно, по указанной причине традиционное общее право имеет потенциал для развития, что, несомненно, объясняет его долговечность.

Итак, судьи, воспитанные в рамках декларативной теории, рассматривали правотворчество как ее элемент – то есть провозглашение того, что является справедливым, что противоречит государственной политике и т.д. Слабость декларативной теории заключалась в неспособности понять, что ее приверженцы делали выбор в пользу конкретных ценностей, зачастую не видя их целесообразности.

Благодаря изменению социальных условий – в первую очередь, индустриализации и научно-техническому прогрессу – мы сегодня осознаем, что ценности основаны на возможности отдать предпочтение одной социальной группе за счет другой. Понимание того, как устроен социум, позволяет нам прийти к выводу, что сделанный выбор может тем или иным образом повлиять на функционирование и развитие общества.

Помимо того, декларативная теория воспитывает общество в духе сохранения лояльности в отношении закона, потому что он минимизирует выбор судьи, находящийся за пределами правовой системы. Это, в свою очередь, защищает судей от публичной критики и позволяет им избежать ответственности за состояние права и последствия применения юридических норм. Также декларативная теория поддерживает веру в идеал законов, но не людей – поскольку, если эти законы

представляют собой результат деятельности судей, то сама правовая система «очеловечивается» и воспринимается обществом как правительство – то есть как совокупность людей, имеющих некие цели и задачи и действующих в чьих-либо интересах [2, p. 18].

Иными словами, декларативная теория демонстрирует понимание права, совершенно отличное от современного западного. Сегодня значение декларативной теории сводится к тому, чтобы избавить судей от критики общества – то есть фактически исключает возможность обратной связи и дальнейшего развития судебной системы, вызывает трудности ее реформирования и нивелирует важный компонент социального служения судей. Кроме того, любые ошибки, совершенные в условиях декларативной теории, превращаются в заботу узкого круга специалистов; эти ошибки могут увидеть и исправить только представители юридической профессии. Таким образом, государство монополизирует контроль над правом и юридической профессией – и новым поколениям судей передаются и прививаются определенные ценности и модели поведения.

В то же время, безусловное достоинство декларативной теории заключается в уважении к профессии судьи и ее представителям. Однако если судей рассматривать как лиц, ответственных за содержание и действие общего права, то они будут вынуждены соответствовать своему высокому статусу. В таких условиях они уже не могут избежать критики, сославшись на «неудачный» или «несправедливый» закон и тем самым переложив ответственность за принятое ими решение с судебной власти на законодательную, и с судов – на парламент.

Повышение осведомленности общества о судебном правотворчестве неминуемо приводит к повышению осведомленности о деятельности судей как таковой – и о своеобразном контроле, который они имеют над содержанием закона. Осознание обществом важности судебного правотворчества, в свою очередь, влечет за собой осмысление и прогнозирование его социальных последствий.

Литература

1. Stone, J. Precedent and Law, Dynamics of Common Law Growth. Sydney: Buttenvorths, 1985.
2. Sawer, G. Law in Society. Oxford: Clarendon Press, 1965.

УДК 34.03

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РАКУРСЕ ЦЕННОСТЕЙ ПРАВА

© 2020 г. Г.С. Працко

Чеченский государственный университет
364093, Чеченская Республика,
г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Chechen State University
32, Sheripova st., Grozny,
Chechen Republic 364093

В статье анализируются особенности социального положения личности в условиях укрепления режима демократии, развития основ гражданского общества, когда усиливаются возможности влияния ценностей права на систему действующего законодательства, причастного к установлению социального и правового порядка, обусловливающего достойное социальное существование каждой личности. Обращается внимание на те жизненные обстоятельства, факторы, которые положительно или негативно воздействуют на социальную действительность, социальные интересы и потребности личности. Делается вывод относительно усиления влияния ценностей права на социальные притязания личности.

Ключевые слова*: система права, ценности права, права и свободы личности, социальная действительность, социальные интересы и потребности личности, правовая социализация, правосознание, правовая культура, юридический опыт.*

The article analyzes the special features of the social position of personality under the conditions of strengthening democracy, the development of the bases of the civic society under the increase in possibilities of the influence of the values of law on the system of the current legislation, contributing to the establishment of the social and lawful order, which causes welfare for each person. Pays attention to those vital circumstances, factors, which positively or negatively impact on social reality, social interests and needs of a person. Draws a conclusion on strengthening the influence of the values of law on the person's social claims.

Keywords*: system of law, value of law, rights and freedoms of a person, social reality, social interests, legal socialization, legal conscience, lawful culture, juridical experience.*

В условиях, когда высшей ценностью признаются личность, ее права и свободы, а формирование достойного существования человека становится приоритетом гражданского общества, теоретический и практический интерес представляют социальные начала тех ценностей права, которые трансформируются в процессы упорядочения конкретных общественных отношений.

Значительная часть подлежащих реализации прав и свобод личности имеет определенное социальное содержание, а сама жизнедеятельность членов гражданского общества связана с материальными и иными социальными устремлениями, которые должны находить отражение в системе действующего законодательства при условии ее обращения к ценностям права.

В процессе регулирования и охраны многих общественных отношений параллельно действуют и своего рода механизмы социального упорядочения жизнедеятельности членов общества, без чего достижение многих жизненных целей утрачивает свой практический смысл, лишает личность возможности обрести, прежде всего, достойное материальное существование.

Социальные начала функционирования права проявляют себя в значительной части правовых отношений. Эти начала оказывают прямое или косвенное влияние на правосознание, правовую психологию, правовое поведение многих членов общества, которые в первую очередь анализируют и оценивают указанные результаты правового воздействия и делают практические выводы относительно того, что привносят в их повседневную жизнь конкретные законы, подзаконные акты, юридические нормы, какова их социальная составляющая.

Социальные компоненты действующей системы права являются мощным средством воздействия на правовое мировоззрение человека, процессы мотивации его предстоящего правового поведения, степень активности или пассивности в соответствующих областях социальной и правовой действительности. Это обусловлено тем, что именно материальные стороны бытия представляют первостепенное значение для каждого члена общества, поскольку они самым тесным образом связаны с реализацией его прав на жизнь, здоровье, комфортное и достойное существование.

Эту кардинальную сторону повседневной жизнедеятельности членов развивающегося гражданского общества призваны постоянно учитывать соответствующие системы государственной и муниципальной власти, правотворческие органы, структуры применения юридических норм, правоохранительные органы и иные юридические учреждения. Они в той или мере занимаются вопросами планирования, организации, прогнозирования всех тех проблем, целей, задач, которые соотносятся с социальной функцией государства.

Качество, эффективность, направленность указанной функции предопределяется наличием и содержанием соответствующей правовой основы, ее социальными компонентами. В рамках деятельности компетентно-властных структур должны вноситься своевременные коррективы в систему правового воздействия на социальные аспекты жизнедеятельности членов общества.

Вносимые в социальную правовую действительность коррективы незамедлительно оцениваются заинтересованными членами общества. Эти оценки могут носить как одобрение, так и порицание относительно правовых нововведений, которые могут соотноситься с ценностями права, а могут и противоречить им. Подобные правовые изменения непременно сказываются на состоянии и характере правосознания, правовой культуры, правового поведения соответствующих членов общества, их приобретенном юридическом опыте.

Социально-правовые устремления личности соотносятся с соответствующими жизненными притязаниями других членов общества и тем самым придают особую социальную окраску функционированию всего гражданского общества, призванного отстаивать перед государством приоритет социальных личностных интересов как основы достойного существования человека.

Социальная сторона взаимоотношений личности и гражданского общества, гражданского общества и государственной власти становится все более приоритетной по мере развития демократического режима, привлечения ценностей права в систему действующего законодательства. Человек ощущает свое достоинство именно в таком ценностном правовом пространстве.

Социальные компоненты правовой действительности становятся все более ведущими элементами правового регулирования только при открытом, обстоятельном, целенаправленном утверждении той политики, которую намерено проводить и которую в определенном масштабе осуществляет социальное государство. При этом важно подчеркнуть, что функции социального государства имеют конституционно-обязывающий характер. Для членов гражданского общества практический интерес представляют только реальные результаты той политики, которая исходит от социального государства и находит воплощение в соответствующих законах и иных нормативно-правовых актах.

Государственно-властные структуры далеко не всегда учитывают то обстоятельство, что социальные аспекты системы права, правового регулирования как самые приоритетные для каждой личности, большинства членов общества являются эффективным средством укрепления правовой законности, поддержания на должном уровне правового и общественного порядка, мотивации осознанного массового правомерного поведения.

В рамках достойной жизнедеятельности происходит усиленный процесс со стороны значительной части членов уважительного отношения к ценностям права, правовым законам, которые отстаивают приоритетные жизненные интересы личности, ее сущностные права и свободы. Если государство не учитывает должным образом эти стороны жизнедеятельности людей, то оно не приобретает основы правовой государственности, а отдаляется от нее, вопреки конституционным требованиям.

Социально-правовая действительность, окружающая личность, проявляет и свои психологические корни, мотивы, установки, то есть касается сфер правового воспитания и правовой социализации.

Поскольку правовое воспитание личности строится, как правило, на восприятии положительных явлений правовой действительности, то преподнесение социального комфорта личности, образ ее достойного существования в качестве достигнутых реалий не может не вызвать чувства уважения к действующей системе права, полного доверия к конкретным законам и юридическим нормам. Материальное благо, достигнутое не в последнюю очередь при посредничестве права и его ценностей, – важный момент в механизме правового воспитания.

Приближение ценностей права к реализации социальных интересов и потребностей личности, трансформация ценностного потенциала права в ведущие сферы жизнедеятельности членов общества, отражение этого практического влияния права в правовом сознании и правовой психологии субъектов права сказываются на их правовой социализации.

Осваивая социальную действительность и соприкасаясь с ее существенными компонентами, личность познает степень влияния права на свою социальную жизнь, делает выводы относительно положительных и негативных результатов функционирования права в этой сфере жизнедеятельности людей.

На этой практической основе субъект права, с учетом своего юридического опыта, отграничивает ценности права от всего того юридического балласта, который привносит в систему упорядочения социальных отношений элементы деформации, торможения, отторжения тех социальных интересов и устремлений, которые составляли жизненный приоритет для конкретных участников соответствующих общественных отношений.

Правовая социализация позволяет личности отдавать предпочтение ценностям права и отвергать то законодательство, которое посягает на ее социальные устои и отдаляет ее от должного уровня

достойного существования. Правовая социализация становится своеобразным критерием поиска ценностей в действующей системе права.

Личность как субъект права не просто обнаруживает, воспринимает, осваивает и оценивает соответствующие стандарты, принципы, практически значимые и приемлемые стандарты социальной жизни, но и трансформирует приобретенный опыт в свои личностные установки, притязания, ориентации. Это позволяет заинтересованным членам общества более свободно и уверенно ориентироваться в том правовом пространстве, которое в решающей степени обусловливает их социальную жизнь, влияет позитивно или негативно на реализацию права человека на достойный образ жизни.

Четкая правовая социализация ставит личность перед необходимостью осуществления активных поведенческих акций ради достижения своих социальных интересов и потребностей. Личность как естественный и непременный участник соответствующих общественных отношений «просто не может избежать принятия многих социальных и культурных ролей, стандартов и оценок, определяемых самими условиями ее жизни в обществе» [1, с. 10]. Но, обладая определенным юридическим опытом и обстоятельными представлениями о ценностях права, личность может найти наиболее приемлемые подходы к реализации своих сущностных социальных намерений и притязаний, надежно закрепить свое место в определенном социальном и правовом пространстве.

Разумеется, правовая социализация, как и правовое воспитание, характеризуется не только позитивным началом, но может иметь и негативную направленность. В зависимости от внешней жизненной среды, личностных качеств соответствующего индивида, дефицита его нравственных устоев и духовности его участие в определенных социальных отношениях может пренебречь правовыми ценностями и сделать крен в сторону асоциальных, противоправных акций. Субъект социального отношения может вести себя и вполне правомерно, но не получить удовлетворения социальными результатами, если они не были трансформированы ценностями права, игнорировали сущностные социальные устремления членов общества.

Социальная жизнь личности – явление неоднозначное, противоречивое, не достаточно стабильное и предсказуемое. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, государство и общество, проводя определенную социальную политику, стремятся поддерживать определенный социальный порядок, социальное равновесие в соотношении различных классов, социальных групп и слоев, обеспечивать равнозначный доступ к основным социальным благам для значительной части населения. С другой же стороны, эти социальные параметры не выдерживаются как по прихоти государственной власти и слабом общественном контроле, так и по причине недостаточно умелого и эффективного управления сложными социальными, экономическими, предпринимательскими, организационными, политическими процессами, которые, в конечном счете, деформируют нормальное течение социальной жизни членов общества.

Нередко такая ситуация в сферах социальной действительности искусственно используется для того, чтобы манипулировать определенными материальными и социальными благами и держать в повиновении членов общества, сдерживать их определенные жизненные порывы, затруднять реализацию их прав и свобод с тем, чтобы усилить зависимость членов общества от воли государства.

В таких условиях затрудняются процессы трансформации ценностей права в социальную действительность, минимальным становится доступ личности к обретению основ достойного существования. Строгий, нецелесообразный, искусственно созданный, далеко нелегитимный социальный контроль со стороны государства ставит личность в бесправное социальное положение, лишает ее многих жизненных благ, лишает ее статуса свободной личности. Поэтому становится понятным, что ценности права обретают практическое воплощение, а истинные социальные устремления личности, ее свободное ориентирование в сферах социального и правового пространства возможны лишь при наличии действительного режима демократии, развитых основ гражданского общества и правовой государственности.

В более практическом плане должное функционирование и развитие социальной жизни, притягательной для большинства членов общества, обусловливает (либо деформирует) ряд сущностных жизненных факторов объективного и субъективного свойства.

Первостепенным является положение: если государство обретает параметры правовой государственности, утверждает принципы открытости и сменяемости власти, придает легитимный характер всем структурам государственной власти, располагает демократической Конституцией, то оно непременно отдает приоритет естественным и неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина. Это имеет непосредственное отношение и к социальным правам и возможностям каждой личности.

Важно, чтобы конституционные установки относительно прав и свобод человека находили воплощение в соответствующих правовых законах, всецело отражающих ценности права. Только это может стать гарантией доступности каждой личности и к определенным социальным благам, выгодам и преимуществам как условиям ее достойного существования.

Если действующее законодательство отвергает ценности права, игнорирует права и свободы человека, отдает приоритет государственным интересам, то и социально-правовое положение личности претерпевает деформационные акции, отдаляется от реализации жизненных интересов и потребностей. Вне реального проявления ценностей права, дефиците правовых законов, отторжении идей и принципов естественного права любые сущностные жизненные устремления членов общества становятся либо не достижимыми, либо ущербными, урезанными.

Важным представляется не только наличие ценностной системы действующего законодательства, но и функционирование эффективных юридических механизмов, предназначенных для упорядочения соответствующих общественных отношений исключительно в интересах значительной части членов общества. Поэтому элементы бюрократизма, волокиты, поборов, низкого профессионализма государственных служащих негативно сказываются на процессах реализации соответствующих прав и свобод личности, на обеспечении ее достойного существования.

Чтобы противостоять подобного рода негативным тенденциям, сама личность как субъект права должна обладать определенными правовыми знаниями, иметь надежный уровень правосознания и правовой культуры, умело распоряжаться приобретенным юридическим опытом, проявлять необходимую социальную и правовую активность, предпринимать требуемые инициативы, то есть совершать максимальные правомерные акции. Тем самым, пусть и опосредованно, ведется борьба человека за торжество правовых ценностей, внедрение принципа справедливости в социальную действительность, отстаивание начал нравственности в процессе упорядочения и разрешения тех или иных жизненных обстоятельств.

При этом компетентные властные структуры призваны заниматься четким правовым просветительством, внедрять основы правовых знаний в широкие слои населения, открыто анализировать юридическую практику, включая комментарии о результатах правосудия в стране и в отдельных регионах и т.д.

Стремление членов общества к достижению определенных социальных интересов и результатов с максимальным использованием возможностей права вносит некоторую гармонию в состояние социальной и правовой действительности, способствует развитию и укреплению должного социального и правового порядка в тех сферах жизнедеятельности личности, которые обусловливают ее достойное существование.

Социальная действительность – явление производное от целенаправленных усилий государства, общественных институтов и учреждений, достаточно мощного воздействия системы действующего законодательства. Поэтому в порядке обратной связи состояние социальной жизни должно находить понимание и массовую поддержку со стороны членов общества, каждой личности, имеющей возможность вносить определенные предложения, рекомендации, критиковать осуществляемые социальные и правовые акции в качестве самой заинтересованной стороны.

Массовость в социальной сфере – не только количественный, но и качественный созидательный показатель движения в правильном направлении. То, что соответствует жизненным интересам большинства населения, находит признание и поддержку каждой личности, а то, что предпринимается в ущерб жизненным притязаниям людей, вызывает разочарование, неудовлетворенность предпринимаемыми социальными акциями. Так, ожидаемое введение прогрессивного налога на доходы весьма обеспеченных индивидов, с одной стороны, вызывает одобрение значительной части населения, а с другой стороны, вызывает глубокий скепсис незначительной долей этого налога по сравнению с высоко развитыми государствами мира.

Состояние социальной жизни общества должно строиться на началах открытости и гласности, что соответствует и духу конституции и принципу справедливости. Члены общества должны иметь четкое и полное представление обо всех положительных и негативных аспектах социальной действительности.

Нередко представители власти, проводя непопулярные социальные мероприятию, обосновывают это тем, что подобное имеет место и в развитых странах Запада, но при этом сбрасывают со счетов доходы значительной части россиян и более высокие размеры доходов, которые имеет значительная часть населения в зарубежных странах. Обоснованное недоумение многих членов общества вызывает, в частности, засекреченность высоких доходов высокопоставленных чиновников, сокрытие наличия у них дорогостоящей недвижимости и других материальных благ. Социальная жизнь общества протекает и осуществляется благотворно только тогда, когда имеет место надежный и независимый общественный контроль, открытый для всех заинтересованных членов общества.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.

УДК 34.03

ЦЕННОСТИ ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТЬЮ

© 2020 г. Г.С. Працко

Чеченский государственный университет
364093, Чеченская Республика,
г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Chechen State University
32, Sheripova st., Grozny,
Chechen Republic 364093

В статье выявляются некоторые особенности восприятия ценностей права личностью как потенциальным или реальным субъектом права. Отмечается, что личность осмысливает ценности права в ракурсе достижения определенных жизненных интересов, реализации естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека. Выявляются те жизненные обстоятельства, правовые факторы, которые положительно или негативно влияют на процессы внедрения ценностей права в жизнедеятельность гражданского общества и его членов. Делается вывод относительно решающей роли ценностей права в процессе становления достойного существования личности.

Ключевые слова: *демократия, гражданское общество, ценности права, система права, позитивное право, права и свободы личности, жизнедеятельность личности, достоинство существования личности.*

The article outlines some special features of the perception of the values of law by a person as a potential or real law subject. Highlights that a person comprehends the values of law in the light of achieving specific life interests, the exercising of natural and inalienable rights and freedoms of a person. Reveals those life circumstances, legal factors, which favorably or negatively affect the processes of introducing the values of law into the life activity of civic society and its members. Draws a conclusion on a decisive role of the values of law in a worthy existence of a person.

Keywords*: democracy, civic society, value of law, system of law, right, rights and freedoms of a person, the merit of existence of personality.*

Расширение пространства демократии, утверждение основ гражданского общества и правовой государственности требуют уточнения и некоторого переосмысления представлений о ценностном содержании права. Аксиологический подход к природе, сущности, социальной направленности права приобретает особое практическое значение в свете признания личности, ее прав и свобод высшей социальной ценностью.

Особенности развития правовой жизни гражданского общества, его сотрудничества с властными структурами правового государства связаны и с оценкой тех возможностей, которыми обладает право как общественный феномен. Постижение природы правовых ценностей и осмысление процессов их воплощения в правовую действительность по-прежнему ставят на повестку дня решение сложных, противоречивых и неоднозначных теоретических проблем.

К числу одной из актуальных проблем правовой аксиологии относится вопрос о теоретической и практической ориентации в аксиологическом пространстве, выборе баланса в разнообразных подходах к пониманию ценностей в праве. Индивид, интересующийся правом, субъект права прямо или косвенно, вольно или невольно, но находятся в поиске тех преимуществ, которыми располагает право и которые возможно использовать для разрешения определенных жизненных обстоятельств, достижения тех или иных целей и устремлений.

Происходит своеобразный анализ сильных и слабых сторон действующего законодательства, а оценка переносится на само право, вызывая либо полное одобрение и доверие к праву, либо формируя элементы разочарования правовыми возможностями права, силой его воздействия на общественные отношения. В конечном счете, тем или иным образом затрагиваются ценностные аспекты права, поиск его ценностных компонентов, перевод обнаруживаемых ценностных граней права в практическую плоскость.

В процессе произвольного, аморфного, примитивного поиска ценностей права может происходить и происходит смешение возможностей и целей права как общественного явления, общественного феномена и того потенциала, которым обладает система права как продукт сугубо позитивного права, творцом, итогом которого является целенаправленная правотворческая деятельность компетентных органов государства.

И только в рамках четкого теоретического поиска тех преимуществ, которыми обладает истинное право, и возможен целенаправленный переход к выявлению и характеристике тех компонентов права, которые обладают ценностным потенциалом. Такие компоненты права, трансформированные в

действующую систему права, и могут отражать те жизненные выгоды, поиском которых и может быть занят заинтересованный потенциальный или реальный субъект права.

В конечном счете, личность как субъект права обнаруживает, признает и сообразует со своей жизнедеятельностью именно те грани права, которые обусловливают личностные жизненные интересы, преимущества, выгоды, достижения. Тем самым соответствующий индивид осознанно, непосредственно или подспудно входит в мир ценностей права и постепенно осваивает его.

В то же время, любые ограничения, сложности, искусственные, надуманные препоны на пути достижения тех или иных естественных и жизненно важных целей, опосредованных правом, но лишенных действенности и эффективности, нейтрализуют представления о праве как ценностном явлении. Здесь, безусловно, правовое разочарование связано с действующей системой права, конкретными нормативно-правовыми актами и юридическими нормами, однако конечная оценочная акция переносится на право как явление цивилизации и культуры – носитель ценностных компонентов.

Поэтому важное теоретическое и практическое значение имеет разграничение потенциала права как исключительно ценностного явления и тех регулятивных и охранительных свойств, которыми обладает действующая система права, позитивное право в целом.

Смешение в ходе осмысления ценностных и анти ценностных начал соответствующего правового воздействия на сознание и психологию личности, процессы упорядочения определенных общественных отношений вносит элементы дисгармонии в систему поисков тех истинных ценностей, носителем которых является право как особое явление жизнедеятельности общества и его членов.

Только на фоне выявления таких ценностей и обнаруживаются те недостатки, слабые стороны, которые характерны для позитивного права, отводящего второстепенное место социальному и правовому статусу личности, ее правам и свободам. Личность практически лишена возможности иметь достойный образ жизни при отрицании ценностной роли права.

Приоритет, отдаваемый ценностям права, является мощным средством в достижении прогресса в развитии действующей системы права, повышения качества и эффективности законов и подзаконных актов, которые практически и вносят ту упорядоченность в общественные отношения, по результатам которой личность и судит о наличии или отсутствии соответствующих ценностей в действующем праве. Выраженные и обнаруженные в жизненных преимуществах и выгодах ценности права практически существуют и функционируют в соответствующих сферах жизнедеятельности гражданского общества и его членов.

Разумеется, отношение к ценностному потенциалу права со стороны членов общества как субъектов права не может быть величиной постоянной, устойчивой. Пока человек использует в полной мере преимущества и выгоды действующего законодательства в своих жизненных интересах, он уважает право, прямо или косвенно признает его ценностные начала.

Но как только субъект права сталкивается с затруднениями, негативными сторонами правового воздействия на те или иные стороны его бытия, он адекватно своему внутреннему мировоззренческому и психологическому миру начинает по-иному оценивать право, которое, по его мнению, начинает утрачивать ореол истинной ценности. Человек начинает выявлять в конкретных законах и юридических нормах те ограничения, запреты, искусственные препятствия, которые тормозят, затрудняют доступ к процессам реализации тех прав и свобод, которые являются приоритетными для него.

Из сказанного следует, что проблема ориентации членов общества в аксиологическом пространстве права носит постоянный и устойчивый характер, поскольку выявление баланса между преимуществами и слабыми сторонами права (системы действующего законодательства) всегда сохраняет повышенный практический интерес, так как вне правовых инструментов и механизмов решать многие важные стороны жизни людей не представляется возможным.

Следовательно, определенные представления о наличии или отсутствии ценностного содержания права при разрешении конкретных жизненных обстоятельств заметно или скрытно, прямо или опосредованно, но практически всегда сопровождают соответствующие процессы жизнедеятельности членов общества, ставят субъектов права перед необходимостью определения баланса позитивных и негативных сторон воздействия права на общественную и частную жизнь.

Объективное наличие ценностей права вуалируется недостатками и слабым инструментарием позитивного права (действующего законодательства), что проявляется в процессе юридического упорядочения соответствующих общественных отношений. Ценности права – непременный компонент правовой действительности, но их обнаружение – процесс сложный и неоднозначный, представляющий собой проблему теоретического и практического свойства.

В конечном счете, эта проблема упирается в водораздел права как общественного явления и права позитивного, представленного действующей системой законодательства, что по-разному осмысливается соответствующими индивидами, участниками тех или иных общественных отношений. Но непременным остается одно, ценности права – тот масштаб, стандарт, с которыми соизмеряются в качестве естественных те общественные и личностные блага, которые и претерпевают проверку по-

средством сопоставления их с ценностными требованиями права. Поэтому для конкретного субъекта права в процессе его юридических акций ценности права являются ориентиром мотивации и осуществления соответствующего правового поведения.

Ведущим критерием обнаружения, восприятия и введения в практику ценностей права является глобальный принцип справедливости. Право как общественное явление не только отражает определенные ценности, но и привносит справедливость в жизнедеятельность членов общества, исходит из состояния справедливости в системе ведущих общественных отношений. Вне требований справедливости ценности права обретают абстрактный характер, в значительной степени выхолащиваются из среды жизнедеятельности общества и его членов.

Ценности права воплощаются в достойном образе существования членов гражданского общества, что справедливо и адекватно природе и сущности данного общества. Достойное существование личности занимает центральное место в системе правовых ценностей и рассматривается в качестве абсолютной справедливости. Поэтому несправедливо, когда действующая государственная власть посредством потенциала позитивного права ограничивает права и свободы человека, лишает его возможности обрести подлинное достойное существование и тем самым выводит ценности права из сферы их практического приложения.

Только равновесие в соотношении ценностей права и начал справедливости в процессе упорядочения общественных отношений выступает залогом благополучия личности, ее продвижения к эталону достойного существования. Открытые ценности права, воплощение принципа справедливости в жизнедеятельности членов общества, обретение каждым человеком возможности достойного существования – социальный и правовой идеал, практический ориентир развивающегося гражданского общества, режима демократии в современных условиях.

Только реализованные ценности определяют степень достоинства человека в обществе. В своей совокупности реализованные ценности формируют своеобразный порядок справедливости и солидарности в жизни общества [1, с. 122]. Свое место в системе этих ценностей занимают и правовые ценности, восприятие которых должно усиливаться по мере развития демократических и правовых аспектов жизнедеятельности гражданского общества.

При характеристике ценностей права мыслители в первую очередь обращали внимание на гуманитарные начала указанных ценностей, что приобретает особое практическое звучание в современных условиях, когда принцип гуманизма признается одним их ведущих в системе общечеловеческих ценностей.

Практически все естественные и неотчуждаемые права и свободы человека имеют гуманистическое содержание, поскольку адресованы личности – высшей социальной ценности. Право на жизнь, здоровье, свободу выбора рода деятельности и места жительства и многие другие права и свободы человека являются подтверждением гуманистического подхода к его многогранной жизнедеятельности. В этой же сфере проявляет свой ценностный потенциал и право, трансформируя свои гуманитарные и иные позитивные особенности в действующую систему права. Другое дело, в какой степени эти ценности воспринимаются государством и обществом.

История человечества свидетельствует, что человек как биосоциальное существо подчинен не только законам природы, но и в значительной степени находится в плену законов социальных, правовых, содержание которых зависит от воли, прихоти, устремлений и целей действующей государственной власти. Человек как часть социума должен (вынужден) подчиняться его требованиям, поэтому социальная судьба человека не в последнюю очередь зависит от качества и функциональной направленности системы права, соответствующего государственно-правового режима. С этим связано и проникновение, или торможение тех ценностей, которые присущи праву как общественному явлению, обусловленному идеями правового идеала.

Не вызывает сомнения, что внедрение в общественную и частную жизнь таких исключительно ценностных категорий как свобода, равенство, гуманизм, справедливость, достоинство жизни, отражаемых правом, может состояться только при условии самого активного участия в этом многогранном процессе значительной части членов развивающегося гражданского общества.

Личность призвана обретать способность активно влиять на то ценностное правовое пространство, которое гарантирует соответствующие возможности достижения тех жизненных целей, которые представляют сущностный интерес для конкретного индивида.

Именно в естественных и неотчуждаемых правах и свободах человека сосредоточен тот ценностный костяк, который призван стимулировать заинтересованную личность совершать политические, социальные, духовно-культурные, правовые и иные акции ради достижения своих жизненных интересов в ракурсе реализации соответствующих прав и свобод.

Реализация прав и свобод, основанная исключительно на ценностях права, сочетается с решением многих сугубо конкретных жизненных проблем, связанных с функционированием здравоохранения, образования, науки, культуры, форм собственности, предпринимательства.

Важно, чтобы ценности права проникали и в такие специфические сферы как государственное управление, правосудие, местное самоуправление и др. В конечном счете, любые области общественной и государственной жизни в той или иной мере затрагивают жизненные интересы человека, сказываются на его положении в системе многообразных общественных отношений. Поэтому общество и его члены заинтересованы в том, чтобы ценностный потенциал права в той или иной форме проникал в соответствующие процессы разрешения определенных жизненных обстоятельств.

Разумеется, ценности права не следует понимать только как мощное средство поощрения гарантированного предоставления членам общества многообразных материальных и духовных благ без возложения на них соответствующих обязанностей и форм ответственности.

В нормальном гражданском обществе и правовом государстве это недопустимо, поскольку это приведет к деформации многих общественных отношений. Кроме того, практикой давно подтверждено, что каждому праву должна корреспондировать обязанность, а за каждым правонарушением следует адекватная юридическая ответственность. Ценности права не входят в противодействие с этими сложившимися юридическими постулатами. Важно, чтобы это осуществлялось на легитимной, справедливой и гуманной основе.

Относительно соотношения ценностей права и действующей системы права важно подчеркнуть ту роль, которую должна играть Конституция страны. Будучи исключительно демократическим по своей сущности общеобязательным нормативным документом, Конституция призвана являть собой образец восприятия, подтверждения и распространения правовых ценностей и тем самым стать средством трансформации этих ценностей в соответствующие законы и подзаконные акты, которые непосредственно затрагивают интересы, потребности, права и свободы большинства членов гражданского общества.

Поскольку Конституция исходит из высшей ценности личности, ее прав и свобод, то она призвана быть фундаментом всех тех ценностных преобразований в ведущих сферах правовой действительности, в которых может быть заинтересована значительная часть членов гражданского общества. Будучи носителем многих ценностей права, Конституция призвана инициировать их внедрение в те области жизнедеятельности личности, которые обеспечивают ей достаточно высокий уровень достойного существования.

Однако необходимо констатировать, что каким бы ценностным ни был текст Основного закона страны, это не является гарантией того, что эти ценности найдут воплощение в соответствующих законах и иных нормативно-правовых актах. А ведь содержащиеся в указанных нормативно-правовых актах юридические нормы как раз и являются ведущими регуляторами тех общественных отношений, благодаря упорядочиванию которых заинтересованная личность и достигает своих насущных интересов и потребностей.

Таким образом, на практике может иметь место противоречие между ценностными декларациями Конституции и сугубо позитивным содержанием действующего законодательства, заведомо отдаленного от насущных притязаний и устремлений значительной части членов общества. Конституционное закрепление и провозглашение правовых ценностей даже на самой широкой основе вовсе не означает их полное воплощение в соответствующих жизненных обстоятельствах. В условиях реальной правовой действительности обнаруживается, что реальной ценностью является вовсе не личность, а само государство, его властные структуры, определяющие содержание и регулятивное направление системы действующего законодательства.

Трансформация ценностей права в жизнедеятельность людей обусловлена зрелостью демократических институтов, степенью развития гражданского общества, функциональной направленностью правотворческих органов, правовой активностью самих членов общества, уровнем их правосознания и правовой культуры и другими факторами. Правовые ценности достигают практических целей только тогда, когда обращены к насущным интересам и потребностям реально свободной личности. Практически человек может ощущать себя в мире правовых преимуществ и выгод только в случае интеграции конституционных ценностных деклараций и компонентов системы права, представленных правовыми законами.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб: Лань, 1999. 256 с.

УДК 340.1

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ЕДИНАЯ ФАКТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

© 2020 г. Е.Ю. Цуканова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str., Belgorod, 308015

В статье на основе анализа особенностей развития процессуальных правоотношений представлена авторская позиция относительно совокупности юридических фактов и фактических составов как единой фактической системы. Выявлены фактические обстоятельства, которые критическим образом влияют на развитие процессуальных отношений.

***Ключевые слова**: юридический факт, фактический состав, фактические системы, система процессуальных правоотношений, ключевые факты.*

In the article, based on the analysis of the peculiarities of the development of procedural legal relations, the author presents a perspective regarding the totality of legal facts and factual structures as a single factual system. The factual circumstances that critically influence the development of procedural relations are revealed.

***Keywords:** legal fact, factual composition, factual systems, system of procedural legal relations, key facts.*

Фактические системы, являющиеся основой для формирования отдельных структурных элементов системы права, могут выстраиваться с учетом системных связей различного характера. В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что нормы, образующие правовые отрасли, подотрасли и институты, расположены отнюдь не хаотично, а выстроены в определенной иерархии. Они имеют определенный порядок, который характеризуется как вертикальными, так и горизонтальными связями. В этом плане можно говорить о наличии между ними структурной согласованности, которая в большинстве случаев предопределена аналогичного рода отношениями между юридическими фактами.

Наличие системности в больших объединениях юридических фактов наиболее ярко проявляется в процессуальной сфере. Особенности юридических фактов в сфере процессуального права были предметом правовых исследований, однако в сравнении с количеством научных работ, посвященных юридическим фактам материального права, их объем сравнительно небольшой [1; 2; 3]. Исследования проводились как в сфере гражданского (арбитражного), так и уголовного процессов [4; 5].

Одной из наиболее значимых характерных черт юридических фактов в сфере процессуального права является их системность. Это обстоятельство было подмечено еще в XIX в. и дало основание немецкому процессуалисту О. Бюлову высказать мысль о том, что процессуальные отношения в своей совокупности образуют единое сложное правоотношение. Его сложность объясняется наличием множества субъектов с различными интересами и функциями, возможностью разделения на отдельные элементарные правоотношения между конкретными участниками, а также стадийностью развития [6, с. 682-683]. Подобный подход к трактовке процессуального отношения имел широкую поддержку как в дореволюционной, советской, так и в современной процессуальной науке. Идея признания единого сложного правоотношения, выступающего в качестве правовой формы процессуальных отношений, отстаивалась в работах М.А. Гурвича [7, с. 9], П.Ф. Елисейкина [8, с. 64], Г.Л. Осокиной [9, с. 64] и других ученых.

Процессуальные юридические факты в этом плане следует рассматривать не как отдельные обстоятельства, а как элементы единого фактического комплекса. Именно это придает системность процессуальным отношениям, а также стадийность их развитию. В научной литературе такую фактическую общность процессуальных юридических фактов (в том числе и их объединений в виде фактических составов) зачастую именуют «процессуальной фактической системой» [10, с. 190; 11, с. 35-38]. Для данной системы характерны признаки, которые присущи большой фактической системе. В первую очередь, она служит объединению юридических фактов внутри одной правовой отрасли.

Системность как одна из наиболее существенных особенностей процессуальных фактов обусловлена спецификой процессуальных отношений. В их числе можно выделить такие, которые обусловливают системный характер взаимосвязи процессуальных юридических фактов и в доктрине процессуального права воспринимаются практически как неоспоримая истина.

Во-первых, особенности элементного содержания фактических составов в процессуальном праве обусловлены спецификой субъектного состава. Суд в данных процессуальных правоотношениях выступает в качестве властного и обязательного субъекта. Процессуальные отношения – это, прежде всего, властеоотношения, и носителем властных полномочий в них является суд.

Специфика субъектного состава, связанная с обязательным участием суда, реализующего властные полномочия, говорит о том, что в большинстве случаев фактические составы, являющиеся основанием для возникновения процессуальных последствий, включают в качестве завершающего элемента властный акт суда. По классификации, предложенной В.Б. Исаковым, это составы с элементом - волеизъявлением. Причем волеизъявлением ограниченным, поскольку суд связан в своих решениях предписаниями процессуального закона о необходимости совершения процессуального действия. При свободном волеизъявлении субъект волен как совершить определенное действие, так и воздержаться от него (например, выражение воли гражданина на принятие наследства) [12, с. 39-40].

Во-вторых, одна из существенных особенностей процессуальных отношений состоит в том, что они могут существовать только в правовой форме. Этим они качественно отличаются от гражданских или семейных отношений, которые присутствуют в объективной действительности вне зависимости от их урегулированности в правовых нормах. Последние всего лишь задают объективно существующим отношениям вектор, с тем чтобы они развивались в необходимом для правопорядка направлении. Более того, данного рода отношения могут существовать и без правового регулирования.

Процессуальные отношения существуют только потому, что их порядок заранее предопределен правовыми нормами. Соответствующие нормативные акты задают определенный алгоритм поведения в рамках юрисдикционного процесса. Порядок совершения процессуальных действий предварительно «запрограммирован» процессуальными нормами и вследствие этого представляет собой предопределенную и целенаправленную процессуальную деятельность, которая именуется гражданской (арбитражной) процессуальной формой [13, с. 25-26]. Из этого вытекает следующая особенность, значимая в аспекте рассматриваемого вопроса.

В-третьих, процессуальным правоотношениям, в отличие от материальных, свойственно динамическое стадийное развитие. Процессуальные отношения не только поступательны, но и зависимы друг от друга, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе [14, с. 46; 15, с. 10]. Без принятия искового заявления и, соответственно, возбуждения производства по делу невозможны никакие иные действия. Без проведения подготовительных мероприятий, которые с точки зрения закона обязательны, проведение эффективного судебного разбирательства крайне затруднительно. Таким образом, последовательность, в свою очередь, обусловливает стадийность, которая означает, что судебный процесс проходит определенные этапы, заранее предопределенные соответствующими процессуальными нормами.

Стадия процесса представляет собой определенный этап юрисдикционной деятельности, направленный на достижение определенной цели. В соответствии с этим в гражданском (арбитражном) процессе обычно выделяют следующие стадии: 1) возбуждение дела; 2) подготовка дела к судебному разбирательству; 3) судебное разбирательство; 4) производство в суде второй (апелляционной) инстанции; 5) производство в суде кассационной инстанции; 6) производство в суде надзорной инстанции; 7) исполнительное производство. Деление гражданского процесса на стадии иногда осуществляется в зависимости от последовательности рассмотрения дела в каждой из инстанций. В зависимости от этого выделяются следующие этапы: 1) производство в суде первой инстанции; 2) производство в суде второй (апелляционной) инстанции; 3) производство в суде кассационной инстанции; 4) производство в суде надзорной инстанции; 5) исполнительное производство. Ю.К. Осипов называл данные этапы правоприменительными циклами, каждый из которых включает три стадии: возбуждение производства, подготовка к рассмотрению и рассмотрение дела по существу [16, с. 42-44]. Представление стадий в таком формате для целей нашего исследования более перспективно, поскольку позволяет наиболее наглядно продемонстрировать системный характер процессуальных отношений и, как следствие, наличие системы в развитии их юридико-фактической основы.

Каждый из представленных этапов возникает по инициативе заинтересованного лица. Это может быть подача искового заявления, апелляционной или кассационной жалобы. В силу принципа диспозитивности решение вопроса о необходимости совершения подобного рода действия зависит исключительно от воли лица, участвующего в деле. Здесь речь идет о свободном волеизъявлении. Это действие порождает обязанность суда решить вопрос о необходимости принятия соответствующего заявления (или жалобы) к производству. Совокупность таких действий-волеизъявлений представляет собой фактический состав, на основе которого возникает соответствующее производство. Это именно состав, поскольку данные действия объединены одной целью и прямо предусмотрены законом в качестве основания для возникновения таких правовых последствий.

Особо интересным является то, что развитие процессуальных отношений на этом остановиться не может. Нормативным правовым актом (соответствующим процессуальным кодексом) «заложен ал-

горитм» действий, который обязан совершить суд (провести подготовку, назначить судебное заседание, провести его, разрешить дело по существу). Такие процессуальные отношения могут развиваться только в заданном направлении, потому что они существуют, как ранее было отмечено, только в правовой форме. Соответственно, стороны совершают являющиеся юридическими фактами процессуальные действия в установленном порядке и только тогда, когда это предусмотрено логикой судопроизводства, определенной процессуальным нормативным актом.

Системность юридических фактов процессуального права обусловлена поступательным развитием процессуальных отношений, которые в конечном итоге должны приводить к разрешению дела по существу. В этом отношении можно согласиться с Т.В. Сахновой, что «своеобразие процессуальных юридических фактов проявляется в том, что один юридический факт, порождая конкретное элементарное правоотношение, в то же время взывает к жизни определенную систему правоотношений, объединенных предметом и объектом процессуальной деятельности» [17, с. 205].

Указанная особенность иногда интерпретируется как «потоковость» в развитии процессуальных юридических фактов и фактических составов. Возникновение и развитие юридических фактов, по мнению Е.Г. Лукьяновой, «рассматривается как целостный процесс, наделенный свойствами потока» [10, с. 190]. Такая квалификация системы юридических фактов возможна вследствие того, что «юридический процесс есть неразрывная цепь возникающих, развивающихся и прекращающихся процессуальных действий и соответствующих отношений в их взаимосвязи и взаимообусловленности» [10, с. 192-193].

Системный характер юридических фактов прослеживается и в отраслях материального права, однако в процессуальной сфере взаимосвязь элементов юридико-фактической основы видится наиболее отчетливо. Причем ошибки в формировании отдельных фактических составов и их дефектность может иметь далеко идущие последствия.

К примеру, в сфере гражданского процесса выделяются так называемые предпосылки права на предъявление иска. Под ними понимаются обстоятельства, с которыми закон связывает возможность предъявления искового требования по конкретному делу. В практической плоскости, в частности, в тексте Гражданского процессуального кодекса РФ, они имеют значение перечня оснований к отказу в принятии искового заявления (ст. 134 ГПК РФ). Отсутствие предпосылки рассматривается как основание к отказу в принятии искового заявления. Например, одной из отрицательных предпосылок является отсутствие решения суда, вступившего в законную силу, по тождественному спору. Вследствие этого одним из оснований к отказу в принятии искового заявления рассматривается наличие вступившего в законную силу решения суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ).

В случае же принятия заявления с таким пороком все дальнейшие процессуальные действия, да и процесс в целом, будут являться незаконными. Судебное решение, принятое по результатам такого процесса, также будет незаконным и подлежит отмене. При этом не имеет значения тот факт, насколько законно и обоснованно данное решение с точки зрения материального права и выполнения иных процедурных правил.

Как видно, дефектность одного из фактических обстоятельств на первоначальных этапах процесса порочит все дальнейшие правовые последствия. И это нельзя не учитывать при построении больших юридико-фактических систем, по объему значительно превышающих границы отдельного фактического состава.

Давая характеристику отдельным элементам рассматриваемого фактического комплекса, следует остановиться на таких юридических фактах, которые имеют существенное значение для устойчивости всей процессуальной системы. Речь идет об обстоятельствах, которые в соответствии с процессуальным законом являются безусловным основанием для отмены судебного решения в апелляционном порядке.

Отмена судебного решения может быть следствием нарушений не только норм материального, но и процессуального права. Вместе с тем, далеко не всякое нарушение может повлечь за собой отмену. В соответствии с ч. 3 ст. 330 ГПК РФ нарушение или неправильное применение норм процессуального права только тогда является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, когда это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения. Однако законодатель не стал в полной мере полагаться на усмотрение суда в решении вопроса и в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ предусмотрел факты таких процессуальных нарушений, которые в безусловном порядке (или как отмечено в законе «в любом случае») влекут за собой отмену принятого судебного решения. К числу таких нарушений, к примеру, отнесены: 1) рассмотрение дела судом в незаконном составе; 2) рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания; 3) нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство; 4) принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле и некоторые другие нарушения.

С учетом того, что такие обстоятельства критическим образом влияют на законность принимаемого судебного постановления, полагаем, их следует именовать «ключевыми». Подобного рода характеристика фактических обстоятельств позволит привлечь к ним повышенное внимание как со стороны законодателя, так и правоприменительных органов.

Литература

1. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 523 с.
2. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010. 418 с.
3. Кукуев С.Ю. Юридические процессуальные факты в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 24 с.
4. Кутюхин И.В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004 183 с.
5. Леонов С.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.
6. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1913. 691 с.
7. Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. №2. С. 29-36.
8. Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения. Ярославль: Изд-во ЯГУ, 1975. 93 с.
9. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 752 с.
10. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М.: Норма, 2003. 240 с.
11. Соловых С.Ж. Понятие и структура механизма арбитражного процессуального регулирования // Российская юстиция. 2009. №6. С. 35-38.
12. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1980. 128 с.
13. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Н.С. Бочарова, А.Ф. Воронов и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2015. 960 с.
14. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 68 с.
15. Агеева В.В. Процессуальные юридические факты и юридические факты: общее и особенное // Вопросы экономики и права. 2016. №4. С. 7-10.
16. Осипов Ю.К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1976. С. 29-45.
17. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2020 г. М.А. Манукян

Ростовский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»
344000, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26

Rostov Institute (Branch)
of Russian State
University of Justice
26, Soborniy per.,
Rostov-on-Don, 344000

В статье рассматриваются международно-правовые гарантии прав человека. Автор уделяет особое внимание общетеоретическим аспектам данной темы. На основе юридической литературы и нормативных правовых актов предлагается классификация международно-правовых гарантий прав человека. Также в статье имеют место отсылки к истории формирования современной международной системы защиты прав человека.

***Ключевые слова**: права человека, гарантии прав и свобод, международные нормативно-правовые гарантии прав и свобод человека, международные организационно-правовые гарантии прав и свобод человека.*

The article deals with international legal guarantees of human rights. The author pays special attention to the general theoretical aspects of this topic. On the basis of juridical literature and normative legal acts, a classification of international legal guarantees of human rights is proposed. Also in the article there are references to the history of the formation of the modern international system of human rights protection.

***Keywords**: human rights, guarantees of rights and freedoms, international normative legal guarantees of human rights and freedoms, international organizational and legal guarantees of human rights and freedoms.*

Права и свободы человека являются одной из ключевых юридических и общенаучных проблем, которые всесторонне изучаются с философско-гуманистических позиций, в аспекте принципов перестройки правовой системы, а также в рамках реализации экономической и культурной политики. Неисчерпаемость прав и свобод человека является отражением природы их носителя – человека, в связи с чем их следует анализировать целостно, комплексно, как категорию многогранную и полифункциональную.

Универсальный характер прав и свобод человека определяет то обстоятельство, что они являются предметом исследования всех видов социальных наук, а также ряда собственно правовых дисциплин, каждая из которых изучает определенную сферу жизнедеятельности человека. Совершенствуя систему прав и свобод человека и гражданина, общество связывает воедино решение многих внутренних, международных и глобальных задач.

Юридическая наука в области прав и свобод человека и гражданина имеет весьма сложный характер, что обусловлено, в первую очередь, современным периодом развития общества. Он характеризуется качественно новым фактором, а именно – процессом глобализации, под которым подразумевается всеобъемлющий процесс, объединяющий национальные образования. Глобализация предполагает сближение национальных правовых систем и создание единых юридических стандартов – прежде всего, в области защиты прав человека. В условиях глобального мира права, свободы и обязанности человека и гражданина обладают первостепенной значимостью по сравнению с другими правовыми явлениями.

Непременным условием существования прав человека является наличие соответствующих обязанностей у физических и юридических лиц, государства и т.д. – прежде всего, обязанности по соблюдению вышеупомянутых прав. При этом у государства, которое признает права человека, также возникает обязанность по их обеспечению и реализации.

Вместе с тем, государство, будучи субъектом международного права и участником международного сотрудничества в области прав человека, принимает на себя определенные международно-правовые обязательства и определяет меры по их обеспечению (как правило, по договоренности с другими государствами). Речь идет о своего рода юридических инструментах, при помощи которых мировое сообщество может влиять на выполнение государствами их фундаментального обязатель-

ства, а именно – гарантии каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, основополагающие права и свободы.

Поскольку от соблюдения государством указанных обязанностей напрямую зависит осуществимость прав человека, то правовые меры также выполняют функцию международно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, они одновременно являются гарантиями выполнения государством своих обязательств и гарантиями непосредственно самих прав человека. Последний вид гарантий можно определить как «предусмотренные нормами международного права юридические средства обеспечения прав человека» [1, с. 17].

Впрочем, международно-правовые нормы также важны: они закрепляют международные стандарты прав человека, обязанности государств по их соблюдению, предусматривают средства их обеспечения и т.д. Такие нормы содержатся прежде всего в международных договорах по правам человека. Международные нормативно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина представляют собой универсальные международные нормы права, закрепленные в международных декларациях, конвенциях, пактах и иных юридических документах с целью установления стандартов в сфере прав и свобод человека и гражданина, обязательные для выполнения всеми государствами [2, с. 23].

Основы развития межгосударственного сотрудничества в области прав человека заложил Устав Организации Объединенных Наций. Как известно, ООН возникла в ответ на агрессию и преступления против человечества, совершенные фашизмом в годы Второй мировой войны. В 1946 г. была создана Комиссия ООН по правам человека, при активной работе которой были созданы и приняты многие важнейшие международные соглашения – в частности:

- Всеобщая декларация прав человека (1948);
- Европейская конвенция по правам человека (1950);
- Международный пакт о гражданских и политических правах (1966);
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и др.

Виды международно-правовых гарантий можно классифицировать по нескольким критериям. По форме выражения гарантий выделяются:

1) международно-правовые акты по правам человека – то есть способы внешнего выражения волеизъявления государств и международных организаций. По юридической природе они могут быть:

- нормативными (например, международные договоры в области прав человека);
- юридически интерпретируемыми (например, консультативные заключения международных судов);
- правоприменительными (например, решения международных судов по правам человека);

2) международно-правовые процедуры, в рамках которых осуществляется деятельность определенных международных институтов в области прав человека. Собственно, процедура представляет собой юридически регламентированную последовательность действий уполномоченных субъектов, а также объем, содержание, способы, сроки их совершения. К ним, в частности, относятся разнообразные процедуры мониторинга за выполнением государствами их обязательств и обязанностей по правам человека (в том числе, мониторинговые процедуры Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания), а также международные судебные процедуры (в частности, процедура рассмотрения дел в Европейском суде по правам человека).

За непосредственными целями гарантий можно выделить:

- международно-правовые средства охраны прав человека, которыми являются все юридические средства, способные выполнять превентивную функцию и направлены на предотвращение возможных нарушений прав человека со стороны государств. Примером может служить деятельность Совета ООН по правам человека по периодическому мониторингу выполнения государствами их обязательств, а также выполнение Советом своей обязанности «содействовать путем диалога и сотрудничества предотвращению нарушений прав человека и быстро реагировать на чрезвычайные ситуации в области прав человека» [3].

Своеобразными правоохранительными средствами являются санкции международных организаций в отношении государств в случае серьезных нарушений прав человека. Так, на основании ст. 8 Устава Совета Европы возможно приостановление или прекращение членства государства-нарушителя в Совете Европы;

- международно-правовые средства защиты прав человека. Речь идет о средствах, с помощью которых прекращаются нарушения прав человека, устраняются препятствия для их осуществления, восстанавливаются нарушенные права. Так, на основании решения Европейского суда по правам человека государство-нарушитель должно совершить ряд действий: выплатить потерпевшей стороне сумму материального ущерба и морального вреда, принять индивидуальные меры, направленные на восстановление нарушенного права, а также меры общего характера, направленные на устранение препятствий для их реализации и т.п.

Систему международных организационно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина составляют международные и региональные органы, в компетенцию которых входит защита прав и свобод человека и гражданина путем применения международных нормативно-правовых гарантий. Целью международных организационно-правовых гарантий является повышение эффективности использования национальных и международных гарантий прав человека.

Литература

1. Саидов А.Х. Общепризнанные права человека. М.: МЗ ПРЕСС, 2002.
2. Гомиен Д. Основные права человека в Европейской Конвенции и практике Европейского суда. Донецк, 1995.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/251. // URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/502/68/PDF/N0550268.pdf (дата обращения: 18.09.2020)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340.5 : 342.4

МОДЕЛИ ЛОББИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2020 г. С.Д. Андреев

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В статье проведен анализ нормативно-правового регулирования лоббистской деятельности в зарубежных странах, рассмотрено понятие «политический плюрализм» и его взаимосвязь с понятием «лоббизм». Цель статьи состоит в раскрытии основных моделей нормативно-правового регулирования лоббистской деятельности на примере США, Германии, Франции и Бразилии, выявлении их положительных и отрицательных сторон. Аргументирована авторская позиция относительно деятельности по лоббированию интересов различных социальных групп в качестве составляющей политического плюрализма, позволяющего находить компромисс в обществе. В статье показано, что оптимальными для Российской Федерации являются модели правового регулирования лоббистской деятельности ФРГ и Франции, которые устанавливают возможность доносить мнение граждан до органов государственной власти при помощи некоммерческих организаций и оппозиционных партий, а также через консалтинговые услуги.

Ключевые слова*: лоббизм, лоббистская деятельность, политический плюрализм, конституция, правовое регулирование.*

The article analyzes the legal regulation of lobbying activities in foreign countries, examines the concept of "political pluralism" and its relationship with the concept of "lobbying". The purpose of the article is to reveal the main models of legal regulation of lobbying activities on the example of the United States, Germany, France and Brazil, to identify their positive and negative sides. The author's position on lobbying the interests of various social groups as a component of political pluralism, which allows finding a compromise in society, is substantiated. The article shows that the optimal models for the Russian Federation are the models of legal regulation of lobbying activities in Germany and France, which establish the ability to convey the opinion of citizens to public authorities with the help of non-profit organizations and opposition parties, as well as through consulting services.

Keywords*: lobbying, lobbying activity, political pluralism, the Constitution, legal regulation.*

Еще недавно в научных кругах широко обсуждался вопрос о принятии в Российской Федерации специального закона, регулирующего процесс продвижения интересов общественных групп на законодательном уровне. Были предприняты попытки разработать соответствующие законопроекты. Так, в 1996 г. законопроект «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» был рассмотрен Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ и отклонен ею. В 1997 г. в эту же палату парламента был внесен проект закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [1], который в 2004 г. был снят с рассмотрения. В 2003 г. Б.Б. Надеждиным, И.М. Хакамадой и Б.Е. Немцовым также был предложен соответствующий законопроект [2]. Однако ни одна из попыток урегулировать данный

вопрос не увенчалась успехом. Следует согласиться с П.Я. Фельдманом, что отсутствие в нашей стране специализированного закона о лоббизме свидетельствует о том, что представители политической элиты и эксперты не уверены в целесообразности его принятия [3, с. 120]. На наш взгляд, указанные проекты законов не были детально проработаны, а предполагали установление общих принципов лоббистской деятельности. Кроме того, российское общество не готово к новой форме взаимодействия институтов гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти и отождествляет лоббистскую деятельность с коррупционной [4].

Модели правового регулирования лоббирования интересов различных социальных групп общества уже сформированы многими зарубежными странами и зависят от их исторического развития, менталитета народа, политического режима. Рассмотрение положительных и отрицательных моментов каждой из этих моделей позволит наметить контуры российской.

Прежде всего, необходимо отметить, что лоббистская деятельность тесно связана с понятием политического плюрализма. Сам термин «политический плюрализм» в Конституции Российской Федерации не содержится, но анализ принципов конституционного строя России дает основания утверждать, что содержательно через совокупность смежных понятий он представлен в основном законе в качестве одной из характеристик российского государства. Так, Конституция России закрепляет принцип политического многообразия (ст. 13), который позволяет гражданам свободно объединяться для достижения общих целей. Основное условие их создания – это соблюдение Конституции России и закона [5, с. 51]. В качестве основы своей деятельности они имеют собственные интересы в сфере политики, служащие формированию соответствующих политико-правовых систем, экономик, отношений в обществе и межгосударственных связей [6, с. 90]. Политический интерес, в свою очередь, трактуется как «осознанная потребность субъектов политических отношений по достижению разнокачественных целей в политических процессах и действиях, конечной целью которых является завладение политической властью или получение возможности оказывать на неё влияние» [7, с. 9]. Различия политических интересов среди социальных групп обеспечивает принцип политического многообразия. Им свойственно меняться в зависимости от социально-политической реальности, развития культуры и других факторов.

Однако политический плюрализм подразумевает не только наличие разнообразных социальных групп, имеющих политический интерес, но и возможность согласования данных интересов, нахождение политического компромисса, поскольку «плюрализм – это не только множественность, но и совместимость интересов, без чего блокируется любой механизм осуществления власти в обществе политическими средствами» [8, с. 14]. Для этого необходимо, чтобы в обществе сложилась определенная система ценностей, которая бы разделялась всеми политическими группами. Справедливым следует считать, что такие ценности содержатся в конституциях государств, установивших демократический политический режим. При этом лоббистскую деятельность следует рассматривать как возможность доносить интересы различных социальных групп до органов государственной власти и местного самоуправления, влиять на принятие ими решений в определенной сфере жизни общества, согласовывать данные интересы с интересами других групп и народа в целом, то есть находить компромисс. Однако способы лоббирования в различных странах имеют свои особенности, от которых зависит внутренняя и внешняя политика государства.

США считается страной классического лоббизма. Впервые закон о федеральном регулировании лоббирования был принят в США еще в 1946 г. Но в связи с тем, что он получил много критических замечаний, в 1995 г. был разработан новый Закон, чему предшествовали многочисленные дебаты. Согласно данного акта лоббист – это лицо, нанятое клиентом за денежное или иное вознаграждение для оказания услуг по установлению более одного лоббистского контакта. Эта деятельность осуществляется на основе гражданско-правового и трудового договора, где заказчик – это любое физическое лицо, а лоббист – зарегистрированное физическое или юридическое лицо. Лоббистские контакты совершаются с лицами, способными влиять на принятие решений органами законодательной или исполнительной власти. Законом к ним отнесены: Президент США и вице-президент США; должностные лица и служащие аппарата Президента США; служащие, участвующие в формировании политики, список которых законодательно определен; члены Конгресса США; выборные должностные лица палат Конгресса США; чиновники, работающие на конгрессмена или в комитетах палат Конгресса США, включая объединенные комитеты палат, в партийных фракциях, рабочих группах, оказывающие юридическую или иную помощь конгрессменам, другие законодательно определенные чиновники. Целью таких контактов являются: принятие или изменение федерального законодательства (включая законодательные предложения), федеральных актов исполнительных органов, программ, политики, позиции Правительства США; исполнение федеральной программы и политики, включая переговоры, премии, или исполнение федерального контракта, гранта; назначение или выдвижение лица на должность, утверждаемую Сенатом США [9, с. 104-106].

Этот Закон позволяет гражданам продвигать групповые интересы как в период выборов, участвуя в подготовке платформ партий, так и в последующем в парламенте США. Существование в Конгрессе значительного количества группировок – кокусов, в задачи которых входит решение конкретных задач и продвижение групповых интересов, создает скрытую и количественно неопределенную многопартийную систему [10, с. 56].

По справедливому мнению С.В. Степаненкова, такая модель взаимодействия государства и гражданского общества позволяет органам законодательной и исполнительной власти более взвешенно подходить к принятию общественно-значимых решений и видеть их последствия. Это приводит к продуманному подходу соблюдения баланса различных интересов [11, с. 60].

Однако деятельность лоббистов может приводить как к положительным результатам (законный способ влияния на принимаемые политические решения), так и отрицательным. Заинтересованные группы неоднородны по своему социальному, материальному статусу, поэтому и их возможности влияния отличаются. Примером тому может служить законодательная инициатива администрации Б. Клинтона по введению всеобщего государственного медицинского страхования. Для страны эта проблема наиболее актуальна, поскольку в ней действует частное медицинское страхование, а более 40 млн малообеспеченных граждан не могут ее себе позволить. Реформа здравоохранения позволила бы обеспечить всех американцев, независимо от материального положения, медицинской помощью. Предполагалось, что большинство расходов в этом направлении будут нести бизнес и государство. Однако лоббистские организации бизнеса, страховых компаний и медицины убедили общественность и Конгресс, что «социализированная медицина» разрушит здоровье американцев. Эту пропаганду вели почти 100 лоббистских фирм, нанятых торгово-промышленным комплексом. Ими было потрачено 100 млн долларов на то, чтобы реформа не была проведена в жизнь [12, с. 78-79]. Последствия таких решений выявились в период пандемии 2020 г., вызванной вирусом COVID – 19. Среди стран мира США лидирует по количеству зараженных и погибших. Это не в последнюю очередь связано с уровнем и моделью здравоохранения в государстве.

Следовательно, наибольшее влияние на принимаемые государственные решения и защиту своих интересов в США имеют обеспеченные слои населения, которые продвигают их, не учитывая интересы других слоев населения, зачастую в ущерб им. Они контролируют внутреннюю и внешнюю политику США, поскольку лоббирование интересов требует финансовых затрат. В то же время внешне лоббистская деятельность в США носит демократический характер и позволяет каждому гражданину продвигать свои интересы на государственный уровень.

В Германии согласование политических интересов на уровне парламента в большинстве случаев проходит с использованием лоббистской деятельности. Но она разительно отличается от таковой в США. Традиционно она представляет собой давление на депутатов Бундестага с целью принятия решения в пользу группы, объединенной общими интересами. Лоббизм в Германии осуществляют союзы, объединенные общими интересами, то есть общественные объединения, профсоюзы. К ним относят: союзы работодателей, союзы и ассоциации промышленников, союз пострадавших в результате военных действий, союзы инвалидов, научные союзы и объединения искусствоведов, церковные союзы и другие [13, с. 18]. Кроме них лоббистской деятельностью занимаются политические партии меньшинства, не прошедшие в парламент на выборах. Несмотря на то, что в Германии не существует специального закона о лоббистской деятельности, данные субъекты имеют возможность принимать участие в обсуждении законопроектов в Бундестаге, контактировать с депутатами и продвигать свои интересы. Исследователи даже считают их пятой ветвью власти в Германии [14, с. 49]. На наш взгляд, такой механизм согласования интересов является наиболее оптимальным, позволяющим всем группам, даже малочисленным, доносить напрямую до представителей государственной власти свои взгляды на устройство государства и общества. В свою очередь, в Германии приняты законы, направленные на предотвращение коррупции в данной сфере. Например, депутатам запрещено получать подарки от представителей лоббистских групп. Сами лобби, в отличие от США, не имеют материальной заинтересованности в продвижении чьих-либо интересов. Пожертвования политическим партиям ограничены суммой в 1000 евро. Рассмотренный механизм обеспечивает политическую стабильность германскому обществу.

Во Франции отсутствует специальный закон, регулирующий деятельность лоббистов. Однако некоторую роль в продвижении интересов профессиональных групп играет Социально-экономический совет, созданный на основе Конституции Франции 1958 г. (раздел XI) [15, с. 44-60]. В его полномочия входит дача заключений правительству на проекты законов, ордонансов, декретов. Он может назначать представителей для выступлений в палатах Парламента по представленным ему проектам или предложениям. В Совет также могут подаваться петиции, по которым после рассмотрения готовится сообщение Правительству и Парламенту о мерах, которые предлагается по ним принять. Таким образом, Совет является посредником между органами государственной власти и институтами гражданско-

го общества, способный продвигать интересы различных социальных (профессиональных) групп граждан в экономической и социальной сферах.

С 1991 г. во Франции действуют советы по лоббингу, и создана специальная Ассоциация. Основное их назначение – способствовать продвижению идей лоббирования интересов и законодательное урегулирование данной деятельности. Некоторые авторы видят в качестве одного из видов лоббирования во Франции услуги консалтинговых компаний, которые консультируют и дают рекомендации заинтересованным сторонам по взаимодействию с органами государственной власти с целью продвижения своих интересов на законодательном уровне [16, с. 110].

В настоящее время лоббистская деятельность во Франции остается не развитой, но рассматривается как одно из средств, призванных усилить борьбу с коррупционными проявлениями. В 2016 г. парламентом Французской Республики был принят Закон «О прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономики», которым предусмотрено создание публичного реестра лоббистов [17].

Интересным в этом плане является опыт Бразилии, в которой долгое время отвергалась возможность лоббирования интересов, поскольку ассоциировалась с коррупционной деятельностью. В стране отсутствует специальный закон по данному вопросу. Однако в 2018 г. Министерство труда Бразилия включило изучаемую деятельность в список профессий и определило ее как «участие в принятии политических решений, выработке стратегий взаимодействия с правительством, анализ регулятивных рисков, защиты специальных интересов» [18, с. 14].

Таким образом, государства напрямую или косвенно устанавливают формы лоббирования интересов социальных групп общества. Это неслучайно, поскольку коррупция захватывает все большие стороны жизни народа, не позволяя ему находить общие и приемлемые для большинства граждан решения. Следует согласиться с В.Н. Ляпоровым, что лоббизм не имеет ничего общего с коррупцией, поскольку оплата услуг профессиональных лоббистов не связана с коррумпированием чиновников. А в странах, где лобби действует на легальной основе, коррупция ниже, поскольку там формируется профессиональная GR-индустрия (Government Relations), которая становится «связующим звеном» между интересами бизнеса и государства [19, с. 126].

Возвращаясь к России, отметим, что не любая модель правового регулирования лоббистской деятельности для нее приемлема. Некоторые из них способны отрицательно сказаться на государственном управлении, реализации институтов прямой и представительной демократии. Так, модель лоббизма США не может быть воспринята российским законодательством, поскольку связана со значительными финансовыми вложениями заинтересованных групп. Она будет способствовать продвижению интересов наиболее обеспеченных слоев населения, без учета интересов большинства граждан, уровень жизни которых не позволит оплачивать деятельность лоббистов. Опыт Бразилии также неприемлем для Российской Федерации, поскольку законодательно не устанавливает правила поведения заинтересованных представителей, лоббистов, представителей органов государственной власти, пределы такой деятельности и ответственность за принимаемые решения.

В качестве перспективной модели лоббистской деятельности представляется опыт ФРГ, позволяющий продвигать интересы различных социальных групп некоммерческими организациями и оппозиционными политическими партиями, поскольку они не связаны материальными интересами, доступны каждому члену общества. Также положительным моментом можно считать работу консалтинговых компаний Франции по консультированию клиентов в сфере продвижения их интересов на государственном уровне.

Литература

1. Проект Федерального закона № 97801795-2 «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» // СПС «Консультант Плюс». Версия от 05.04.2020.
2. Проект федерального закона № 396138-3 «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» // СПС «Гарант». Версия от 05.04.2020.
3. Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. 2014. № 2.
4. Левичев Н.В. Доклад на VII съезде партии «Справедливая Россия» // URL: http://www.spravedlivo.ru/5_52248.html (дата обращения: 05.04.2020).
5. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд. изм. и доп. М.: Статут, 2017.
6. Старостенко К.В. Политические интересы в контексте политического многообразия Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 6.
7. Старостенко К.В. Политическое многообразие в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. … докт. полит. наук. М., 2009.
8. Демидов А.И. Политика: понятие и природа // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Матузова и д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. М., 2003.
9. Богдановская И.Ю. Лоббизм и право: опыт США // Современное право. 2007. № 2.

10. Зяблюк Н.Г. Лоббизм в США как политический институт // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1.
11. Степаненков С.В. Сравнительный анализ института политического и функционального представительства в США и России в условиях информационной революции // Власть. 2013. № 7.
12. Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. № 4.
13. Richter Carolin. Lobbyismus und Abgeordnetenbestechung. Aachen, Shaker, 1997.
14. Вырва П.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании лоббистской деятельности в Германии // Мониторинг Правоприменения. 2017. № 2.
15. Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост. В.В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2003.
16. Бодуан Жан Пьер. Управление имиджем компании: Паблик рилейшнз: предмет и мастерство / Пер. А. В. Полунина. М.: Имидж-контакт: ИНФРА-М, 2001.
17. Закон Франции № 2016-1691 от 08 ноября 2016 г. «О прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономики» // URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/09/ru-ru-sapin-ii-general-aspects.pdf.
18. Gozetto A. Lobby e políticas públicas. Rio de Janeiro: Editora Fundação Getulio Vargas (FGV Press). 2018.
19. Ляпоров В.Н. Глобальный опыт и перспективы легализации лоббизма в России // Власть. 2019. № 6.

УДК 341.234

ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

© 2020 г. О.А. Бражников

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 119571 Москва, проспект Вернадского, 82

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service 82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571

В статье проанализировано российское и зарубежное законодательство, закрепляющее статус и гарантии прав этнических меньшинств. Выявлены юридические признаки, отличающие этнические меньшинства от иных коллективных субъектов конституционного права. Сделан вывод о том, что основным признаком, позволяющим отличить этнические меньшинства от иных коллективных субъектов конституционного права, является общность национальной культуры (обычаев, традиций, языка, духовных и материальных ценностей, образа жизни, социальных норм) его участников.

Ключевые слова: *этнические меньшинства, национальная культура, родной язык, субъекты конституционного права.*

The article analyzes Russian and foreign legislation that enshrines the status and guarantees of the rights of ethnic minorities. The legal features that distinguish this ethnic minority from other collective subjects of constitutional law are revealed. It is concluded that the main feature that allows distinguishing ethnic minorities from other collective subjects of constitutional law is the commonality of national culture (customs, traditions, language, spiritual and material values, lifestyle, social norms) of its participants.

Keywords: *ethnic minorities, national culture, native language, subjects of constitutional law.*

В российской и зарубежной науке конституционного права, так же как и в международном праве и конституционном праве отдельных европейских государств, отсутствует единообразное понимание этнического меньшинства как субъекта конституционного права. При этом негативное отношение ученых и международных организаций распространяется даже на сам термин «меньшинство», в частности, указывается на его генетическую связь с документами Лиги наций и моральное устаревание. В зарубежной доктрине конституционного права при определении соответствующих социальных групп предложено использовать термины «общины», «общности», «народы» [1, 2]. Однако такой подход не получил повсеместной поддержки. Например, термин «национальные меньшинства» используется в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств [3], а также в законодательстве ряда государств-членов Совета Европы. Так, данный термин вынесен в название законов Молдовы [4], Польши

[5], Хорватии [6], Чехии [7]. Итальянский законодатель также использует термин «меньшинства», но использует его в сочетании с термином «исторические языковые» при закреплении правовых гарантий сохранения языка и культурной самобытности соответствующих социальных групп [8]. В законодательстве Австрии термин «национальное меньшинство» используется как синоним понятия «этническая группа»: закон, закрепляющий правовое положение этой социальной общности, кратко именуется «Сводный федеральный закон о правовом положении национальных меньшинств» и имеет полное название «Федеральный закон от 7 июля 1976 г. о правовом статусе этнических групп в Австрии» [9]. Термин «этническая группа» применительно к национальным меньшинствам используется несколько реже, например, в законодательстве Венгрии [10] и Латвии [11]. Российский законодатель не использует термины «общности» или «этнические группы», термины «общины» и «народы» также используются в российском законодательстве применительно к конкретным социальным общностям – коренным малочисленным народам и формам их самоорганизации [12; 13; 14]; термин «национальное меньшинство» российский законодатель использует для характеристики правового положения социальной группы, отличающейся национально-культурной самобытностью и не имеющей места традиционного проживания на территории Российской Федерации [15].

Заметим также, что в зарубежной науке конституционного права термины «нация» и «национальный» используются, главным образом, в значениях «государство», «общество», «совокупность всех граждан» [16]. Эта же терминология нашла отражение и в международно-правовых документах, даже в названии универсальной международной организации - Организации Объединенных Наций. Поэтому использование термина «национальный» для характеристики социальной группы, отличающейся от большинства населения государства культурой, образом жизни, языком, религией, представляется не вполне правомерным. Поэтому в дальнейшем для целей нашего исследования мы будем использовать термин «этнические меньшинства». Исследование содержания договоров Совета Европы, иных международно-правовых документов, а также текстов национальных законов показывает, что терминологическое различие не имеет принципиального значения, более важной является специфика юридических признаков социальной группы, права которой защищаются международным договором или национальным законом. В результате проведенного исследования выделены ряд юридических признаков этнических меньшинств, отличающих их от иных коллективных субъектов конституционного права.

Под этническими отличиями социальной группы от основного населения государства предлагаем понимать присущую данному коллективу специфическую национальную культуру – совокупность духовных и материальных ценностей, традиций, моральных норм и установок, стереотипов и образцов межличностного и межгруппового поведения и самовыражения, взаимодействия с природой, особенностей образа жизни, а также языка, присущих определенной социальной общности [17]. Заметим, что зарубежные ученые различают «этнические особенности», с одной стороны, «языковые особенности» – с другой, и «религиозные особенности» – с третьей [18, p. 14; 19].

Однако полагаем, что особенная национальная культура как комплексное социальное явление может служить юридическим признаком, отличающим этническое меньшинство от иного населения государства. Язык как средство выражения мыслей, чувств, волеизъявления, а также общения между людьми является универсальным фактором формирования, сохранения и развития национальной культуры в сравнении с иными знаковыми системами (музыкой, танцами, орнаментами, живописью и др.). Он может быть одним из консолидирующих факторов этнической общности (не столько реальное языковое поведение, сколько «… представление о нем как … [об] элементе этнического самосознания» [20]), но всего многообразия содержания национальной культуры. Поэтому Закон Итальянской Республики от 15 декабря 1999 г., n. 482 «Правила защиты исторических языковых меньшинств», обеспечивающий защиту прав «соответствующих социальных групп посредством закрепления гарантий прав представителей конкретных «нетитульных» этнических общностей только на изучение родных языков не в полной мере обеспечивает реализацию прав на сохранение национальной культуры, и, соответственно, основного права человека на национальное самоопределение.

В структуру национальной культуры кроме языка входят общепринятые в рамках соответствующей этнической группы социальные нормы (нормы морали, религиозные нормы, обычаи и традиции) – правила поведения, определяющие взаимодействие ее представителей друг с другом, с представителями других социальных общностей, – а также своего рода «технические» нормы, определяющие особенности природопользования и ведения народных промыслов как специфической разновидности экономической деятельности, которые определяют специфический образ жизни как в целом всей этнической общности, так и отдельных ее представителей. Этот «национальный» образ жизни складывается в результате длительного исторического развития этнической общности под воздействием комплекса социальных и природных условий. Религиозные нормы и установки в данном случае могут и не оказать определяющего влияния на национальную культуру, а напротив, трансформироваться под воздействием традиционного («национального») образа жизни. Таким образом, принадлежность

(или, наоборот, непринадлежность) к определенной религии не может служить решающим юридическим признаком, отличающим одну этническую группу от другой. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что только в целом национальная культура как комплексное социальное явление (объединяющая такие социальные явления как национальный язык, материальные и духовные ценности, социальные и «технические» правила поведения, традиционный образ жизни) может служить основным юридическим признаком, отличающим этническое меньшинство от иных коллективных субъектов конституционного права. Основное право человека на самостоятельное определение национальной принадлежности обеспечивает не только возможность пользоваться и развивать национальный язык, пользоваться материальными и духовными ценностями, но и вести традиционный для этнической общности образ жизни [21].

Другим юридическим признаком этнического меньшинства как коллективного субъекта конституционного права, полагаем, является «недоминирующий» характер данной социальной группы. Этот признак этнического меньшинства однозначно выделяют как российские [22], так и зарубежные конституционалисты [23, s. 54.]. Заметим, что наиболее явно этот признак закреплен в российском законодательстве, ст. 1 Федерального закона 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» точно указывает, что к малочисленным народам относятся этносы, насчитывающие менее 50 тыс. человек. Весьма любопытным представляется трактовка понятия «недоминирующая этническая группа» в Законе Латвийской Республики 1991 г. «О свободном развитии латышских национальных и этнических групп и праве на культурную автономию», согласно ст.ст. 1 и 4 которого определяют государствообразующую нацию («древнюю латышскую нацию – ливов») как меньшинство, по отношению к которому органы государственной власти несут «ответственность» [24] «за сохранение национальной самобытности и культурной и исторической среды».

Однако следует отметить, что не всегда социальные группы, отнесенные законами европейских стран к этническим меньшинствам, являются малочисленными народами в прямом смысле этого слова. Так, например, в законодательстве Венгрии, Италии, Молдовы и Польши прямо перечислены нации, относящиеся к этническим меньшинствам в этих государствах, из них большая часть образовала национальные государства, но проживает вне их территорий и лишь отдельные (цыгане и русины – в Венгрии, фриулы, ладины и сарды – в Италии, гагаузы – в Молдове) являются малочисленными народами в буквальном смысле слова. При характеристике этнических групп, проживающих на территории государства, образованного иной «государствообразующей» нацией, следует иметь в виду, что такие этнические меньшинства «не являются подлинным воспроизведением «материнского народа», хотя они связаны с ним общими языком и культурой». Их национальная культура развивается относительно обособленно от национальной культуры остальной части народа, образовавшего национальное государство [25, p. 129; 26]. В условиях глобализации [27] на национальную культуру части народа, проживающей вне своего национального государства, не могли не оказать влияние культура, географическое положение, природная среда, экономическая обстановка, а также политика государства, на территории которого она проживает. Поэтому, несмотря на то, что государство титульной нации также может проводить политику поддержки «соотечественников», проживающих за его границами [28], такие этнические группы также отвечают юридическому признаку этнического меньшинства. Более точно, на наш взгляд, характеризует особенности фактического положения этнически-специфических социальных групп термин, используемый в ст. 1 Федерального закона «О национально-культурной автономии», – «общность, находящаяся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории».

Третьим юридическим признаком, позволяющим определить социальную группу как этническое меньшинство, является наличие у ее членов общего в единых процессуальных формах [29] волеизъявления к сохранению и поддержанию собственной национальной идентичности, своих национально-культурных особенностей, реализации таким образом правосудия как принципа [30]. Данный признак по-разному трактуется в российской и зарубежной науке конституционного права. Так, зарубежные конституционалисты в большей степени склоняются к тому, что его достаточным проявлением является «желание сохранить свою культуру, традиции, религию и язык» (что нашло отражение в документах Венецианской комиссии – Комиссии за демократию через закон [31]) или даже «косвенное поддержание чувства солидарности, направленного на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка» [32, p. 9]. Российские ученые более категоричны при определении наличия данного признака: так, профессор С.С. Юрьев говорит о необходимости «самоорганизации на основе группового правосознания» для отнесения этнической общности к национальному меньшинству [33, с. 256]. Это положение воспринято и развито российским законодателем. Так, согласно ст. 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» и ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» для пользования гарантиями прав коренных малочисленных народов физические лица должны быть членами общин коренных малочисленных народов и вести традиционный образ

жизни, а также осуществлять хозяйственную деятельность и промыслы. Однако данное требование российского законодательства не следует рассматривать как «прикрепление» представителей коренных малочисленных народов к родовым или территориально-соседским общинам, член общины может выйти из нее, в этом случае он будет продолжать пользоваться гарантиями прав на сохранение национальной культуры и родного языка, но перестанет пользоваться социальными гарантиями, предоставляемых ему в связи с ведением традиционного образа жизни (например, правом на пенсионное обеспечение в отсутствие взносов в пенсионный фонд).

И, наконец, еще одним обязательным юридическим признаком этнического меньшинства как субъекта конституционного права является длительная историческая связь соответствующего сообщества с государством. В настоящее время законодательство практически всех государств - членов Совета Европы относит к «защищаемым» этническим меньшинствам автохтоные, или «автохтонизированные», этнические группы, т.е. традиционно проживающие на территории соответствующих государств. При этом, законодательно может быть закреплен «ценз» постоянного проживания этнической группы на территории государства – не менее 100 лет (Венгрия, Польша).

Добровольная и вынужденная миграция населения представляет значительную проблему для государств - членов Совета Европы; в качестве способа ее решения «молодые» члены Совета Европы выбрали политику адаптации и интеграции как добровольных, так и вынужденных мигрантов [34, s. 125]. Аналогичной позиции придерживаются и отдельные конституционалисты – представители «старой Европы». Так, британский исследователь Т.Х. Меллой полагает неоправданным отнесение добровольных или вынужденных мигрантов к этническим меньшинствам и, соответственно, распространение на них гарантий прав этнических меньшинств. Он также полагает, что добровольные мигранты не обладают коллективным волеизъявлением сохранить национальную культуру, поскольку они покинули государство их гражданской принадлежности ради осуществления экономических интересов [35, p. 23].

В Российской Федерации законодательство уточняет признак исторической связи этнического меньшинства с государством – для коренных малочисленных народов установлено требование проживания на «территориях традиционного расселения предков». Однако иные этнические группы для получения прав национального меньшинства не обязательно должны соответствовать «цензу оседлости» или даже иметь историческую связь с Российской Федерацией: в соответствии со ст. 1 Федерального закона 1996 г. «О национально-культурной автономии» данной формой национально-культурного самоопределения может воспользоваться любая этническая общность, находящаяся в ситуации этнического меньшинства на территории России.

Отнесение членов этнических групп к гражданству соответствующего государства также призвано обеспечить соответствие всей группы признаку длительной исторической связи этнического меньшинства с государством – местом нахождения как с «созидающим» [36] субъектом. Как правило, в законодательстве государств - членов Совета Европы указывается, что членом этнического меньшинства может быть гражданин государства. Данное требование оправдано для государств, не имевших в своей новейшей истории сложных исторических процессов разделения (Австрия, Венгрия, Молдова, Польша, Хорватия или Чехия). Однако в результате фактического выхода прибалтийских республик из состава СССР в 1989-1991 гг. и денонсации договора об образовании СССР 12 декабря 1991 г. тысячи бывших граждан СССР остались в статусе лиц без гражданства, в том числе и в ситуации этнического меньшинства на территории Литвы, Латвии и Эстонии. В этой связи положение ст. 1 Закона Латвийской Республики от 26 мая 2005 г. «О Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» о том, что «лица, которые не являются гражданами Латвии или другой страны, но постоянно и на законных основаниях проживают в Латвийской Республике, не принадлежат к национальному меньшинству» [37] представляется неоправданным ограничением прав русскоязычного этнического меньшинства. Напротив, российское законодательство, в отличие от законодательства большинства государств - членов Совета Европы, не связывает предоставление физическим лицам гарантий прав этнических меньшинств с гражданством России.

На основании исследования российской и зарубежной конституционно-правовой доктрины, а также европейских стандартов защиты прав национальных меньшинств выявлены следующие юридические признаки этнических меньшинств, отличающие их от иных субъектов конституционного права:

а) этнические отличия социальной группы от основного населения государства (что выражается, в первую очередь, в особенностях национальной культуры и образа жизни, а также в национальном языке и религии) как основополагающая и комплексная характеристика. Основополагающее значение в данной характеристике этнического меньшинства имеют особенности национальной культуры и образа жизни, поскольку именно на них основано право человека на самостоятельное определение национальной принадлежности;

б) «недоминирующий» характер этнической группы в сравнении с государствообразующей нацией;

в) наличие у этнического меньшинства воли к сохранению, поддержанию и развитию собственной идентичности, в том числе национально-культурных, языковых и/ или религиозных особенностей;

г) длительная историческая связь этнического меньшинства с территорией государства. В сложившихся условиях глобализации и распада многонациональных федеративных государств в Европе в конце XX – начале XXI века принадлежность к гражданству конкретного государства не должна рассматриваться как конституционно-правовая характеристика национального меньшинства, поскольку иное влечет непризнание прав национальных меньшинств, а также гражданских прав представителей национальных меньшинств, не являющихся гражданами, в ряде государств - членов Совета Европы (Латвия, Литва, Эстония).

Литература и источники

1. Шахновская И.В. Социальные общности в конституционном праве Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2015. № 13. С. 150-154.

2. Lerner N. Group Rights and Discrimination in International Law. Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. Pp. 28-34.

3. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств" (ETS N 157), заключена в г. Страсбурге 1 февраля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. N 11. Ст. 1256.

4. Закон № 382 от 19-07-2001 (в ред. от 06-01-06) о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций // Monitorul Oficial. 04-09-2001. № 107. Статья № 819.

5. Закон Польской Республики от 6 января 2005 г. о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке / Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym // Официальный Интернет-сайт опубликования нормативных правовых актов Польской Республики «ISAP - Internetowy System Aktów Prawnych» // URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20050170141.

6. Конституционный закон о правах национальных меньшинств, сводный текст от 31 декабря 2001 г., в ред. от 6 июля 2007 г. / Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina, pročišćeni tekst. NN 155/02, 47/10, 80/10, 93/11, 93/11 // Интернет-сайт официального опубликования законодательства Республики Хорватия // URL: https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina.

7. Закон Чешской Республики № 273/2001 Coll. о правах членов национальных меньшинств и о внесении изменений в некоторые законы / Zákon č. 273/2001 Sb. Zákon o právech příslušníků národnostních menšin a o změně některých zákonů. // Интернет-сайт «Sbírka zákonů ČR» // URL: https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2001-273.

8. Закон Итальянской Республики от 15 декабря 1999 г., п. 482 «Правила защиты исторических языковых меньшинств» / Legge 15 Dicembre 1999, n. 482 "Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche" / Интернет-сайт Парламента Итальянской Республики. // URL:https://www.camera.it/parlam/leggi/99482l.htm.

9. Федеральный закон от 7 июля 1976 г. (в ред. от 7 июня 2009 г.) о правовом статусе этнических групп в Австрии / Bundesgesetz vom 7. Juli 1976 über die Rechtsstellung von Volksgruppen in Österreich (Volksgruppengesetz) // Интернет-сайт «Rechtsinformationssystem des Bundes» // URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000602&FassungVom=2011-07-26.

10.Закон Венгерской Республики 2011.CLXXIX о правах национальностей / 2011. évi CLXXIX. törvény a nemzetiségek jogairól // Интернет-сайт «Hatályos jogszabályok». // URL:https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1100179.tv.

11.Закон Латвийской Республики от 19 марта 1991 г. (в ред. 30 июня 1994 г.) «О свободном развитии латышских национальных и этнических групп и праве на культурную автономию» / Latvijas Republikas Likums «Par Latvijas nacionālo un etnisko grupu brīvu attīstību un tiesībām uz kultūras autonomiju» // Интернет-сайт «Latvijas Republikas tiesību akti» // URL: https://likumi.lv/ta/id/65772

12.Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ (ред. от 6 февраля 2020 г.) "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208;

13.Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ (ред. от 27 июня 2018 г.) "Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2000. N 30. Ст. 3122;

14.Федеральный закон от 7 мая 2001 г. N 49-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

15.Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (ред. от 4 ноября 2014 г.) "О национально-культурной автономии" // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

16. Большой юридический словарь / под. ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. - М.: ИНФРА-М, 1998. – Т. VI. - С. 402-403.

17.Межуев В.М. Национальная культура как явление и понятие // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. № 2 (26). С. 83-95.

18.Capotorti F. The Protection of Minorities under Multilateral Agreements on Human Rights // The Italian Yearbook of International Law. 1976. II.

19.Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities, Geneva UN Center for Human Rights, UN Doc E/CN.4/Sub.2/384/Add.1-7.

20.Козелько В.Н. Национальная культура: сущность, структура, компоненты // Рецензируемый, реферируемый научный журнал «Новые технологии». 2008. Вып. 5. С. 56-59.

21.Бражников О.А., Доронина О.Н. Федеральные и региональные гарантии обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина (на примере прав коренных малочисленных народов и иных национальных меньшинств в Дальневосточном федеральном округе) // Современное право. 2019. № 3. С. 19-25.

22.Мархгейм М.В. Национальный фактор современного конституционного строительства в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 341-348.

23.Porebski A. Problematyka autochtonicznych grup etnicznych we wspolczesnej Europie / A. Porebski // Mniejszo ci narodowe i etniczne w procesach transformacji oraz integracji. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2006.

24.Makogon B.V., Savel'eva, I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'anov A.S. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. T. 7. № S-APRLSPCL. Pp. 328-332.

25.Komac M. Nationalities and Minorities in Yugoslavia. European Minorities. // Contemporary European Affairs. 1991. V. 4, I. 4.

26.Huber K., Mickey R.W. Defining the Kin-State: An Analysis of its Role and Prescriptions for Moderating its Impact // Protection of Minority Rights Through Bilateral Treaties. The Case of Central and Eastern Europe. / Bloed A., Van Dijk P. (Eds.). The Hague/London/Boston: Kluwer Law International. 1999. Pp.17-51.

27.Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

28.Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г.) "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" // Собрание законодательства РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

29.Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.

30.Kuksin I.N., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E. Justice as principle: aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). 2016. T. 11. № 10. Pp. 2367-2370.

31.Официальный Интернет-сайт Совета Европы. // URL:http://www.coe.int/T/E/Communication_and_Research/Press/Theme_Files/Democracy_through_law.

32.Lerner N. Group Rights and Discrimination in International Law. Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers. 1991.

33.Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М.: Эдиториал УРСС, 2000.

34.Michalik, E. Polityka panstw Europejskich wobec nowych mniejszosci // Mniejszosci narodowe i etniczne w procesach transformacji oraz integracji. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2006.

35.Malloy, T.H. National Minority Rights in Europe. Oxford: Oxford University Press. 2005.

36.Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. М., 2016. Сер. Теория и история государства и права. 416 с.

37.Закон Латвийской Республики от 26 мая 2005 г. (в ред. от 2 июля 2009 г.) «О Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» / Latvijas Republikas Likums "Par Vispārējo konvenciju par nacionālo minoritāšu aizsardzību" // Интернет-сайт «Latvijas Republikas tiesību akti». // URL:https://likumi.lv/ta/id/109252/.

УДК 342.4

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2020 г. В.А. Смирнов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 119571 Москва, проспект Вернадского, 82

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service 82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571

В статье исследованы теоретические и правовые проблемы реализации и развития Конституции Российской Федерации. Аргументировано существование в практике конституционного строительства Российской Федерации преобразования конституционных норм как трансформации их содержания или содержания конституционно-правовых институтов без формального внесения поправок в текст российской Конституции; выявлены характерные черты преобразования, отличающие его от иных способов развития Конституции. Исследованы приемы осуществления преобразования конституционных норм, используемые в практике российского конституционализма.

Ключевые слова: *конституция, реализация конституции, развитие конституции, программно-целевая функция конституции, преобразование конституции, приемы преобразования конституционных норм.*

The article explores the theoretical and legal problems of the implementation and development of the Constitution of the Russian Federation. The existence in the practice of constitutional construction of the Russian Federation of the transformation of constitutional norms as a transformation of their content or the content of constitutional and legal institutions without formal amendments to the text of the Russian Constitution is argued; the characteristic features of the transformation that distinguish it from other ways of developing the Constitution are revealed. The methods of the conversion of constitutional norms used in the practice of Russian constitutionalism are investigated.

Keywords: *constitution, implementation of the constitution, development of the constitution, program-objective function of the constitution, constitutional transformation, methods for transforming constitutional norms.*

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [1], действует уже 27 лет. Эти годы были временем активного развития государственно-правовой практики, что явилось результатом как общесоциального воздействия конституционных норм на общественные отношения, так и влияния иных социально-экономических факторов объективного и субъективного характера. При этом не только нормы Конституции Российской Федерации регулируют конституционные правоотношения, но и государственно-правовая практика влияет на трансформацию понимания содержания конституционных норм. Как справедливо заметил профессор В.Ф. Яковлев еще в первый год действия Конституции Российской Федерации 1993 г., она сразу после вступления в силу «… отделилась от ее создателей, начала свою реальную жизнь, и многие её нормы стали толковаться … не совсем так, как мыслили себе …» [2, с. 131] «отцы-основатели». Изложенное обусловливает необходимость исследования возможных направлений и методов развития содержания конституционных положений, а также выявления тех факторов, которые обусловливают саму возможность данного явления.

Реализация Конституции Российской Федерации в науке конституционного права традиционно определяется как воздействие ее норм на общественные отношения с целью регулирования прав и обязанностей их участников [3], что в полной мере соответствует положениям ее ст. 15 (ч. 1), характеризующей Конституцию как акт прямого действия. Однако в отличие от иных нормативных правовых актов, норм Конституции явно недостаточно для комплексного регулирования всей полноты даже тех общественных отношений, которые возникают при организации и функционировании высших органов государственной власти. Нормы Конституции Российской Федерации отличаются высокой степенью абстрактности, а потому нуждаются в конкретизации в подконституционных нормативных правовых актах. Поэтому такие традиционные формы реализации норм права как соблюдение, использование и исполнение несколько видоизменяются при реализации норм Конституции Российской Федерации. Они предполагают не только непосредственную правореализационную деятельность субъектов конституционного права, но и издание уполномоченными органами публичной власти нормативных правовых актов, развивающих нормы Конституции Российской Федерации, а также формирование политики государства и в целом государственно-правовой практики, соответствующих целям и принципам, получившим закрепление в Конституции Российской Федерации.

Также следует заметить, что Конституция Российской Федерации как учредительный акт демократического правового государства не только юридически закрепляет уже сложившиеся на момент ее принятия основополагающие общественные отношения, но и определяет направления их развития и / или создает предпосылки их развития. С.А. Авакьян указывает, что в этом состоит содержание учредительной функции российской Конституции [4, с. 138]; Н.В. Витрук определял такое направление конституционного воздействия как программно-целевую функцию конституции [5, с. 18]. Поэтому реализация норм Конституции Российской Федерации не может не вызывать трансформацию общественных отношений в направлениях, содержащихся в ее положениях. В этом случае могут возникать определенные коллизии между буквальным смыслом конституционных норм и тем смыслом, который придается им в государственно-правовой практике.

Наилучшим с точки зрения российской юридической науки способом преодоления таких коллизий является внесение поправок в текст Конституции Российской Федерации. Однако это не всегда возможно (так, в соответствии со ст. 135 Конституции Российской Федерации поправки не могут быть внесены в положения ее глав 1, 2 и 9) или целесообразно (поскольку Конституция закрепляет основополагающие правила регулирования наиболее важных общественных отношений, внесение поправок в текст Конституции должно осуществляться с целью юридического закрепления политически и социально значимых изменений).

«Контактный», по выражению М.В. Мархгейм, вариант обновления Конституции России был осуществлен в два этапа (конец 2008 г., начало и середина 2014 г.) за счет ресурсов, предусмотренных самой Конституцией России (ст. 136) и конкретизированных Федеральным законом от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации». Юридической формой такого обновления является закон о поправке к Конституции Российской Федерации» [6, с. 49-50]. Эти первые «точечные» конституционные поправки внесли существенные изменения в систему высших органов государственной власти Российской Федерации, но реформа федеративных отношений, модернизация конституционных основ системы исполнительной власти или, к примеру, развитие института парламентского контроля не были связаны с конституционными поправками. Так, например, в 1994-1999 г.г. существенное изменение претерпело содержание конституционных принципов федеративного устройства России, в частности, принципа разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации (ст.ст. 5 (ч. 3), 71, 72 и 73 Конституции Российской Федерации). До 1999 г. (до принятия Федерального закона от 24 июля 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [7]) предметы, относящиеся как к совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, так и к исключительному ведению органов государственной власти Российской Федерации, могли быть перераспределены «в пользу» органов государственной власти субъектов Российской Федерации посредством заключения договора между ними. Примером такого перераспределения были, например, п.п. 5 (осуществление помилования) и 8 (решение вопросов гражданства) ст. II Договора Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан [8]. В соответствии со ст. 14 Федерального закона № 119-ФЗ договор между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации мог быть заключен только применительно к предметам совместного ведения. Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ содержание рассматриваемого конституционного принципа претерпело еще большие изменения: получили законодательное определение полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, а также способы разграничения и перераспределения полномочий федеральных и региональных органов государственной власти [9], что привело к централизации Российской Федерации. Заметим также, что вследствие изменения содержания принципа разграничения предметов ведения и полномочий изменилось также и содержание конституционного принципа единства и равенства гражданства независимо от оснований его приобретения (ч. 1 ст. 6 Конституции): до 2002 г. в его содержание входило требование единства правового статуса граждан Российской Федерации и граждан республик в составе Российской Федерации (ст. 2 Закона Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» [10]); данное требование прекратило существование после вступления в силу Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [11]. Таким образом, можно считать доказанным существование в российской практике конституционного строительства такого явления как трансформация содержания отдельных норм Конституции Российской Федерации или конституционных институтов без формального внесения поправок в текст ее статей.

В зарубежной юридической науке данное явление было выявлено и исследовано видным австрийским конституционалистом Г. Еллинеком еще в начале XX в, который определил его как «преобразование», т.е. изменение содержания конституционных положений, которое оставляет неизменным текст ее соответствующих статей [12, с.с. 4–8, 11–14, 16–18, 20–22, 24–26, 34–39, 41–43, 49, 52–56]. В российской юридической науке существование преобразования как способа существования и развития конституционных норм также признается, но отношение к нему далеко не однозначно. Так, С.А. Авакьян критически относится к преобразованию Конституции Российской Федерации как способу ее существования и развития, но полагает возможным ее «содержательное развитие» в законодательстве и конституционно-правовой практике [13, с. 18]. Аналогичной позиции придерживаются В.И. Васильев [14], Н.В. Витрук, В.В. Невинский [15]. Другая группа ученых (Е.С. Аничкин [16, с. 164-181], А.А. Белкин [17, с. 81-85], М.А. Митюков [18]) положительно оценивают преобразование как способ существования и развития Конституции Российской Федерации в современном быстро меняющемся мире.

Можно выделить следующие характерные черты преобразования конституционных норм, отличающие его от иных способов развития Конституции Российской Федерации:

а) при осуществлении преобразования отсутствует вмешательство непосредственно в текст глав и статей Конституции Российской Федерации, изменяется понимание их смысла и содержания;

б) имеется существенное изменение первоначального смысла и содержания конкретной нормы Конституции Российской Федерации или конституционно-правового института – их расширение, сужение или модернизация как приспособление к новым общественным отношениям. При этом следует согласиться с позицией профессора В.А. Кряжкова о том, что «чем старше Конституция, тем меньше оснований у толкователя считаться с намерениями её авторов» [19, с. 9];

в) преобразование конституционных норм связано с необходимостью их приспособления к изменившимся общественным отношениям. В этой связи заслуживает поддержки точка зрения Е.С. Аничкина о том, что цель преобразования как способа развития конституционных норм состоит в приспособлении их содержания к изменившимся конституционно-правовым реалиям. При этом изменение общественных отношений может быть результатом претворения в жизнь иных конституционных норм, проявлением реализации программно-целевой функции Конституции Российской Федерации. Таким образом, в рамках преобразования находится баланс между обеспечением стабильности Конституции и реализацией закрепленных в ней норм-целей.

В качестве достоинств преобразования как способа развития Конституции Российской Федерации можно указать следующие:

а) оно предполагает максимально возможную реализацию ее программно-целевой функции, что позволит обеспечить ее реальность как нормативного правового акта, отражающего реально существующие общественные отношения;

б) возможность достаточно оперативного реагирования на изменение политических и социально-экономических отношений, входящих в предмет конституционного регулирования;

в) не жесткий (в отличие от конституционных поправок) характер трансформации содержания конституционных норм и возможность относительно простого его возвращения к первоначальному варианту;

г) относительная «дешевизна» процедур, используемых при преобразовании, поскольку, как правило, они представляют собой рутинную деятельность высших органов государственной власти (в отличие от процедур принятия конституционных поправок или пересмотра Конституции).

Следует заметить, что объектом преобразования в практике российского конституционализма чаще всего становятся конституционные нормы, обладающие высокой степенью абстрактности, в частности, нормы-принципы, а также нормы, реализация которых прямо предусматривает издание федеральных конституционных или федеральных законов. В последнем случае законодатель «достраивает» содержание абстрактных конституционных положений. Напротив, не могут подвергаться преобразованию положения Конституции, недвусмысленно определяющие конкретные правила, например, о сроках полномочий государственных органов, о порядке их формирования или о принадлежности им конкретных конституционных полномочий.

Приемы осуществления преобразования конституционных норм исследовались еще Г. Еллинеком. Исследование государственно-правовой практики с момента вступления в силу Конституции Российской Федерации 1993 г. позволило выявить использование следующих способов преобразования конституционных норм.

1. Наиболее распространенным приемом является преобразование конституционных норм посредством издания федеральных конституционных и федеральных законов. Так, как уже было указано выше, принятие в 1999 г. федеральных законов, закрепляющих порядок разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также основы правового статуса органов госу-

дарственной власти субъекта Российской Федерации, существенно изменило содержание конституционных принципов федеративного устройства (ч.ч. 3 и 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации), и тем самым, в целом содержание данной подотрасли конституционного права. Федеральным конституционным законом Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации" было также в значительной степени преобразовано закрепленное в ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации право на самоопределение народов в составе Российской Федерации [20].

2. Преобразование конституционных норм осуществляется также в практике деятельности высших органов государственной власти, в том числе, в практической реализации их конституционных полномочий, в издании нормативных и правоприменительных актов, в совершении юридически значимых действий, а иногда и их бездействие. Так, например, существующий порядок формирования системы федеральных органов исполнительной власти и сама конституционно-правовая дефиниция системы федеральных органов исполнительной власти сложились в практике деятельности Конституционного Суда Российской Федерации [21], бездействия федерального законодателя, фактически отказавшегося осуществить предоставленное ему ст.ст. 71 (п. «г») и 76 Конституции Российской Федерации полномочие определять систему органов исполнительной власти, и реализации Президентом Российской Федерации полномочия издавать указы по вопросам системы федеральных органов исполнительной власти, оставшимися не урегулированными федеральным законом [22].

3. Преобразование конституционных норм в Российской Федерации в 1994-2007 гг. также осуществлялось путем заключения договоров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В рамках данной практики «в пользу» органов государственной власти субъектов Федерации была передана существенная часть полномочий федеральных органов государственной власти, что в наиболее явном виде проявлялось в договорах, заключенных в 1995-1998 гг. Роль данных договоров в преобразовании конституционных норм резко снизилась после упорядочения соответствующих отношений Федеральным законом "О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации" и результатов работы «Комиссии Козака» [23].

4. Преобразование конституционных норм посредством издания закона с последующим подтверждением его конституционности в решении Конституционного Суда Российской Федерации специфично для развития Конституции Российской Федерации. Как правило, в этом случае первым актом, направленным на преобразование конституционных положений является издание федерального закона, расширяющего или ограничивающего содержание конституционных норм. Затем положения данного закона проверяется Конституционным Судом Российской Федерации по запросу уполномоченного государственного органа или (что встречается наиболее часто) по жалобам граждан в порядке ч. 4 ст. 125 Конституции. Так, например, Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11 октября 2018 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» дополняет содержание ст. 31 Конституции Российской Федерации обязанностями граждан обеспечивать законность и правопорядок при реализации конституционной свободы собраний [24]. Данный закон был признан соответствующим Конституции Российской Федерации [25], что завершило процесс преобразования ст. 31 Конституции.

Однако иногда преобразование конституционных норм начинается с решения Конституционного Суда. Так, его правовая позиция о невозможности исполнения решений Европейского суда по правам человека, которые противоречат Конституции Российской Федерации [26] привела сначала к законодательному закреплению полномочия данного судебного органа рассматривать запросы уполномоченных государственных органов о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, которое не было закреплено в ст. 125 Конституции Российской Федерации [27]. При этом претерпел преобразование ряд конституционных норм: ч. 4 ст. 15 Конституции, закрепляющая принцип примата норм международного права, и ч. 1 ст. 17, устанавливающая обязанность Российской Федерации признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным стандартам международного права. Таким образом, соответствующие обязанности Российской Федерации в сфере международного права были в значительной степени ограничены обязанностями обеспечивать верховенство Конституции Российской Федерации и отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере.

5. Возможным способом преобразования «неизменяемых» норм Конституции Российской Федерации, содержащихся в ее главах 1, 2 и 9, является издание законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации. Так, редакция ст. 79 Конституции Российской Федерации, закрепленная в п. 12 ст. 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, дополнительно легитимирует рассмотренное выше преобразова-

ние ст.ст. 15 и 17 Конституции; а ч.ч. 5-7 новой редакции ее ст. 75 существенно дополняют норму-дефиницию социального государства, содержащуюся в ст. 7 Конституции [28]. Полагаем, что принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации представляет собой именно преобразование ст.ст. 7, 15, 17, 38, 39 и 41 Конституции, поскольку соответствующие конституционные нормы не претерпели текстуальных изменений; однако Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ был существенно изменил их смысл.

Изложенное позволило сделать следующие выводы.

1. Доказано существование в практике российского конституционализма преобразования конституционных норм как способа развития Конституции Российской Федерации, предполагающего трансформацию содержания отдельных норм Конституции Российской Федерации или конституционных институтов без формального внесения поправок в текст ее статей. Преобразование конституционных норм является, с одной стороны, следствием выполнения Конституцией программно-целевой функции как определения направлений и / или создания предпосылок развития наиболее важных политических общественных отношений, а с другой – необходимостью обеспечения стабильности Конституции как нормативного правового акта высшей юридической силы. Цель преобразования как способа развития конституционных норм состоит в приспособлении их содержания к изменившимся конституционно-правовым реалиям.

2. Объектом преобразования в практике российского конституционализма чаще всего становятся конституционные нормы, обладающие высокой степенью абстрактности, в частности, нормы-принципы, а также нормы, реализация которых прямо предусматривает издание федеральных конституционных или федеральных законов. В последнем случае законодатель «достраивает» содержание абстрактных конституционных положений. Напротив, не могут подвергаться преобразованию положения Конституции, недвусмысленно определяющие конкретные правила, например, о сроках полномочий государственных органов, о порядке их формирования или о принадлежности им конкретных конституционных полномочий.

3. Выявлены специфические приемы преобразования конституционных норм, используемые в практике российского конституционализма – издания федерального конституционного или федерального закона с последующим подтверждением его конституционности в решении Конституционного Суда Российской Федерации, а также издание законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации для преобразования «неизменяемых» положений Конституции Российской Федерации, содержащихся в ее главах 1, 2 и 9.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Яковлев В.Ф. Новая Конституция РФ и развитие законодательства // Государство и право. 1994. № 12. С. 130-138.
3. Сергевнин С.Л. Общая характеристика механизма реализации и охраны конституции // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 1 (45). С. 80-92.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М.: Юристъ, 2005. Т. 1. 562 с.
5. Витрук, Н.В. Верность Конституции. М.: Изд-во РАП. 2008. 218 с.
6. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: переменное в постоянном // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – VII Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 24-25 апреля 2020 г.). – Белгород, 2020. С. 48-57.
7. Федеральный закон от 24 июля 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3176.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 34.347

ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

© 2020 г. С.А. Григорянц, А.Х. Дзреян

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Развитие потребительского рынка, несмотря на все его привлекательные стороны, тем не менее, сопровождается и появлением негативных факторов, к числу которых относится, в частности, и рост нарушений прав граждан в потребительской сфере. Потребители в большинстве своем не обладают необходимой технической и правовой грамотностью в области своих прав. Одним из государственных приоритетов в области социально-экономических отношений является задача охраны прав потребителей. Изучение вопросов защиты интересов в рамках правоотношений в области защиты прав потребителей представляют существенный научный и практический интерес.

В данной статье исследуется досудебный порядок урегулирования споров между субъектами потребительских отношений. Рассмотрев особенности данного института, полагается возможным выявить пробелы законодательства, которые на практике создают определенные трудности. По результатам данного исследования выносятся предложения по устранению некоторых законодательных недочетов.

***Ключевые слова**: претензия, виды претензионного порядка урегулирования споров, потребители, конфликты.*

The development of the consumer market, despite all its attractive aspects, is nevertheless accompanied by the appearance of negative factors, including, in particular, the growth in violations of citizens' rights in the consumer sphere. Consumers, for the most part, do not have the necessary technical and legal literacy in the field of their rights. One of the state priorities in the field of socio-economic relations is the task of protecting the rights of consumers. The study of issues of protection of interests in the framework of legal relations in the field of consumer protection is of significant scientific and practical interest.

***Keywords**: claim, types of claim procedure for resolving disputes, consumers, conflicts.*

Законом РФ «О защите прав потребителей» [5] предусматривается два порядка осуществления защиты прав потребителей. По действующему законодательству защита прав потребителей осуществляется как в судебном (исковом), так и во внесудебном порядке. Внесудебный порядок защиты прав потребителей представляет собой защиту, осуществляемую в рамках претензионного производства.

В целом, содержанием претензионного порядка защиты указанных прав является предъявление потребителем, права которого нарушены (продавцом, изготовителем), требования о защите своего права непосредственно продавцу (изготовителю и исполнителю). Содержание указанных требований потребителя излагается последним в специальном документе, который именуется претензией. В связи с чем, указанный порядок защиты прав потребителей и именуется претензионным порядком [6, с. 81].

Претензионный порядок разрешения споров направлен на побуждение сторон договора к самостоятельному урегулированию возникших разногласий. В частности, в гражданско-правовых конфликтах с участием потребителей наличие претензионного порядка предполагает добровольное удовлетворение законных и обоснованных требований потребителя со стороны продавцов (изготовителей, исполнителей). Тем самым разрешается общая проблема, стоящая перед механизмом правового регулирования, – оперативное восстановление нарушенного права.

В практической деятельности в сфере защиты прав потребителей в конкретном случае может возникнуть вопрос о том, является ли обязательным для потребителя до обращения судебные органы с исковыми требованиями обращение к продавцу (изготовителю, исполнителю) с соответствующей претензией, а обращение в суд возможным лишь только после того, как в удовлетворении этой претензии ему будет отказано.

Собственно, в Законе РФ «О защите прав потребителей» требование об обязательном досудебном претензионном порядке урегулирования споров между потребителями и продавцами (изготовителями, исполнителями) не содержится. Однако обязательное соблюдение такого порядка может иметь место и в других федеральных законах.

В п. 23 своего Постановления от 28.06.2012 Пленум Верховного суда РФ обращает внимание на то, что в настоящее время по действующему законодательству до обращения в соответствующий суд гражданина с исковыми требованиями, вытекающими из правоотношений в сфере защиты прав потребителей, обязательный претензионный порядок урегулирования споров предусматривается в двух федеральных законах: Кодексе внутреннего водного транспорта РФ [2], Федеральном законе от 07.07.2003 «О связи» [3].

Так, в соответствии с п. 1 ст. 161 Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ) РФ по спорам, вытекающим из договоров перевозки пассажиров, багажа, груза или буксировки до обращения в суд с исковыми требованиями к перевозчику потребитель должен обратиться к нему с соответствующей претензией.

При этом законом установлены следующие правила предъявления таких претензий:

- во-первых, такого рода претензия должна быть предъявлена потребителем услуг к перевозчику либо буксировщику по месту его нахождения (п. 2 ст. 161 КВВТ РФ);

- во-вторых, претензия направляется потребителем перевозчику (буксировщику) с обязательным приложением подлинных или надлежащим образом заверенных копий документов, которыми подтверждается право потребителя предъявить такую претензию;

- в-третьих, в случае направления потребителем претензии перевозчику (буксировщику), вытекающей из фактов утраты (недостачи, повреждения, порчи) груза, багажа, буксируемого объекта, к ней в обязательном порядке прилагается документ, которым удостоверяется количество и стоимость отправленного груза, багажа или объекта, подлежащего буксировке [10, с. 171].

Требование об обязательном претензионном порядке урегулирования споров с участием потребителей содержится также и в Федеральном законе от 07.07.2003 «О связи». Так, в силу п. 4 ст. 55 названного Закона в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, вытекающих из договора об оказании услуг связи, пользователь услугами связи до обращения в суд в обязательном порядке должен предъявить оператору связи претензию.

Сроки предъявления такой претензии определяются в п. 5 ст. 55 Федерального закона «О связи». В соответствии с названными положениями Закона претензии к операторам связи со стороны потребителей должны быть предъявлены с соблюдением следующих сроков:

- в случае отказа в оказании услуги связи, несвоевременного или ненадлежащего исполнения обязательств по договору об оказании услуг связи, либо невыполнения или ненадлежащего выполнения работ в области электросвязи (кроме жалоб на телеграфные сообщения) – претензии подлежат предъявлению в течение шестимесячного срока, исчисляемого соответственно со дня предоставления услуги, отказа в ее предоставлении или со дня выставления счета за предоставленную услугу связи;

- в случае если почтовое отправление не было своевременно доставлено или не доставлено вовсе, а также повреждено или утрачено, а также если денежный перевод не был своевременно выплачен или не выплачен вовсе, претензии подлежат предъявлению в течение шестимесячного срока, исчисляемого со дня отправки почтового отправления или денежного перевода;

- в случае если телеграмма не была своевременно доставлена или не доставлена вовсе, а также если произошло смысловое искажение текста 25 телеграммы, претензии подлежат предъявлению в течение месячного срока, исчисляемого со дня подачи телеграммы [11, с. 226].

При этом претензия по вопросам, вытекающим из оказания услуг связи, подается с обязательным приложением копий договоров об оказании услуг связи ли иных документов, которыми удостоверяется факт заключения такого договора (квитанций, описей вложений и тому подобных). К претензии могут быть приложены и иные документы, содержащие информацию о неисполнении или ненадлежащем исполнении оператором связи своих прямых обязательств по договору. В случае если речь идет о возмещении ущерба потребителю, то к претензии прилагаются документы, которыми подтверждаются факт и размер ущерба, причиненного потребителю ненадлежащим исполнением или неисполнением договора связи оператором.

Закон предусматривает обязательную регистрацию таких претензий оператором связи. Она должна быть зарегистрирована не позднее рабочего дня, который следует за днем ее поступления.

Установлены также и сроки рассмотрения претензий операторами связи. По общему правилу такой срок рассмотрения оператором претензии со стороны потребителей составляет тридцать дней, начиная с момента регистрации претензии. В течение указанного срока на оператора возлагается обязанность по информированию потребителя о результатах ее рассмотрения (в письменной или электронной форме).

Однако для отдельных разновидностей претензий, вытекающих из правоотношений в сфере оказания услуг связи, установлены иные сроки рассмотрения. Так, в силу положений п. 8 ст. 55 Федерального закона «О связи» претензии, вытекающие из договоров о доставке почтовых отправлений и денежных переводов, которые пересылаются в границах одного поселения, подлежат рассмотрению оператором связи в пятидневный срок, начиная с момента регистрации соответствующей претензии;

вытекающие из договоров по оказанию услуг междугородной и международной телефонной связи и услугами подвижной радиотелефонной связи (связанной с оказанием таких 26 услуг за пределами российской территории и оказываемыми другим оператором связи), подлежат рассмотрению оператором связи в шестидесятидневный срок, начиная с момента регистрации соответствующей претензий.

Полный или частный отказ в удовлетворении претензии либо неполучение ответа на претензию в установленный законом срок является основанием для пользователя услуг связи для предъявления исковых требований уже в судебные органы [8, с. 594].

Как отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012[4], в случае несоблюдения обязательного претензионного порядка урегулирования спора исковое заявление возвращается по правилам, предусмотренным в п. 1 ч. 1 ст. 135 Гражданский Процессуальный Кодекс Российской Федерации [1] (далее - ГПК РФ) о возвращении исковых заявлений подобного рода случаях.

Таким образом, можно сказать, что в остальных случаях предъявление претензий потребителем о восстановлении своих прав является правом, а не обязанностью потребителя. В связи с чем, он может использовать это право по своему усмотрению: заявить претензию соответствующим субъектам, отвечающим перед ним как потребителем, либо заявить указанные требования в исковом заявлении в суд непосредственно.

Однако стоит сказать о том, что злоупотребление правом предъявления претензии потерпевшей стороной является одной из важных проблем в досудебном урегулировании споров. На законодательном уровне отсутствует нормативное закрепление термина «претензия», несмотря на то, что он упоминается во многих законодательных актах. Отсюда на практике возникают определенные трудности в понимании того, что представляет собой претензия как процессуальный документ и при наличии каких элементов документ можно считать претензией.

В качестве примера можно привести дело, когда ООО «Тур-Здоровье» обратилось с заявлением к Управлению Роспотребнадзора по Красноярскому краю об отмене постановления по делу об административном правонарушении. Суд первой инстанции исковое заявление удовлетворил. Впоследствии суд апелляционной инстанции вынес постановление, в котором решение суда первой инстанции было оставлено без изменения. Однако после исследования всех материалов дела ФАС Восточно-Сибирского округа вынес Постановление, в котором было отменено решение по делу суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции [9, с. 107].

Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю провело проверку деятельности ООО «Тур-Здоровье» на предмет соблюдения обществом требований законодательства в области защиты прав потребителей. В результате проверки выяснилось, что в те договоры, которые были заключены между обществом и туристами на приобретение туристических услуг, включены пункты 3.7.5, 3.9.3, которые ограничивают право потребителя на предъявление претензий к качеству туристического продукта в досудебном порядке наличием протокола. Тогда Управление Роспотребнадзора по Красноярскому краю издало Постановление от 15.07.2007 № 6753, согласно которому ООО «Тур-Здоровье» привлекалось к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ, санкция заключалась в виде штрафа в размере 10 000 рублей. ООО «Тур-Здоровье» не согласилось с указанным Постановлением и обратилось в арбитражный суд с заявлением об его отмене.

Исходя из материалов дела следует, что из содержания пунктов 3.7.5 и 3.9.3 договоров, заключенных между туристом и ООО «Тур-Здоровье», следует, что турист обязан незамедлительно обратиться к представителю принимающей стороны или руководителю группы в случае появления у него претензий по качеству оплаченных услуг для устранения выявленных недостатков на месте. Если турист не может решить вопрос на месте, то он обязан составить письменное подтверждение обоснованности требований, именуемое протоколом. Протокол должен быть составлен в двух экземплярах, подписан туристом и представителем принимающей стороны, а также заверен печатью последнего. Следует отметить, что законодатель же не ставит подтверждение обоснованности требований в зависимость от наличия протокола, предусмотренного спорными договорами.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что спорные пункты договора не ущемляют права потребителей, поскольку условие в договоре о составлении протокола является рекомендацией, кроме того, договором не предусмотрены какие-либо неблагоприятные последствия для туриста в случае несоставления протокола, поэтому турист не лишен возможности доказывать факт оказания некачественных услуг с помощью других доказательств.

Суд кассационной инстанции постановил, что решения судов двух инстанций были основаны на неправильном применении норм материального права. В пункте 6.3 договора указано, что в случае непредъявления туристом протокола, претензии со стороны туриста приниматься не будут. Данное обстоятельство не было учтено судами первой и апелляционной инстанции [7, с. 159].

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что необходимо дополнить законодательство в сфере защиты прав потребителей термином «претензия» с раскрытием его содержания и указанием конкретных признаков.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 08.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.
3. Федеральный закон «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. № 156. 2012.
5. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992г. № 2300-1 (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
6. Бакулин А.Ф. Основания и последствия соблюдения претензионного порядка урегулирования гражданско-правовых споров // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2015. № 1 (33).
7. Бугаенко Н.В., Кратенко М.В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: науч. - практ. пособие. М., 2013. 398 с.
8. Гаврилов Р.А. Особенности претензионного порядка урегулирования правовых споров // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. Электронный сборник статей по материалам XIIV студенческой международной научно-практической конференции. 2018. С. 594-597.
9. Медникова М.Е. Соблюдение претензионного порядка урегулирования спора: проблема своевременности // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 4 (8). С. 107-111.
10. Рагозина А.В. Претензионный порядок урегулирования споров // Евразийский научный журнал. 2015. № 6. С. 171-172.
11. Худойкина Т.В., Балашова А.В. Претензионный порядок как досудебный способ урегулирования споров // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 226-228.

УДК 347.2/.3

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗДЕЛА СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПРИ НАЛИЧИИ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

© 2020 г. Т.В. Куликова

Ростовский институт
защиты предпринимателя
344000, Ростов-на-Дону,
ул. Сержантова 2/104

The Rostov Institute
of Protection of Entrepreneur
2/104, Serzhantova str., Rostov-on-Don,
344000

Вопросы, связанные с разделом общего имущества, не перестают терять своей актуальности, поскольку в связи с изменением экономической ситуации в стране, уровня материального благосостояния населения изменяется круг объектов права супружеской собственности. В настоящее время предметом судебных споров все чаще становятся не предметы материального мира, а долги, возникшие у супругов в период брака. Более того, нередко супруги, обращаясь в суд, просят разделить только кредитные задолженности [1]. Зачастую при разделе имущества супругов в судебном процессе возникает необходимость и в разделе кредитных обязательств.

В статье рассматривается несколько дел, решения по которым влияют на раздел имущества при наличии кредитных обязательств, на примере судебной практики.

Ключевые слова: *раздел имущества, общее имущество супругов, кредитные обязательства, потребительский кредит, ипотечный кредит.*

Issues related to the division of common property do not cease to lose their relevance, because, due to changes in the economic situation in the country, the level of material well-being of the population, the range of objects of marital property rights changes. At present, the subject of legal disputes is increasingly not the objects of the material world, but the debts incurred by the spouses during the marriage. Moreover, it is not uncommon for spouses to go to court and ask to share only credit debts [1].Often, when dividing the property of the spouses in the court process, there is a need for the division of credit obligations.

The article deals with several cases, decisions on which affect the division of property in the presence of credit obligations, on the example of judicial practice.

Keywords: *division of property, common property of spouses, credit obligations, consumer credit, mortgage credit.*

Режим совместного имущества супругов, который нашел свое отражение в ст. 256 ГК РФ, а именно все имущество, которое было нажито супругами в период брака, признается совместной собственностью при условии отсутствия между супругами какого-либо договора, устанавливающего иной порядок раздела имущества, а также в части 1 ст. 33 СК РФ, которой закреплен данный режим, естественным вопросом осуществления данного режима на практики становится вопрос раздела имущества при наличии кредитных обязательств.

В статье рассматривается несколько дел, решения по которым влияют на раздел имущества при наличии кредитных обязательств, на примере судебной практики.

Статья 39 СК РФ гласит, что при разделе общего имущества супругов их доли определяются как равные с учетом пункта 2 ст. 38 СК РФ. Соответственно, вопрос кредитных обязательств должен решаться с учетом данного принципа. Зачастую при разделе имущества супругов в судебном процессе возникает необходимость и в разделе кредитных обязательств. Данный порядок действует при разделе кредитных обязательств, которые супруги имеют на момент рассмотрения спора, если отсутствует брачный договор. Важно отметить, что вопрос о разделе совместного имущества супругов не всегда связан также с разделом кредитных обязательств, в судебном процессе он может быть сторонами и не заявлен.

Рассматривая вопрос о разделе кредитных обязательств, всегда необходимо определить характер обязательств, возникли ли они из потребительского договора, в котором выступает заемщиком только один из супругов, супруги являются созаемщиками либо один из супругов выступает в качестве поручителя по основному обязательству.

Мы рассмотрим ситуации, в которых у супругов имеются кредитные обязательства в виде обычного потребительского кредита, не обеспеченного обременением в пользу банка, а также обязательства супругов, вытекающие из ипотечного кредита, в котором супруги могут быть созаемщиками или один супруг выступает поручителем по основному обязательству.

При кредитных обязательствах в виде обычного потребительского кредита супруги не обязательно должны делить такие долги при разделе совместно нажитого имущества. В этой ситуации

обязательства остаются на том супруге, на которого оформлен потребительский кредит, а у супругов остается право раздела денежных средств, которые были выплачены по данному кредиту, до принятия решения о разделе имущества. Однако эта ситуация не всегда складывается мирным образом между супругами путем подписания соглашения о разделе имущества, зачастую указанный спор по разделу переходит в судебный процесс. Законодательством также запрещен перевод долга без согласия кредитора, и вопрос раздела кредитных обязательств, предусматривающий перевод долга, должен быть разрешен всегда с учетом согласия кредитора.

Например, в Определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 75-КГ 15-12 от 01.03.2016 г. [2] судебная коллегия установила основные постулаты, которыми должен руководствоваться суд при решении спора о характере обязательств, являются ли они общие или личными. Суд рассматривал спор между супругами, у одного из которых имелись оформленные кредитные обязательства без обеспечения. Судебная коллегия постановила необходимость при рассмотрении спора определить следующие юридические факты, которые будут иметь значение для правильного решения спора, поскольку решение было отменено в части, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. По данному правовому акту можно сделать некоторый перечень юридических актов, которые в настоящее время имеют существенное значение для судов при рассмотрении аналогичных споров между супругами. К данным юридическим фактам можно отнести следующее:

1. Наличие установленной презумпции в пункте 2 ст. 253 ГК РФ, а именно, согласие одного из супругов на действие другого супруга на получение и распоряжение общим имуществом законодательно не предполагает, что имеется такое согласие на возникновение кредитных обязательств у одного из супругов. Это важно, поскольку раздел общего имущества осуществляется на основании принципа раздела с учетом пропорционально присужденным им долям.

2. При заключении одним из супругов кредитного договора без обеспечения возникшие обязательства могут быть признаны общими, только если будут иметься доказательства, что всё полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи. В данном случае очень важным вопросом является целевое направление трат заёмных денежных средств. Если супруг взял потребительский кредит и на эти средства производил ремонт, купил бытовую технику, поехал с семьей на отдых, это признается тратой на семейные нужды. Также оплата образования общих детей, покупка им вещей или иного имущества признается общими нуждами. В этом случае возможно приобщить к доказательствам в суде чеки на покупки, квитанции об оплате образования, путевки и билеты на отдых.

3. Законом допускается наличие у каждого из супругов собственных обязательств, что вытекает из пункта 1 ст. 45 СК РФ, а также ст. 308 ГК РФ, которой предусмотрено, что обязательство не создаёт обязанностей для иных лиц, которые не являются стороной в договоре. Обязательства, которые были приобретены до брака, вообще не принято разделять, исключением являются случаи, когда средства были потрачены на нужды семьи. Но это необходимо доказывать в судебном порядке. Так, долг признается личным, если супруг использовал денежные средства или имущество в своих целях. Бремя доказывания общности долга ложится на плечи того супруга, который изъявил желание признать такой долг общим. Если муж приобрел имущество в кредит и желает разделить свои долги с женой, то именно ему предстоит доказать, что данное имущество покупалось не в личных целях, а в интересах семьи.

4. Наличие кредитных обязательств и распределение понесенных затрат по исполнению кредитных обязательств не могут являться основанием для распределения непогашенных, невыплаченных обязательств. В таких ситуациях необходимо исходить только из права одного из супруга требовать от второго компенсации соответствующей доли фактически произведенных им выплат по кредитным обязательствам.

Вопрос с разделом кредитных обязательств супругов, обеспеченных залогом, решается согласно законодательству всегда с учетом интересов залогодержателя, т.к. раздел таких обязательств всегда носит характер изменения существенных условий договора, изменения ответственности сторон, которая при разделе обязательств приводит к прекращению солидарной ответственности супругов перед кредитором, устанавливая долевую ответственность.

Так, согласно пункту 1 ст. 391 ГК запрещается перевод долга без согласия кредитора, при ипотечных обязательствах всегда необходимо согласие залогодержателя. Однако на практике такое согласие залогодержатель-банк не всегда предоставляет, поскольку при решении выдачи ипотечного кредита банки исходят из финансового состояния обоих супругов, а перевод долга означает изменение сторон в сделки, т.е. изменение существенных условий кредитных обязательств. В связи с постоянными проблемами в этой сфере в настоящее время банки при решении вопроса о даче согласия всегда исходят из финансовой составляющей и возможности супруга исполнять кредитные обязательства самостоятельно, на которого будет осуществлен перевод долга. В основе решения

кредитора-залогодержателя также лежит законодательное право требовать исполнение обязательств как от всех должников по договору, так и от любого из них в отдельности, полностью либо в части долга.

Таким образом, раздел совместного имущества супругов при расторжении брака не является основанием для изменения кредитных обязательств. Важно отметить, что с учетом нормы ст. 334 ГК РФ перевод долга на одного из супругов не влияет на обеспечение, поскольку у залогодержателя имеется право на полное получение удовлетворения из стоимости заложенного имущества перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя). Банки после расторжения браков предлагают несколько вариантов развития событий, это зависит от внутренних регламентов организации.

1. Задолженность переводят на одного из супругов, если суд разделил обязательство, то выплачивающий кредит супруг может в судебном порядке обратиться за взысканием суммы, которую необходимо было погашать второму супругу.

2. Задолженность выплачивают оба супруга.

3. По кредитному договору производится реструктуризация, при этом на каждого из супругов открывают отдельный счет, каждый из них погашает свою часть кредита отдельно.

Ещё одной значимой проблемой является наличие у супруга фиктивного долга при разделе общего имущества и обязательств. Т.е. недобросовестный супруг может оформить кредитный договор задним числом и сослаться на трату денежных средств на нужды семьи. При наличии такого долга придется действовать супругу, который выступает в качестве потерпевшей стороны.

Первым действием необходимо настоять на проведении экспертизы, которая должна выявить срок фактического заключения договора.

Вторым действием необходимо провести финансовую экспертизу, которая покажет уровень доходов супругов, их заинтересованность в получении займа, а также возможность выплачивать такой кредит.

Чаще всего такие договоры займа подписываются не с банком, следовательно, необходимо найти связь и вовлеченность третьего лица (кредитора) в заключении такой сделки.

В целом, можно сделать выводы о том, что судебная практика несколько изменила своё мнение по поводу раздела общих долгов. Верховный Суд РФ достаточно четко разъяснил свою позицию о недопустимости признавать общими обязательствами кредиты и займы, а также иные договоры, в которых стороной выступает один супруг. Сейчас суды очень внимательно относятся к разделению таких обязательств, требуя множество доказательств расходов средств на семейные нужды. В настоящее время данные сведения и доказательства стали собирать гораздо проще, т.к. множество операция совершаются в безналичной форме и выписка по счету может помочь стороне доказать свою правоту.

Достаточно дискуссионным является вопрос излишнего регулирования законодателем и стремления некоторых ученых попытаться объять все правовые ситуации. В некоторых моментах это не всегда возможно, тогда нам необходимо полагаться на «усмотрение суда». Это не самый популярный инструмент, по его применению возникает множество вопросов. Но мы рассмотрели некоторые вопросы, например, «нужно ли вводить в правовых актах перечень нужд семьи или примерный список?».

В данной ситуации мы разделяем позицию законодателя, который не стал упорствовать в урегулировании необъятной темы. Исходя из потребностей супругов и детей, доходов мужа и жены, а также культурных ценностей и местных обычаев, суд вполне может самостоятельно сформировать индивидуальный перечень нужд семьи в рамках конкретного дела.

Важным вопросом является разделение обязательств, стороной в которых выступает один из супругов. Достаточно трудно доказать, на что именно были потрачены средства. Практически идентичные дела имеют диаметрально противоположные решения [3].

Данная проблема не обошла стороной и кредитные обязательства. Получение наличных кредитных средств и несохранение платежных документов (чеков, квитанций) ведут к утере доказательств, которые смогли бы подтвердить позицию одной из сторон. В век технологий множество операций производится в безналичном расчете, это несколько облегчает сбор доказательств.

Множество трудностей и проблем возможно избежать, прописав все необходимые условия погашения общих обязательств в брачном договоре. К сожалению, брачные договоры не обрели должную популярность – люди игнорируют статистику и предпочитают надеяться на лучшее.

Литература

1. Шахтарин Д. Н. Проблемные вопросы долговых обязательств супругов в составе общего имущества // Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 682-686.

2. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01032016-n-75-kg15-12/
3. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/46181.html/

УДК 347.2/.3

ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРСНОЙ МАССЫ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА

© 2020 г. Т.В. Куликова

Ростовский институт
защиты предпринимателя
344000, Ростов-на-Дону,
ул. Сержантова 2/104

The Rostov Institute
of Protection of Entrepreneur
2/104, Serzhantova str., Rostov-on-Don,
344000

За 5 лет с момента вступления в законную силу Федерального закона № 476-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» сложившаяся правоприменительная практика судов общей юрисдикции, арбитражная судебная практика по вопросу банкротства гражданина свидетельствуют о наличии проблем понимания, в том числе и в вопросе формирования конкурсной массы гражданина-банкрота, а также раздела общего имущества в случае банкротства в отношении одного из супругов. В данной статье мы раскроем главные аспекты банкротства физического лица, так как гражданин с его имуществом интересуют нас в свете настоящей статьи, поскольку все имущество гражданина банкрота включается в конкурсную массу должника.

Ключевые слова: *гражданин-банкрот, банкротство гражданина, добросовестность супругов, совместное (семейное) банкротство супругов.*

For 5 years, since the entry into force of Federal law No. 476-FZ "On amendments to the Federal law "On insolvency (bankruptcy)", the established law enforcement practice of courts of General jurisdiction, arbitration court practice on the issue of bankruptcy of a citizen, have outlined problems of understanding, including the formation of the bankruptcy estate of a bankrupt citizen, as well as the division of common property in case of bankruptcy in respect of one of the spouses. The article reveals the main aspects of bankruptcy of an individual since all the property of a bankrupt citizen is included in the bankruptcy estate of the debtor.

Keywords: *citizen, bankrupt, bankruptcy of a citizen, good faith of spouses, a joint(family) bankruptcy of spouses.*

Статусом гражданина-банкрота может обладать человек, у которого имеются долги на сумму не менее пятьсот тысяч рублей, имеется просрочка по выплатам более чем на три месяца.

Практически, банкротство индивидуального предпринимателя и банкротство гражданина не сильно отличается в части процедур признания банкротом, а также по очереди удовлетворения требований кредиторов и другим этапам банкротства.

Например, до введения изменений в законодательство по завершению процедуры банкротства индивидуального предпринимателя списывались долги с учетом следующей особенности: списанию не подлежала задолженность по банковским кредитам, которые были оформлены на физического лицо. Задолженность по кредитным картам и долгам, вытекающая из расписок физических лиц и иные долги, которые не связаны с предпринимательской деятельностью, оставались числиться за должником.

Существенным и определяющим фактом в данном случае являлась сторона сделки, субъект сделки при ее оформлении, выступал ли гражданин как индивидуальный предприниматель или как физическое лицо. Ранее была возможность осуществить списание указанных долгов, если сам кредитор подавал заявление и указывал данные обязательства в процедуре банкротства индивидуального предпринимателя.

Таким образом, у кредиторов-банков была юридическая возможность оформлять кредитные обязательства как потребительские кредиты, а у предпринимателя после прохождения процедуры банкротства оставались несписанные долги, оформленные на физическое лицо.

Часто на практике до введения процедуры банкротства гражданина кредитные организации предоставляли кредитные средства субъектам малого бизнеса предпринимателям, но оформление происходило на субъекта - физическое лицо. Тем самым, при возможном банкротстве индивидуального предпринимателя обязательства по потребительским кредитам при наличии воли кредитора не входили в конкурсную массу должника, что сейчас невозможно.

Этот же принцип относился к имуществу индивидуального предпринимателя и на включение или невключение в конкурсную массу имущества влиял факт приобретения имущества для предпринимательской деятельности или же для личного использования.

Благодаря введению процедуры банкротства гражданина, необходимость разбираться в субъекте, в источниках формирования имущества, в целях приобретения имущества, а также во многих других правовых аспектах индивидуального предпринимателя или гражданина отпала.

При банкротстве гражданина, формировании конкурсной массы должника основной фигурой Закон о банкротстве определил арбитражного управляющего, который с учетом стадии банкротства имеет название финансовый управляющий или конкурсный управляющий.

Так, закон о банкротстве указывает, что государственная регистрация гражданина в качестве индивидуального предпринимателя должна прекращаться в случае принятия судом решения о том, что предприниматель признается банкротом и вводится стадия реализации его имущества.

По закону арбитражный управляющий приобретает права и обязанности, которые на определенных стадиях банкротства расширяются, что в определенный период банкротства приводит к приобретению прав должника в полном объеме, а также к принятию обязательств по сопровождению всех процедур.

Банкротство гражданина предполагает, что все его функции выполняются арбитражным управляющим, который обязан решить несколько основных задач: сформировать и увеличить конкурсную массу должника, тем самым удовлетворить максимальное количество требований кредиторов.

В рамках Закона о банкротстве для того, чтобы сформировать конкурсную массу и удовлетворить все обязательственные требования кредиторов, арбитражный управляющий занимается спорами, связанными с оспариванием сделок должника, а также со взысканием дебиторской задолженности и участием в иных спорах.

Рассмотрим вопрос, что же входит «в конкурсную массу гражданина банкрота. В соответствии с законодательством, в конкурсную массу возможно включить всё имущество должника, а также его доли в общем имуществе. Исключению составляет то имущество» [1], на которое законодатель ограничивает возможность обращения взыскания. Должник обязан представить управляющему сведения о своём имуществе, а также о том, где данное имущество находится.

Как известно, согласно ст. 34 СК РФ: общее имущество супругов – это имущество, которое было нажито супругами в период брака.

Титульный владелец в данном случае совершенно не учитывается, такое имущество потенциально включается в конкурсную массу банкрота. При этом не нужно забывать, что еще 1998 году было разъяснено по вопросу личного имущества, а рассмотрение возможности включить в конкурсную массу данное имущество в процедуре банкротства влечет множество проблем, споров.

Так, согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», не признается общим имущество, которое получил супруг в результате дарения или наследования, а также приобретаемое на исключительно личные средства.

Мы считаем необходимым остановиться на наличии в правоприменительной практике проблем, лежащих в области банкротства гражданина и как следствие этого, вытекающие споры между супругами при формировании конкурсной массы должника, определение долей, раздела имущества супругов.

Данные споры можно отнести к отдельным категориям споров, по которым имеется неоднозначная правоприменительная практика, мнения различных арбитражных судов Российской Федерации. Например, вопрос: к компетенции какого суда указанные споры должны относиться?

В отечественном процессуальном законодательстве установлено, что споры, связанные с разделом имущества, должны рассматриваться в судах общей юрисдикции, при наличии спора об имуществе супругов, которое является частью конкурсной массы, подлежат рассмотрению в арбитражном суде. Однако в настоящее время складывается различная правоприменительная практика. Рассмотрим данный вопрос на примере определения Верховного Суда РФ от 06.03.2018г., дело № 6-ГК 18-1 [2].

Так, определением указанные нормы и их правовой смысл был определен следующим: подведомственность дел определяется с учетом характера правоотношений и их субъектного состава. В данном определении рассматривался спор между супругами о разделе совместно нажитого имущества, а также о признании права собственности на долю в этом имуществе. Истец Поро...ва Н.И. (далее супруга) указывала, что состоит в браке с февраля 1993 года с Про..вым А.В. (далее супруг), спорное имущество нажито сторонами в браке. Арбитражный суд Рязанской области 01 марта 2017 года Поро..ова А.В. признал банкротом, в его отношении введена процедура банкротства – реализация имущества. Отсутствуют общие долги, общих несовершеннолетних детей нет. При этом

стороны не достигли соглашения по добровольному разделу имущества, являющегося общей совместной собственностью. Супруг отказал в разделе совместного нажитого имущества.

Супруга обратилась с указанным спором в суд общей юрисдикции, однако Михайловский районный суд Рязанской области прекратил производство по делу, также апелляционная инстанции поддержала доводы суда первой инстанции и отказала в жалобе. В своей кассационной жалобе супруга поставила вопрос о передаче дела на рассмотрение в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, указав на необходимость отмены судебных актов, так как они были приняты с существенными нарушениями норм материального и процессуального права.

Верховный суд РФ признал, что нижестоящими инстанциями были допущены существенные нарушения.

Так, суд первой инстанции в обосновании прекращения производства по делу ссылался на то, что заявление супруги возможно рассмотреть только в Арбитражном суде путем ее личного участия в деле о банкротстве супруга. Супруге необходимо было участвовать в процессе в качестве кредитора, являясь стороной при разрешении вопроса с реализацией общего имущества. Также суд первой инстанции указал, что невозможно рассмотреть в суде общей юрисдикции дело, если один из супруг был признан банкротом. В этом случае возможно получить свою долю только из средств, полученных в результате реализации общего имущества.

Впоследствии, как уже было отмечено, с данными выводами суда согласилась апелляционная инстанция суда общей юрисдикции. Верховный Суд РФ определил следующие правовые аспекты.

Поскольку требования супруги основаны на положениях гражданского и семейного законодательства, направлены на защиту прав и законных интересов, как собственника спорного имущества, она не является кредитором. Следовательно, суды нижестоящих инстанций неправомерно прекратили производство по настоящему делу.

Анализ определения позволяет сделать следующие выводы: у супруги есть возможность обратиться в арбитражный суд, который рассматривает дело о банкротстве, и заявить самостоятельные требования касательно реализации общего имущества. В этом случае часть средств будет выплачиваться супруге, согласно её доле в имуществе, остальная же часть будет направлена в конкурсную массу супруга-должника для удовлетворения требований других кредиторов.

Требования могут быть заявлены не в рамках банкротства, если супруга не является кредитором в рамках Закона о банкротства, ее требования не были заявлены в процедуре банкротства, спор должен рассматриваться в судах общей юрисдикции. В таком случае супруге необходимо обратиться в суд, разделить совместно нажитое имущество и выделить в нем долю, либо же возможно признать имущество общей собственностью.

Также можно сделать еще один вывод, что применение вышеуказанных норм относится к имуществу супругов, которое находится в режиме общей совместной собственности.

При анализе правоприменительной практики и норм ст. 213.26 Закона о банкротстве, можно сделать ещё один вывод: ряд судов считает, что если доля супруги не выделена в натуре, то, несмотря на наличие решения суда о разделе совместно нажитого имущества на доли в праве собственности, реализации в рамках дела о банкротстве подлежит все имущество (включая и долю супруги). Свою часть из общего имущества можно получить после реализации имущества, которая проходит в рамках п.7 ст.213.26 Закона о банкротстве.

Указанный вывод, например, нашел свое отражение в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа, номер дела: А60-24223/20161, на решение Арбитражного суда Свердловской области от 18.07.2016 г. [3], которым требования Ф..ой Ю.С (супруга) об исключении из конкурсной массы должника Фен..а А.Н. (супруга) ее доли в праве собственности было отказано.

Супруга считала, что с учетом наличия решения суда общей юрисдикции о разделе общего имущества супругов между субъектами и тем, что режим совместно нажитого имущества прекращен, она имеет право исключить из конкурсной массы имущества должника свою долю. Заявитель ссылалась, что с учетом решения суда общей юрисдикции за каждым признано право личной собственности на 1/2 доли в праве общей долевой собственности, речь идет о недвижимом имуществе – помещении.

Однако право собственности на данные доли не было зарегистрировано в Управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, соответственно, арбитражный управляющий абсолютно законно включил это имущество в состав конкурсной массы.

Апелляционная инстанция указала, что согласно п. 1 ст. 213.25 Закона о банкротстве все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и введении процедуры реализации имущества гражданина, а также выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, составляет конкурсную массу, за исключением имущества, определенного пунктом 3 данной статьи.

В данном Постановлении суд четко определил правовой статус имущества, стороны не произвели выдел доли в натуре по нормам ст. 252 ГК РФ.

При этом очень важно остановиться на еще одном выводе суда, отраженном в данном Постановлении, а именно: «супруга не предоставила доказательства возможности выдела доли в натуре». Получается, что, если в данном рассматриваемом процессе суду была предоставлена экспертиза о возможной выдели доли в натуре, а также с учетом наличия решения суда о разделе совместно нажитого имущества, суд имел право рассмотреть вопрос об исключении спорной доли из конкурсной массы и вынести положительное решение по данному вопросу.

На основании вышеизложенного, с учетом рассмотренной правоприменительной практики можно сделать вывод, что положения пункта 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве действуют только в ситуациях, когда имущество супругов находится в общей совместной собственности супругов, а не в долевой. При наличии долевой собственности, которая выделена в натуре, собственник данной доли, который не является банкротом, может ее исключить из конкурсной массы имущества супруга-должника.

Также хотелось бы рассмотреть еще одну из немаловажных проблем, которую можно определить как добросовестность супругов при наличии процедуры банкротства одного из супругов, признание сделок недействительными в рамках банкротства.

В статье Богдановой Е.Е. «Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности» содержится анализ изменений гражданского законодательства, касающихся недействительности сделок с позиции добросовестности, а также рассматривается вопрос на основе зарубежной литературы о перспективах развития института эстоппеля [4].

В своей работе автор делает ссылку на появление в отечественном законодательстве нового понятия «добросовестное поведение сторон сделки». Так, автор указывает, что данное понятие становится одним из правил гражданского законодательства, а именно: «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, также и при использовании специальных норм, регулирующих отдельные гражданские правоотношения».

Хотелось бы поставить вопрос: относится ли понятие «добросовестное поведение сторон сделки», в свете норм Закона о банкротстве, признании сделок недействительными по нормам ст. 61.2, 61.3, 61.9 Закона о банкротстве, в частности по выявлению арбитражным управляющим недобросовестного поведения супругов при формировании конкурсной массы должника.

Указанный вопрос рассмотрим на примере правоприменительной практики Ростовской области, а именно Постановления Пятнадцатого Арбитражного Апелляционного суда РО от 07.10.2019г., номер дела А53- 20590/2018 [5].

В рамках дела о банкротстве индивидуального предпринимателя До..ко И.Н. (далее – должник ИП) уполномоченный орган ФНС обратилась в суд с заявлением о признании недействительными договоров дарения, которые были совершены между супругом-должником ИП и с До..ко И.Н. (супругой) в период брака.

Итак, супруг - должник ИП. Имущество, на которое распространялся режим общего совместного имущества супругов, но которое было оформлено на супруга как на единственного собственника или доля в праве собственности, было подарено, часть имущества – земельный участок, доля в праве собственности на земельный участок, нежилое помещение перешло его супруге.

Указанные сделки были осуществлены должником после проведения камеральной налоговой проверки, которой было доначислено налогов на сумму 84,877 мл. руб. и вынесено решение о привлечении супруга ИП к налоговой ответственности.

Из материалов дела следует, что требования уполномоченного органа на сумму 84,877 мл.руб. были включены в реестр требований должника - супруга ИП.

В действиях должника - супруга ИП можно усмотреть умысел в совершенных сделках, поскольку в преддверии своего банкротства указанные сделки влияют на конкурсную массу, тем самым его действия привели к ущемлению прав кредиторов, о чем не могла не знать супруга.

Таким образом, супруг совершил сделку, которая была направлена на причинение вреда имущественным правам кредиторов, такую сделку в соответствии с законодательством необходимо признать недействительной.

Важным условием будет срок совершения такой сделки, в течение трех лет до принятия заявления о признании банкротом должника, а также осведомленность второй стороны об умысле будущего должника. Для того чтобы определить, действительно ли целью сделки было причинения имущественного вреда кредиторам, необходимо прояснить несколько условий. У должника после совершения данной сделки появились признаки неплатежеспособности по обязательствам, либо же сделка совершена безвозмездно или в отношении заинтересованных лиц. Также есть несколько условий, которые свидетельствуют о причинении имущественного вреда:

1. В соответствии с бухгалтерской отчетностью стоимость имущества, переданного по сделки или принятых обязательств, составляет двадцать и более процентов от стоимости всех активов.

2. Должник уничтожил документацию, исказил какие-либо документы, а также не уведомил кредиторов о смене места жительства перед совершением сделки или после совершения. Также сюда входит любое сокрытие своего имущества.

3. Изменился титульный владелец собственности, при этом потенциальный банкрот продолжил использовать данное имущество или активно участвовать и влиять на судьбу отчужденного имущества.

Теперь касательно второй стороны сделки, которая знала или не знала о цели совершения такой сделки и являлась заинтересованным лицом. В случае постановки данного вопроса во внимание принимается то, на сколько второй субъект сделки мог установить истинный умысел совершения данной сделки, действуя разумно и проявляя необходимую осмотрительность.

Тем самым установлена презумпция, что ответчик как заинтересованное по отношению к должнику лицо (в данном случае супруга) знал о наличии указанных обязательств перед уполномоченным органом и, как следствие, о том, что указанные сделки направлены на причинение вреда имущественным правам кредиторов.

В судебном акте суд подтвердил правильность выводов суда первой инстанции, которыми сделки были признаны недействительными и имущество подлежало возвращению в конкурсную массу.

Поскольку в результате совершения оспариваемых сделок земельный участок, доля на земельный участок и нежилое помещение в результате заключения оспариваемых договоров дарения выбыли из совместной собственности должника и его супруги, поступили в индивидуальную собственность супруги должника и по результатам заключения спорных договоров дарения, объем имущества должника уменьшился в связи с отчуждением значительной части недвижимого имущества и при этом отсутствовали поступления каких-либо денежных средств в результате отчуждения, что привело к причинению вреда имущественным правам кредиторов должника ИП.

В данном судебном акте были отражены нормы ст. 10 ГК РФ, и установлено злоупотребление правом в действиях должника и его супруги, т.к. по закону не допускается возможность осуществить гражданские права, если целью является причинение имущественного вреда другим лицам (в данном случае кредиторам), а также недобросовестное осуществление своих прав, это и признается злоупотреблением правом.

В данном случае арбитражный суд применил норму института эстоппеля, в связи с чем судом было отказано лицу в защите его прав в связи с намеренным злоупотреблением правом.

В силу пункта 2 статьи 168 Гражданского кодекса сделка, которая нарушает требования закона или иного акта и посягает на публичные интересы или права третьих лиц, признается ничтожной. Данная санкция применяется, если такая сделка в силу закона является оспоримой либо же необходимо применять иные последствия нарушения, которые являются несвязанными с недействительностью сделки.

Высший Арбитражный суд РФ в своем постановлении № 32 от 30 апреля 2009 года установил, что для обеспечения защиты интересов и прав кредиторов, арбитражном управляющему или кредитору необходимо отстаивать права, заявлять о недействительность сделок, если таковые направлены на нарушение прав кредиторов, а также их законных интересов [6].

Для того чтобы признать злоупотребление правом при подписании сделки, необходимо установить наличие умысла у сторон сделки. Т.е. каждый из участников должен был осознавать, что его действия направлены на причинение имущественного вреда другим лицам. Злоупотребление правом должно быть очень явным, чтобы отсутствовали какие-либо сомнения в цели совершения такой сделки.

В прошлом примере судом было установлено, что на момент заключения договора у должника имелись неисполненные обязательства перед кредитором, данные обязательства были включены в реестр требований кредиторов. При этом должник по средствам заключения договоров умышленно нарушил интересы кредитора, при этом не осуществляя выплат.

В результате ФНС как кредитор не смогла бы получить удовлетворения своих требований за счет средств, вырученных от реализации имущества. Суд учел все вышеуказанные обстоятельства, которые свидетельствовали о недобросовестном поведении сторон сделки, а также об отсутствии у них иных целей, кроме уменьшения размера конкурсной массы.

Теперь хотелось бы затронуть еще один вопрос о совместном (семейном) банкротстве супругов. В результате анализа правоприменительной практики в вопросах судьбы совместного имущества супругов в банкротстве, мы делаем вывод, что не всегда существует единый подход судебных органов к разрешению данной проблематики.

Эта проблема существует, поскольку Закон о банкротстве процессуально не предусматривает совместное банкротство мужа и жены, в нем отсутствует процессуальный механизм, неизвестно, как поступать супругам, если они желают банкротится совместно, и как в этом случае должен быть определен порядок реализации общего имущества [7].

Так, с начала действия Закона о банкротстве гражданина в судебной практике можно найти судебные дела, по которым суды принимали совместное заявление супругов о банкротстве или при банкротстве каждого из супругов объединяли данные дела в одно производство.

В статье хотелось бы остановиться именно на анализе этих двух подходов и постараться ответить, существует ли в нашем законодательстве механизм совместного банкротства супругов. Например, рассмотрим судебное дело № А45-20897/2015 Арбитражного суда Новосибирской области от 09.11.2015 г., по которому судом было рассмотрено совместное заявление супругов о банкротстве. В указанном деле суд принял к производству совместное заявление супругов и ввел процедуру банкротства в отношении них обоих [8].

Также имеются судебные дела, в которых суды объединили заявления супругов о банкротстве в одно производство. Поскольку суды не всегда одинаково подходили к решению вопроса о совместном банкротстве супругов, Верховный Суд РФ определением от 05.05.2017г. к делу № А56-91219/2016 сделал следующие выводы.

Рассматривая возможность подачи совместного заявления на банкротство, суд установил, что с учетом наличия процессуальной возможности подачи заявления от каждого из супругов на банкротство, суды не должны принимать и рассматривать совместное заявление супругов на банкротство. Подача заявления от каждого из супругов не ограничивает их право на самобанкротство [9].

Вышеуказанная судебная практика отвечает на вопрос в ситуации, когда гражданин принял решение банкротиться самостоятельно. А возможно ли в настоящее время подача заявлений от кредиторов на банкротство супругов совместно? Для ответа на этот вопрос также отсутствует однозначный судебный механизм.

Согласно ст. 45 СК РФ установлена норма, которая закрепляет право одного из супругов не нести ответственность по обязательствам первого супруга, при условии отсутствия со стороны супруга обеспечения в виде поручительства.

Подача общего заявления в отношении супругов на банкротство для кредитора решила бы проблемы, которые возникают при формировании конкурсной массы и реализации имущества. В рамках закона предусмотрена реализация всего имущества супруга банкрота для погашения обязательств.

Фактически, когда кредитор осуществляет данное право, это, естественно, затрагивает и интересы другого супруга, когда в рамках банкротства происходит реализация имущества, которое находится в режиме совестного пользования супругов [10].

Возникает вопрос: а указанная реализация права кредитора не несет характер совместного банкротства супругов, поскольку кредитору Закон о банкротстве предоставил такое право определения имущества, подлежащего реализации. Например, при банкротстве одного из супругов имеются совместные обязательства, супруги выступают созаемщиками по ипотечному кредиту.

Как правильно кредитору реализовать свое право на подачу заявления о банкротстве, ответов в настоящее время в законодательстве о банкротстве нет. Может поэтому банки при оформлении ипотечного кредита кредитные обязательства оформляют с одним из супругов, а второй супруг предоставляет обеспечение в виде поручительства.

Такое оформление ипотечных обязательств осуществляется, например, в Банке ВТБ (ПАО), в Сбербанке РФ и иных банках РФ.

Если кредитор включается в реестр требований должника, то сумма по ипотечным обязательствам обеспечена залогом и реализация данного залога в банкротстве приведет к утрате совместного имущества, находящегося в залоге у банка. Не является ли это фактически семейным банкротством?

Думается, что понятие семейное банкротство при реализации прав кредитора, чье право требований выражено в обеспечении имущества по ипотечному кредиту, имеет быть на практике. В таких банкротствах не нужно определять, является ли имущество совместной собственностью супругов, поскольку в данном случае начинают работать нормы ФЗ «Об ипотеке» и юридические последствия ипотеки в силу закона. Кредитор включается в процедуру банкротства как залоговый, а денежные средства при реализации имущества направляются на погашение долгов залогового кредитора, с учетом процентов, установленных Законом о банкротстве и прав арбитражного управляющего на часть денежных средств, вырученных от реализации залогового имущества.

Литература

1. Ломакина П.А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Издательская группа "Закон" (Москва). 2018. № 5. С.90-119.
2. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06032018-n-6-kg18-1/
3. URL:http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=
4. Богданова Е.Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности /Законы России: опыт, анализ, практика . М., 2016. № 8. С. 80-86.
5. URL:https://15aas.arbitr.ru
6. URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691083/
7. URL:https://www.garant.ru/article/1154132/
8. URL:https://sudact.ru/arbitral/doc/xvfIw6u5DAVX/
9. URL:https://base.garant.ru/71670346/
10. URL:https://advokat-poluektov.ru/publish/supruzheskaya-dolya-pri-bankrotstve-fiz-lic/

УДК 347.19

УПУЩЕННАЯ ВЫГОДА И НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

© 2020 г. Л.В. Лапач

Южный федеральный университет
344000, Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105

Southern Federal University
105, Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344000

В статье были исследованы отдельные вопросы практической реализации норм об убытках и неосновательном обогащении в процедуре банкротства предприятий. Автором проанализированы основания и последствия применения указанных институтов в конкурсном процессе. Сделаны выводы относительно условий квалификации стоимости пользования как последствия реституции для целей включения в реестр требований кредиторов лица, находящегося в процедуре банкротства.

Ключевые слова*: банкротство, убытки, упущенная выгода, реституция, стоимость пользования*

The article examines certain issues related to the practical implementation of rules on losses and unjustified enrichment in bankruptcy proceedings. The author analyzes the grounds and consequences of applying these institutions in the competitive process. Conclusions are drawn regarding the conditions for qualifying the cost of use as the consequences of restitution for inclusion in the register of creditors' claims of a person in bankruptcy proceedings.

Keywords*: losses and unjustified enrichment, bankruptcy, proceedings restitution*

Процедура конкурсного производства, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, осуществляется с целью максимального полного удовлетворения требований всех кредиторов. Такое удовлетворение производится за счет конкурсной массы должника, в связи с чем одной из основных обязанностей конкурсного управляющего является поиск и накопление имущества, ранее выбывшего из владения должника по различным основаниям.

Выполняя эту функцию, конкурсный управляющий оспаривает сделки как по специальным банкротным основаниям, так и по общим основаниям ст.10 и 168 ГК РФ.

Наибольшие сложности вызывает не только и не столько оспаривание самих сделок, по которым имущество выбыло из владения должника, а правовая квалификация последствий владения. Общим местом в праве является констатация такого очевидного последствия недействительности сделки как реституция – каждая из сторон этой сделки возвращается в положение, существовавшее до сделки.

Однако не все так просто и прозрачно, если предметом сделки являлась передача права аренды земельных участков, в частности земельных участков сельскохозяйственного назначения, и земельные участки передавались в производное пользование по цене, заниженной в десятки, а то и в сотни раз по сравнению с обычными ставками арендной платы.

На вопрос о том, как можно возвратить полученное от состоявшегося пользования по недействительной сделке, ответ дает п.2. ст. 167: при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной

работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

При таком неравноценном предоставлении, когда земельные участки передаются по многократно заниженной стоимости, предметом взыскания является разница между фактически уплаченной арендной платой и его реальной рыночной стоимостью, которая применительно к диспозиции ст.167 ГК как раз и является той самой «стоимостью пользования», которую следует возместить в рамках применения последствий недействительности сделки.

И тут возникает основной вопрос – что такое «стоимость» такого пользования, какая у этой «стоимости» правовая природа. С чисто умозрительной позиции, казалось бы, особого вопроса нет, поскольку очевидность преследуемого стороной материально-правового интереса даже при неверно определенной стороной правовой квалификации не позволит суду отказать в иске.

Но в деле о банкротстве правовая квалификация «стоимости пользования» имеет принципиальное значение, поскольку именно от этой правовой квалификации зависит, будет ли включено требование кредитора в реестр требований к должнику или будет учтено отдельно за реестром, что практически со 100% вероятностью означает, что этот кредитор не получит ничего и никогда. В том случае, если суд квалифицирует это требование как упущенную выгоду, то кредитор со своим требованием отправляется за реестр, если как реальные убытки или неосновательное обогащение – требование включается в реестр и шансы получить средства в погашение требований к должнику многократно возрастают.

Итак, одна точка зрения основывается на постулате о том, что такое требование по своей правовой природе представляет собой упущенную выгоду. Так, в силу ст.15 лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения убытков, при этом под убытками понимаются расходы, которые это лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Таким образом, поскольку кредитор передал свое имущество в производное пользование по заниженной цене, он в значительной степени лишился того, на что вправе был бы рассчитывать, если бы его право не было нарушено, действуя в обычных условиях гражданского оборота.

А.В. Егоров называет такие требования «требованиями со сниженным приоритетом» [1], ссылаясь на п.3 ст. 137 Закона о банкротстве. Согласно указанной норме, требования кредиторов третьей очереди по возмещению убытков в форме упущенной выгоды, взысканию неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций учитываются отдельно в реестре требований кредиторов и подлежат удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов. Как разъяснил ВАС РФ в п. 17 Постановления Пленума N 58, в очередности, предусмотренной данной нормой, подлежат удовлетворению также указанные виды требований, возникшие в связи с неисполнением обеспеченного залогом обязательства.

К.И. Скловский считает, что в тех случаях, когда в порядке статьи 167 ГК РФ истребуются не вещи, а деньги, в том числе стоимость пользования вещами, работ или услуг, должен возникать вопрос о правах на имущество. Ведь чтобы истребовать не свои деньги – а деньги всегда принадлежат владельцу как стороне недействительной сделки – нужно обосновать право на их получение. Единственным применимым механизмом здесь оказывается кондикция, так как всякое иное обязательственное основание отпадает, а вещное притязание для истребования денег в принципе неприменимо [2].

Эта точка зрения исходит из того, что правовая природа этой реституционной «стоимости пользования» что угодно, только не упущенная выгода, и, скорее всего, это неосновательное обогащение.

Как пишет Е.А. Суханов, основной целью внеконкурсного оспаривания, несомненно, является возврат имущества должнику для обеспечения возможности обращения взыскания кредитора: реституция в российском гражданском праве направлена на возврат имущества, переданного по недействительной сделке [3]. Различаются реституция владения как механизм возврата индивидуально-определенных вещей и компенсационная реституция как механизм возврата родовых вещей, денег, ценных бумаг на предъявителя и осуществления денежной компенсации при невозможности возврата вещей в натуре без дополнительного предъявления виндикационного или кондикционного иска [4].

Как следует из пунктов 12 и 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (пункт 2 статьи 15 ГК РФ). По смыслу статьи 15 ГК РФ, упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было. Если лицо, нарушившее

право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 2 статьи 15 ГК РФ).

Таким образом, условием взыскания убытков является сам по себе факт нарушения обязательства, а также то обстоятельство, что этот ущерб причинен действиями ответчика.

В ситуации с недействительными сделками по передаче имущества в пользование по заниженной цене, основания для квалификации недополученной части арендной платы, исходя из ее рыночного размера в качестве упущенной выгоды, отсутствуют.

Так, в рамках этих сделок отсутствовал бы основной для взыскания убытков факт наличия обязательства как такового, поскольку сделки по передаче прав на земельные участки признаны недействительными с даты их заключения.

Кроме того, имеющееся обязательство, по смыслу ст.15 ГК РФ для целей квалификации предмета взыскания как убытков, должно быть нарушено действиями ответчика.

Напротив, в такой ситуации обе стороны заключают сделки, действуя с пороками, но разными – арендатор, передающий владение, при неравноценном предоставлении действует неразумно и неосмотрительно, а арендодатель – как раз для себя разумно и осмотрительно, но недобросовестно.

В связи с изложенным, на наш взгляд, такие требования в большей степени соответствуют нормам о неосновательном обогащении.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). При этом правила главы 60 ГК РФ о неосновательном обогащении применяются независимо от того, явилось ли такое обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. В силу статьи 1103 ГК РФ правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения подлежат применению к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке.

В силу названного, с фактического пользователя имущества (ответчика) собственник имеет право взыскать неосновательное сбережение, обусловленное занижением предусмотренной договором арендной платы, которое не относится к последствиям недействительности сделки (постановление АС УО от 01.04.2016 № Ф08-1994/16, оставлено в силе определением ВС РФ от 29.07.2016 № 309-ЭС16-8366).

В соответствии с пунктом 1 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах – если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Соответственно, возникает вопрос о соотношении и конкуренции способов защиты нарушенного права: в каких случаях возможно использование кондикционного требования, а в каких случаях – реституционного.

В соответствии со ст.1103 ГК РФ сторона сделки, признанной недействительной решением суда, вправе обратиться в суд с самостоятельным иском о применении последствий ее недействительности и о взыскании неосновательного обогащения, если это требование не рассматривалось в деле о признании сделки недействительной. По правилам о неосновательном обогащении должны решаться вопросы о стоимости имущества переданного по недействительной сделке имущества, пользования имуществом, выполненных работах и оказанных услугах (ст.1105 ГК РФ).

Таким образом, к реституционным требованиям могут субсидиарно применяться нормы о неосновательном обогащении. В подобной ситуации в условиях признания сделки недействительной нормы о неосновательном обогащении (кондикции) применяются дополнительно (субсидиарно) по отношению к правилам о реституции, что, в частности, следует из подпункта 1 статьи 1103 Гражданского кодекса Российской Федерации. (Определение ВС РФ от 17 августа 2017 г. N 305-ЭС17-3817).

Литература

1. Егоров А.В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов // Вестник гражданского права, 2019. № 1.
2. Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ", 2002. № 8. С.117
3. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 1.
4. Свириденко О.М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальный проблемы российского права, 2002. № 8.

УДК 347.23

ПОНЯТИЕ РЕЖИМОВ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

© 2020 г. А.А. Паршина

Ростовский институт
защиты предпринимателя
344000, Ростов-на-Дону,
ул. Сержантова 2/104

The Rostov Institute
of Protection of Entrepreneur
2/104, Serzhantova str.,
Rostov-on-Don, 344000

В отечественном законодательстве одним из важнейших законов является Гражданский Кодекс РФ. За 26 лет он подвергался значительным изменениям и правкам. При этом нормы, связанные с совместной собственностью супругов, претерпевали незначительные корректировки. Однако даже к их применению возникает очень много вопросов.

Конечно, личные неимущественные отношения являются важнейшей темой для семьи. Но при этом материальная сторона зачастую вызывает большие споры. Имущественные отношения супругов регулируются и семейным и гражданским правом, это необходимо для того, чтобы вносить ясность как в интересах самих супругов, так и третьих лиц. Каждый супруг при нарушении нормы права может ожидать наступления санкций за неправомерное поведение.

Ключевые слова: *имущественные отношения супругов, семейные отношения, общая собственность супругов, совместная собственность, режима имущества супругов, режимы супружеской собственности.*

One of the most important laws in Russian legislation is the Civil Code of the Russian Federation. Over 26 years, it has undergone significant changes and edits. At the same time, the norms related to joint property of spouses underwent minor adjustments. However, even their application raises a lot of questions.

Of course, personal non-property relations are the most important topic for the family. But at the same time, the material side often causes great controversy. Property relations between spouses are regulated by both family and civil laws, this is justified by the need to clarify both in the interests of the spouses themselves and third parties. Every spouse, who violates the rule of law, can expect sanctions for misconduct.

Keywords: *property relations between spouses, on family relationships, matrimonial property, joint property regime, marital property regimes marital property.*

В первую очередь имущественные отношения супругов регламентируются ст. 256 ГК РФ (общая собственность супругов). Главы 7 и 8 СК РФ повторяют данные нормы, несколько детализируя их. Исходя из практики, можем сказать, что нормы Семейного Кодекса РФ по отношению к нормам гражданского являются специальными.

В четвертой статье СК РФ закреплена необходимость прибегать к использованию гражданского законодательства, если отношения нельзя урегулировать с помощью семейного законодательства. Это не противоречит существу семейных отношений и активно применяется на практике. Большая часть имущественных споров между супругами возникает в отношении семейной собственности, в которую включена общая собственность супругов, личная собственность каждого из них, а также собственность иных членов семьи.

В юридической литературе чаще всего уделяется внимание общей собственности супругов. Определение совместной собственности закреплено в ст. 244 Гражданского Кодекса РФ, такой собственностью признается «имущество, которое находится в собственности у двух или нескольких лиц, принадлежит им на праве общей собственности»[1]. При этом доли в данном имуществе не определены, ими возможно распоряжаться с согласия всех сособственников.

В юридической литературе достаточно сложно найти ёмкое и точное определение режима имущества супругов, во многих источниках встречается лишь описание данных режимов.

Режимы имущества супругов – это закрепленная законодателем возможность выбора субъектами правового режима для имущества с целью владения, использования и распоряжения таковым, а также распоряжения своими доходами и иными средствами в установленном законом или договором порядке.

Теперь перейдем к описанию и тонкостям режимов. В Российской Федерации выделяют два режима имущества супругов: законный и договорный. Ст. 33 Семейного Кодекса РФ устанавливает законный режим имущества по умолчанию. Данное правило распространяется на имущество, однако брачным договором возможно установить иное. Договорной режим является альтернативой законному, позволяя субъектам самостоятельно создать нормативную базу для регулирования имущественных отношений посредством брачного договора. Иначе говоря, супруги вправе

пользоваться не только общими правовыми нормами в отношении своего имущества, но и оформить свои имущественные отношения в рамках указанного договора.

Стоит отметить, что законный режим имущества супругов существовал далеко не всегда. До XIX века все имущество признавалось раздельным. Супруги имели право распоряжаться имуществом по своему усмотрению. В случае приобретения имущества, таковое становилось личной собственностью после того, как супруг заплатил свои деньги. Ранее отмечалось, что Февральская Революция не изменила данный подход. Только Кодекс законов РСФСР о браке семье и опеке закрепил положения, на основании которых имущество приобретало статус общего, если было приобретено в течение брака. Если возникал спор, размер доли определялся в судебном порядке.

На данный момент законодатель «относит к общему имуществу доходы, которые получают супруги от трудовой и предпринимательской деятельности. В этот перечень входят результаты интеллектуальной деятельности, а также пенсии, пособия и иные денежные выплаты, которые не имеют специального индивидуального назначения.

Также к общему имуществу закон относит движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, вклады [2] и т.д. Совершенно не имеет значения, на чьё имя было приобретено имущество или открыт вклад. Основным критерием является участие в сделке общих средств супругов, но это также не является строгим правилом. Здесь говорится о тех ситуациях, когда второй супруг в браке мог вести домашнее хозяйство, производить уход за детьми или по иным (уважительным) причинам не иметь дохода, при этом он будет иметь право на часть общего имущества. Тем самым законодатель устанавливает равенство между супругами, давая им возможность реализовать свои права.

При применении данных норм возникает множество вопросов, несмотря на их краткость и простоту. Рассмотрим несколько популярных вопросов.

Первый вопрос – это доходы от трудовой деятельности, в какой именно момент данные средства становятся общим имуществом? Здесь у правоведов существует несколько точек зрения: в момент начисления, в момент внесения их в общий бюджет или же в момент фактического получения одним из супругов.

Также часто возникают вопросы по поводу доходов от предпринимательской деятельности. Такую деятельность возможно осуществлять в коллективных или индивидуальных формах. Если мы говорим об индивидуальной форме, то стоит отметить, что она осуществляется с момента регистрации индивидуального предпринимателя.

Коллективная форма предпринимательской деятельности осуществляется с момента регистрации коммерческой организации. Индивидуальным предпринимателем может быть один из супругов, всё приобретенное имущество должно делиться при разводе. Предварительно необходимо установить, в каких целях расходовались средства, ведь долги могут быть признанными как личными, так и общими.

При этом налоговое законодательство относится отрицательно к разделу обязанностей по уплате налогов. Налоговым кодексом РФ, а именно ч. 2 ст. 44 закреплена норма, которая «возлагает обязанность по уплате определенного налога на конкретного налогоплательщика с момента возникновения установленных законодательством о налогах и сборах обстоятельств» [3].

При толковании норм Семейного и Гражданского кодексов РФ можно сделать вывод, что объекты интеллектуальной собственности и права на них не являются совместно нажитым имуществом. В состав общего имущества необходимо включать только доходы от использования данных объектов.

«Лишь исключительное право на результат интеллектуальной собственности, которое приобрели супруги за счет общих средств, является частью общего имущества» [4].

Пенсии и нецелевые пособия также считаются общим имуществом. выплаты по инвалидности, пособие по беременности и родам, пособие по уходу за ребенком и иные выплаты такого характера не относятся к совместно нажитому имуществу. Здесь действует довольно понятный критерий: «отнести выплату к общему имуществу можно в случае, если конкретная компенсация не несет индивидуально определенный, целевой характер» [5].

Имущество супругов становится общим, если приобретается за счет общих средств. Если рассматриваем ситуацию с недвижимым имуществом, то право возникает с момента регистрации. В случае с движимым имуществом право совместной собственности возникнет после перехода права к супругу. «В ситуации с вкладами, супругу необходимо доказать, что данные денежные средства принадлежали обоим супругам. При этом вклады, которые внесены на имя несовершеннолетних детей, не учитываются при разделе имущества, т.к. не являются общей собственностью» [6].

Рассмотрев основные моменты, делаем вывод о том, что всё нажитое в браке имущество становится общим, но существуют некоторые исключения. Например, ст. 36 Семейного Кодекса РФ исключает имущество, которое принадлежало супругам ещё до вступления в брак. Также исключается имущество, которое супруг получил лично в дар или наследство. Предметы индивидуального

пользования признаются собственностью одного из супругов, за исключением драгоценностей и предметов роскоши. Альбиков И.Р. отмечает, что «отношения супругов по поводу общего имущества основаны на принципе равноправия, который отражен в первой статье Семейного кодекса РФ» [7]. Право использовать, владеть и распоряжаться имуществом входит в содержание права общей собственности.

При совершении какой-либо сделки предполагается, что второй супруг одобряет данное действие. Следовательно, суд может признать сделку недействительной, если совершающий супруг знал или должен был знать о несогласии другого супруга на совершение такой сделки. При этом бремя доказывания ложится на супруга, который хочет признать сделку недействительной.

Что касается договорного режима имущества супругов, то его история в нашей стране началась около 25 лет назад. Советское право не регулировало договорные отношения между супругами. Брачный договор появился уже в законодательстве Российской Федерации, его относят к смешанным договорам, которые регулируются семейным и гражданским правом совместно.

«Если мы рассматриваем данный договор с точки зрения гражданского законодательства, то он регулирует отношения, связанные с режимом имущества супругов, определением прав и обязанностей мужа и жены, разделом имущества. При этом брачный договор может регулировать группу семейных правоотношений (например, алименты), в таком случае договор нельзя считать только гражданско-правовым, о нем следует говорить, как об семейно-правовом соглашении между супругами» [8].

Закон не имеет строгого правила, которое бы содержало временной момент либо период, с которого лица вправе заключить брачный договор. Ведь субъекты могут заключить его и до государственной регистрации и в любое время в течение действия брака.

Также важным вопросом является возможность заключать данные договоры ограниченно дееспособными гражданами. Законодатель оставляет право субъектам заключать мелкие бытовые сделки, к которым брачный договор причислить нельзя. Но в законе не обозначено никаких запретов, поэтому мы считаем возможным осуществлять подписание таких договоров с согласия попечителя.

Важным требованием законодательства является заключение такого договора по своей воле, без введения в заблуждение, насилия и иных неправомерных способов воздействия. Кроме того, «необходимо соответствие внутренней воли супругов, направленной на правовой результат, ее внешнему выражению – волеизъявлению» [9]. Следовательно, такой договор должен соответствовать предписаниям, которые необходимы для признания сделки действительной.

Помимо ограничений со стороны Гражданского Кодекса РФ, договор также не должен содержать нормы, которые запрещают обращаться в судебные органы за защитой прав.

Соглашение между супругами регулирует исключительно имущественную часть жизни семьи в связи с тем, что при неисполнении своих имущественных обязательств, возможно исполнить их в принудительном порядке, что исключает такую возможность с отношениями неимущественного характера. Семейное законодательство ограничивает возможность устанавливать права и обязанности в отношении детей. Если мы проанализируем отечественное законодательство в отношении брачного договора, то сможем сделать вывод, что регламентация данного договора распространяется исключительно на супругов и их имущество.

«Брачный договор не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в неблагоприятное положение» [10]. Однако в нормативных документах не содержится легального определения «крайне неблагоприятное положение».

Антокольская М.В. считает, что таким условием можно признать соглашение, в котором один из супругов отказывается от всего имущества, нажитого в браке и подобные этому [11].

По нашему мнению, необходимо внести некоторые дополнения в действующие нормы, в т.ч. нужно указать конкретные условия, которые ставят супруга в крайне неблагоприятное положение.

Можно разделить условия брачного договора на группы:

1. В отношении правового режима имущества. Супруги наряду с законным режимом могут установить режим раздельной или общей долевой собственности. В договоре возможно прописать сумму, после которой сделки необходимо в письменной форме согласовывать с супругом. Также возможно на определенную собственность установить долевой режим и установить любые доли в процентном соотношении. Супруги в праве установить и раздельный режим для своего имущества, в этом случае имущество, приобретаемое в браке, становится собственностью одного из супругов-приобретателя. На практике в договорах чаще всего используется смешанный тип, который включает несколько видов режимов собственности.

2. Регулирующие обязательственные отношения между супругами.

В договоре возможно указать пункты об обязанности по взаимному содержанию даже после расторжения брака. Супруг, который не занимается трудовой деятельностью, а занимается домашним хозяйством, вправе включить пункт по материальной поддержке со стороны второго супруга после

расторжения брака. Также возможно включить в брачный договор порядок погашения семейных расходов и обязательств.

Брачный договор может быть прекращен по следующим обстоятельствам:

- смерть одного из супругов либо признание его умершим;
- истечение сроков, если такой договор был заключен на определенный срок. Этот вопрос не регламентируется законодателем, чаще всего брачный договор заключается без срока и действует до расторжения брака;
- расторжение по условиям, предусмотренным данным договором либо действующим законодательствам.

Семейный кодекс содержит отсылки к Гражданскому Кодексу РФ в случае необходимости обратиться к основаниям расторжения или изменения брачного договора:

1) при нарушении договора одной из сторон;
2) изменения обстоятельств, которые существовали при заключении договора и являлись важными;
3) иные случаи, установленные в законе или договоре.

Чаще всего у супругов меняется материальное или семейное положение, поэтому возникает необходимость расторгнуть или пересмотреть брачный договор. В связи с этим, актуально звучит предложение вносить изменения в брачный договор в судебном порядке в случае значительного изменения материального или семейного положения одного из супругов.

Недействительным договор может признаваться по двум группам оснований. Первая группа – общие гражданские основания недействительности сделок, которые содержатся в Гражданском Кодексе РФ:

- один из супругов признан недееспособным;
- лицо находилось не в состоянии руководить своими действиями, осознавать их значение и последствия;
- мнимые и притворные сделки;
- проблематика содержания брачного договора;
- недействительность, в случае несоблюдения нотариальной формы заключения брачного договора.

Вторая группа оснований перечислена в семейном законодательстве, она устанавливает свои основания недействительности данного типа договоров:

- признание брака недействительным автоматически аннулирует положения брачного договора;
- наличие иных условий, прописанных в самом договоре.

Каждый из режимов супружеской собственности регулирует отношения между супругами, при этом дополняет друг друга. Если супруги желают получить индивидуальный подход к вопросу регулирования своих имущественных отношений, то заключают брачный договор и прописывают все необходимые условия в этом документе. Однако мы видим некоторые неточности, которые необходимо устранить законодателю в рамках данного режима имущества.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 NN№ 146-ФЗ (ред. от 20.07.2020) // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
4. Ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
5. URL: http://mazkagroup.ru/spetsial-nyye-tselevyye-vyplaty-obshcheye-ili-lichnoye/
6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ /
7. Альбиков И.Р. Юридическая сущность законного и договорного режимов регулирования имущественных отношений супругов // Нотариус. 2010. № 5. С. 31.
8. Малянова О.А. Договорный режим имущества супругов // ОГАРЁВ-ONLINE. 2015.№ 9 (50).С. 7.
9. Малянова О.А. Договорный режим имущества супругов // ОГАРЁВ-ONLINE. 2015.№ 9 (50).С. 7.
10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ
(ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.
11. URL:https://forum.garant.ru/?read,7,1374049

УДК 34.07

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ НОТАРИАТА

© 2020 г. С.Е. Хейгетова, С.К. Меликсетян

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье раскрывается институт международного нотариального сотрудничества. Рассматриваются различные формы сотрудничества в сфере нотариата, их необходимость и перспективы развития. Особое внимание уделено вопросу правовых коллизий, которые встречаются в законодательстве и нередко вызывают усложнение нотариальной процедуры.

***Ключевые слова**: международное частное право; международный нотариат; международное нотариальное право, нотариат, международное сотрудничество, интеграция, международный договор.*

The article reveals the institution of international notarial cooperation. Various forms of cooperation in the field of notaries, their necessity and prospects for development are considered. Special attention is paid to the issue of legal conflicts that occur in legislation and often cause complication of the notary procedure.

***Keywords**: private international law; international notary; international notarial law, notary, international cooperation, integration, international contract.*

В международных правовых отношениях нотариус играет неоспоримо важную роль, особенно в вопросах, касающихся наследственного права, прав, связанных с недвижимым имуществом, семейными правоотношениями, удостоверением и хранением документов, сопровождением сделок, совершенных с иностранными контрагентами, а также обеспечением исполнения обязательств каждой из сторон. Прежде всего, следует определить понятие международного нотариального права. Международное нотариальное право представляет собой систему норм, нацеленных на урегулирование действий нотариальных органов, которые затрагивают права нескольких государств. По своей сущности они выступают процессуальными нормами.

Нотариальные услуги пользуются повышенным спросом, что обуславливается, в частности, возрастающими темпами иммиграционного процесса населения, вызванных порой весьма необычными причинами. Например, согласно статистике Евростата Мальта и иные «карликовые» европейские государства лидируют по количеству прибывающего в Европейский Союз населения. Причиной тому является явная привлекательность гражданства страны за сравнительно небольшие деньги. Но в то же время перед иммигрирующим населением встает вопрос о необходимости приобретения недвижимости за определенную сумму и удостоверения данных сделок. Это обстоятельство позволяет обеспечивать нотариусов Мальты достаточной работой уже на протяжении многих лет.

Рассмотрим особенности осуществления нотариальных сделок, осложненных иностранным элементом, как на примере европейских стран, которые представляют латинский нотариат – старейшую доминирующую нотариальную систему, которая была создана в начале 19 века, – так и на примере иных стран со схожей или отличающейся нотариальной системой.

Каждый отдельный случай в нотариальной практике является по своей сути уникальным, поэтому зачастую даже отработанные годами и не вызывающие сомнений вопросы осложняют нотариальный процесс, а при недостаточно ответственном подходе даже могут привести к негативным последствиям.

Национальное и международное законодательство в своей совокупности определяет компетенцию нотариуса при его работе с иностранными правовыми отношениями. Иностранные граждане вправе обратиться к нотариусу по всему миру, однако только для совершения определенных нотариальных действий, так как некоторые нотариальные действия относятся к исключительной компетенции только местных нотариусов [1]. Например, исключительной компетенцией является регистрация прав на недвижимость, то есть по общему правилу имущественные права могут быть удостоверены только местным нотариусом в стране нахождения недвижимого имущества [12, с. 274].

Еще одной особенностью, требующей своего внимания, является различие международных и национальных требований законодательства, касающихся оформления документов, наличия необходимости или его отсутствия удостоверения документов и порядка их исполнения. Так, не все национальные законодательства считают, что доверенность, которая была выдана за рубежом, подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Так, например, законодательство Швейцарии не закрепляет обязательное соблюдение этого условия. В России, наоборот, в соответствии с нормами Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), нотариальные сделки, непременно

должны быть подкреплены удостоверенной доверенностью [4]. Компетентному нотариусу также важно учитывать еще одно условие, касающееся порядка исполнения актов, основывающегося, как правило, на началах добровольного исполнения. Однако некоторые международные договоры предусматривают принудительное исполнение наряду с судебными также и нотариальных актов, имеющих исполнительную надпись. Акты, которые были созданы в одной стране, подлежат обязательному принудительному исполнению в другой стране [11]. В связи с тем, что результат работы нотариуса оформляется в виде письменного документа, то к его оформлению предъявляются определенные требования законодательства, а стороны процесса должны быть надлежащим образом уведомлены об особенностях его применения на территории иностранных государств.

Участию в основной части нотариального процесса – работе с необходимой документацией – предшествует проведение нотариусом всестороннего анализа сложившейся ситуации, изучение имеющейся информации, поиска взаимосвязанности элементов правоотношения. Прежде чем приступить к работе, нотариусом должны быть получены ответы на основные фундаментальные вопросы, среди которых следующие: что выступает объектом правоотношения, кто является субъектом, какими правами и обязанностями обладают стороны относительно друг друга, контрагентов, своего или иностранного государства. Поскольку нотариус получает и анализирует все необходимые сведения от сторон процесса, то на первоначальном этапе следует получить информацию о местонахождении лиц и их имущества, узнать их происхождение, а также понять, какого результата хотят добиться стороны своим обращением к нотариусу. Кроме того, нотариус должен отчетливо понимать, какие правовые последствия и в каком объеме могут возникнуть у лиц в иностранных государствах после совершения нотариальных действий [15, с. 60].

При первоначальном анализе нотариусом должен быть учтен весь спектр правовых ситуаций, с которыми могут обратиться клиенты, учитывая тот факт, что данный спектр весьма широк. Научная литература выделяет несколько вариантов правовых ситуаций [13]:

1. Ситуации, которые изначально имеют международный характер. Это преимущественно межнациональные браки, которые набирают популярность, бракоразводные процессы, процессуальные дела, касающиеся наследственного права, в том случае если имущество находится в иностранном государстве, и тому подобные ситуации.

2. Либо иные ситуации, которые возникают на национальном уровне и после переходят в международный. Например, российский гражданин проживает и завещает свое имущество в Москве, но спустя некоторое время, получая австрийское гражданство, умирает в Вене. В данной ситуации возникает иностранный элемент, образуется трансформация правоотношения. В настоящее время доля дел, осложненных иностранным элементом, существенно возрастает. Соответственно, перед нотариусом лежит задача по отслеживанию и анализу таких ситуаций. Т.е. нотариус должен уточнять у сторон, планируют ли они переезд и какие у них на то есть основания.

Еще одна особенность проведения нотариальных действий с иностранным элементом заключается в установлении личности иностранца и правового статуса организации.

Многие российские правоведы, среди которых необходимо выделить Медведеву И.Г., Яркову В.В., исследовали проблему установления личности и дееспособности граждан. Ряд проводимых исследований направлен на глобальный поиск возможностей установления точных критериев, определяющих личность, а также перечень документов, сопровождающий иностранное лицо для подтверждения своей личности. Однако многие авторы в процессе работы приходят к выводу, что перечень документов не должен быть императивным, а должен зависеть от каждой конкретной ситуации [16]. В Российской Федерации такой перечень документов, необходимых для представления иностранным гражданином, установлен п. 10 Приказа Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 [8].

Рассмотрим, каким образом урегулируется вопрос установления личности иностранцев в некоторых европейских государствах. Согласно статьям 85-87 Закона Польской республики о нотариате в обязанности нотариуса входит подтверждение личности лиц, которые участвуют в нотариальном процессе, на основании «документов, установленных законом, или способом, который ликвидирует все сомнения по поводу личности иностранного лица». Однако императивный перечень необходимых документов в Законе не регламентирован. Закон о нотариальной процедуре Республики Молдова в статье 12 указывает, что обязательной идентификационной информацией для иностранных граждан являются: «фамилия, имя, государственный идентификационный номер физического лица (IDNP), серия и номер удостоверяющего личность документа, гражданство иностранца и заявленное место проживания, если оно не указано в документе, на основании которого устанавливается идентичность» [7].

Юридические лица наравне с физическими должны представить перечень документов, подтверждающих их статус и налоговую принадлежность к какой-либо стране. Нотариус проводит анализ представленных документов и только после этого устанавливает их «личный закон», правоспособность и дееспособность.

Таким образом, первоначальный анализ возникшей ситуации и проведение идентификации сторон выступает важным этапом совершения нотариальных действий, осложненных иностранным элементом. Без проведения вышеуказанных требований невозможно начать нотариальные действия.

Чтобы успешно совершать нотариальные действия, осложненные иностранным элементом, нотариус должен руководствоваться прежде всего «Основами законодательства Российской Федерации о нотариате» (далее – Основы). Этот документ закладывает основополагающие принципы нотариальной деятельности на территории России [10].

Кроме того, в Основы включены нормы, которые регулируют совершение нотариальных действий, не предусмотренных российским законодательством. Нотариальная деятельность в Российской Федерации регулируется не только Основами, кодексами и федеральными законами, но также неотъемлемой частью правового регулирования деятельности нотариусов выступают международные договоры, в соответствии с которыми российские нотариусы имеют право на передачу органам юстиции зарубежных стран поручений по отдельным нотариальным действиям. Основами законодательства о нотариальной деятельности помимо прочего установлен порядок применения нотариусами иностранных правовых норм, содержатся указания, относящиеся к совершению отдельных нотариальных действий. Если же в сложной ситуации нотариусу необходимо обратиться к нормам международного права, то статьей 109 Основ определен приоритет применения международного права, что также указано и в ст.15 Конституции РФ [3].

Россия участвует во многих двухсторонних договорах об оказании правовой помощи, которые были заключены еще в период Советского Союза. В этих договорах содержатся руководящие принципы, порядок сотрудничества различных государств, компетентные государственные структуры и организации, порядок признания юридической силы документов и другие положения, которые затрагивают международные отношения в правовой сфере, в целом, и в сфере нотариата, в частности. Российской Федерацией заключены двухсторонние договоры с Чехией, Польшей, Италией и другими странами. Перед применением иностранных норм права нотариус должен узнать, имеет ли Россия договор с данным государством. Многие из договоров являются консульскими конвенциями или договорами о правовой помощи.

Кроме двусторонних договоров Россия участвует и в многосторонних соглашениях. Таковой является, например, Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. В Конвенции содержатся положения, касающиеся порядка принятия и исполнения правовых актов, порядка взаимодействия компетентных органов, объемов правовой помощи и другое. В Минской Конвенции содержатся положения, непосредственно касающиеся деятельности нотариата, среди которых есть, например, статья 2 Конвенции, в соответствии с которой в странах, являющимися участницами, порядок возмещения издержек, связанных с нотариальной деятельностью, является абсолютно одинаковым как для иностранных граждан, так и для граждан страны, в которой обратились к нотариальным услугам.

В 2002 году страны СНГ создали аналогичную Минской по содержанию Кишиневскую Конвенцию, положения которой не распространяются на Российскую Федерацию. Однако в Кишиневской Конвенции содержатся оговорки некоторых стран, которые касаются ряда положений. Например, Украиной и Арменией было указано, что они будут исполнять все оговоренные решения на территории Договаривающихся стран, кроме нотариальных актов, касающихся денежных обязательств.

Тем не менее, к ряду международных соглашений, касающихся международного наследственного права, ни Россия, ни другие страны не присоединились.

Одним из таких соглашений стала Вашингтонская Конвенция о форме международного завещания [2], устанавливающая основные требования к форме завещания и согласно статье 8 Конвенции не допускающая никаких оговорок.

Таким образом, в международных договорах и соглашениях содержится значительный спектр положений, относящихся, прямо или косвенно, к осуществлению действий в сфере нотариата, которые осложнены иностранным элементом. Помимо существующих правил взаимодействия нотариальных органов и государственных структур, международные договоры также можно применять относительно установления консульских полномочий по совершению отдельных видов удостоверительных полномочий. Однако главная цель нотариуса при обращениях к международным договорам заключается в поиске имеющихся правовых коллизий и необходимых норм, подлежащих применению в рамках нотариальной деятельности, осложненной иностранным элементом. Нотариус должен понять, право какого государство должно быть применено, найти необходимую коллизионную норму, то есть пошагово проанализировать законодательство, руководствуясь при этом отсылочными нормами к иностранному праву. Нотариус должен принять решение, какой правопорядок должен использоваться при решении поставленной правовой задачи. Самой простой коллизионной нормой может послужить, например, разный возраст наступления дееспособности граждан различных стран.

После определения, что стороны правоотношения являются иностранными гражданами или организациями и обратились за удостоверением правоотношений, порождающих правовые последствия за рубежом, нотариус может переходить к поиску необходимых коллизионных норм.

В соответствии со статьей 109 Основ, при совершении нотариальных действий нотариус, прежде всего, должен руководствоваться положениями международного договора, следовательно, важно проверить, имеется ли такой договор с другим государством. Международные договоры относят к источникам коллизионных норм, независимо от того, двухсторонние это договоры или многосторонние.

В качестве примера расхождения между нормами национального законодательства и международного договора можно привести следующую ситуацию: в ст.161 Семейного Кодекса РФ (далее – СК РФ) указано, что правоотношения супругов устанавливаются правом той страны, где находится место их совместного проживания, а в случае его отсутствия – в стране нахождения последнего места проживания [5]. В свою очередь, п.2 ст.27 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам устанавливается положение о том, что если супруги проживают в разных странах, то, соответственно, применяется закон страны их общего гражданства. В данном случае при обращении с соответствующим запросом нотариусом будут применяться положения Конвенции.

Но, к сожалению, далеко не все вопросы, которые рассматриваются нотариусом, урегулированы нормами международного права. Если соответствующие договорные нормы отсутствуют, то подлежат применению коллизионные нормы национального законодательства. В российском праве коллизионные нормы содержат Гражданский кодекс, Семейный кодекс, Кодекс Торгового Мореплавания [6] и иные НПА. Например, Минская Конвенция не содержит коллизионные нормы для определения права, которое подлежит применению в некоторых видах договорных отношений. В таких случаях применяются коллизионные нормы Гражданского Кодекса Российской Федерации [9]. Если отсутствует возможность определения права, подлежащего применению, исходя из норм международных договоров, национальных коллизионных норм, в том числе специальных (раздел VI ГК РФ, раздел VII СК РФ), необходимо применять право государства, с которым правоотношение наиболее тесно связано (Proper law), согласно с п.2 ст.1186 ГК РФ. Для применения данного принципа необходимо установление территориальной привязки. Территориальная привязка физических лиц определяется их гражданством, а юридических – местом нахождения обособленного подразделения, места деятельности и т. д.

Зачастую возникают ситуации, при которых коллизионные нормы отсылают обратно к праву той страны, в законодательстве которого изначально содержится. В этом случае образуется конфликт коллизионных норм. Важно учитывать, что в соответствии со ст. 1190 ГК РФ отсылка коллизионной нормы российского права к иностранной коллизионной норме рассматривается в качестве отсылки не к коллизионному, а к материальному праву иностранного государства, следовательно, в случае обратной отсылки или отсылки к праву третьей страны в большинстве случаев подлежит применению иностранное право. Исключением являются лишь нормы, касающиеся правового положения физических лиц, в случае обратной отсылки к российскому праву, однако принятие данной отсылки в этом случае, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24, остается на усмотрение суда в зависимости от правой ситуации.

В нотариальной практике иногда случается так, что невозможно применить нормы иностранного права. Такая ситуация возникает по двум основным причинам, указанным в правовой литературе [14, с. 39]:

1) нотариусу не удается установить необходимую коллизионную норму после всех предпринятых попыток и он вынужден использовать нормы национального материального права;

2) иностранный порядок противоречит императивным нормам национального законодательства. В качестве примера может послужить невозможность регистрации брачного договора однополой пары, так как согласно ст.1 СК РФ браком является «союз между мужчиной и женщиной». Однополые браки в Российской Федерации не признаются официально.

Таким образом, нотариус должен учитывать все особенности законодательства иностранного государства и предупреждать клиентов о том, что нормы иностранного правопорядка, желательные для применения, не соответствуют национальным нормам.

Подводя итог, следует отметить, что в процессе осуществления нотариальных действий, осложненных иностранным элементом, нотариусу необходимо предпринять особые действия, которые во многом отличаются от проводимых с национальным законодательством. После обращения иностранного клиента перед нотариусом, в первую очередь, лежит задача по определению своей компетенции и выстраиванию целостной картины проблемы, которую предстоит решить. Следующим важным этапом является идентификация сторон, физических и юридических лиц, то есть проверка их отношения к иностранному правопорядку. И только после завершения этапов подготовки нотариус может приступать непосредственно к совершению нотариальных действий. На этапе совершении нотариальных действий основной задачей, стоящей пред нотариусом, является осуществление выбора применимого

права для имеющегося правоотношения. Выбор применимого права основывается на анализе положений актуального на момент совершения нотариального действия законодательства. Учитывая требования Основ законодательства о нотариате, поиск применимого права должен начинаться с исследования коллизионных норм международных договоров и конвенций при наличии таковых.

Если отсутствует возможность применения международных норм права, то нотариус использует коллизионные нормы национального законодательства. При этом важно учитывать тот факт, что может существовать обратная отсылка, признанная российским законодательством лишь частично. Если нотариусом будет применена обратная отсылка, то он должен учитывать принцип наиболее благоприятного результата для сторон сложившегося правоотношения.

Когда вопрос о праве решен, нотариусом устанавливается его содержание, и осуществляется применение соответствующих норм права. Результатом нотариальной процедуры является документ (акт), который впоследствии должен в установленном порядке быть легализован (или освобожден от легализации) и затем исполнен на территории страны, для исполнения в пределах которой он был создан. Таким образом, порядок совершения нотариальных действий, которые осложнены иностранным элементом, должен неукоснительно соблюдаться нотариусом, и каждая из возникающих на пути к результату проблем должна решаться в полном объеме.

Понимание нотариусами особенностей совершения нотариальных действий, осложненных иностранным элементом, и четкое соблюдение регламентированной процедуры должны способствовать планомерному росту качества оказываемых нотариусами услуг и развитию института международного нотариата в целом.

Литература

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22 января 1993г.) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Бюллетень международных договоров. № 2. 1995.
2. Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания (Вместе с «Единообразным законом о форме международного завещания») (Заключена в г. Вашингтоне 26 ноября 1973 г.) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020) // URL: http://www.pravo.gov.ru, 4.07.2020.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020)// Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999г. № 81-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
7. Закон № 246 «О нотариальной процедуре» от 15 ноября 2018 г.// 1 февраля 2019 в Monitorul Oficial № 30–37 статья № 89.
8. Приказ Министерства юстиции РФ «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» от 30 августа 2017 г. № 156 // СПС Гарант
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» от 9 июля 2019 г. № 24 г. Москва // Российская Газета. № 154. 2019.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ, № 10, 11.03.93, Ст.357
11. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Варшаве 16 сентября 1996г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 7. Ст.634.
12. Болотова О.А. Международное сотрудничество в сфере нотариата // Труды международного симпозиума Надежность и качество. 2013. Т. 2. С. 369-374.
13. Медведев И.Г. Международное частное право и нотариальная деятельность. М., Волтерс Клувер, 2005.
14. Медведев И.Г. Настольная книга нотариуса: в 4 томах. Т. 4. Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности. М., Статут.2015. С.39-46.
15. Чугурова Т.В., Леонова К.В. Международное сотрудничество в сфере нотариата / Теоретические и практические проблемы развития современной науки. Сб. матер. XVI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 55-60.
16. Ярков В. В. Нотариальное право: Учебник. М., Статут. 2017.

УДК 346.2

К ВОПРОСУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ВЛАСТИ

© 2020 г. А.Б. Шумилина[1,3], О.А. Артюхин[2,3], Н.А. Анциферова[3]

[1]Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

[3]Донской государственный технический университет 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Don State Technical University 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000

В статье рассматриваются различные концепты предпринимательства в общественно-политической и правовой мысли, выявляются концептуальные проблемы взаимодействия предпринимательства и власти, определяются современные проблемы взаимоотношений власти и бизнеса и рассматривается партнерская модель их взаимодействия, базирующаяся на концептах предпринимательства.

***Ключевые слова**: предпринимательство, власть, бизнес, модели взаимодействия власти и предпринимательства, концепты предпринимательства.*

The article examines the various concepts of entrepreneurship in socio-political and legal thought, identifies conceptual problems of interaction between entrepreneurship and power, identifies current problems of power-business relations and examines the partnership model of their interaction, which is based on the concepts of entrepreneurship.

***Keywords:** entrepreneurship, the power, business, models of interaction between the power and entrepreneurship, concepts of entrepreneurship.*

Современная турбулентность и кризисность экономических процессов, связанные с административным давлением власти на социально-экономические системы, вызванное противодействием распространению пандемии коронавируса, требует нового осмысления отношений власти и бизнеса, рассмотрение особой роли предпринимательства в сложившейся кризисной ситуации.

Для понятия роли предпринимательства во взаимоотношениях с властью остановимся на некоторых теоретических концептах. Рассматривая бизнес в контексте взаимодействия с властью, нельзя обойти вниманием сформировавшиеся в мировой социально-экономической мысли концепции и подходы к собственно понятиям бизнеса и предпринимательства как социальным феноменам, которые нельзя рассматривать лишь в сугубо экономических категориях, поскольку они имеют гораздо более широкое наполнение и, в конечном итоге, выступают одним из двигателей общественного прогресса, развития общества на протяжении истории. Именно предпринимательство много раз являлось локомотивом экономики и базой общественных систем.

Феномен бизнеса находился в центре внимания многих политологов, экономистов и социологов, начиная с распространения капиталистических отношений в Европе. Соответственно, различались и существующие в социально-гуманитарных дисциплинах подходы к данному понятию. В частности, политическая экономия рассматривала бизнес как источник экономического процветания и средство получения прибыли. По мере формирования и развития экономической науки выделилось несколько теорий, объясняющих природу и функции предпринимательской деятельности [1,с.180]. Эту точку зрения разделяли основоположники политической экономии А.Смит и Ф.Кенэ, которые определяли предпринимателя как собственника материальных ресурсов и капитала [2, с.268].

В более позднее время ученые стали разграничивать понятия «предприниматель» и «капиталист». Возникла теория, согласно которой основная функция предпринимателя – организация производства и управление производственным процессом. При этом предприниматель, по мнению сторонников данной теории, мог и не обладать правом собственности. Такого мнения придерживались Дж. Милль и Ж.Б. Сэй, и оно представляется нам уже более близким к современному подходу к понятию предпринимательства, по крайней мере, намного более адекватным, нежели сведение сути последнего исключительно к собственничеству [3, с.45].

Можно выделить множество аспектов, которые обусловливают существование самых разных видов предпринимательства. Например, предпринимательская деятельность может основываться на собственности, а может и не быть связана с ней; может задействовать наемный труд и управленческую деятельность, а может обходиться без них. Предпринимательская деятельность может осуществляться с использованием помощи «сверху» и задействовать административный ресурс, а может организовываться обычными гражданами без поддержки влиятельных сил. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, могут иметь профессиональную квалификацию, а могут и не проходить какого-либо специального обучения предпринимательскому делу. Предприниматели в своих действиях могут опираться на выверенные расчеты и прогнозы, а могут и доверять собственной интуиции. Содержание деятельности предпринимателей тоже отличается: она может основываться как использовании чужого опыта и приспособлении к уже имеющимся моделям и схемам, так и на изучении и переосмыслении дополнительных возможностей уже имеющихся ресурсов или на внедрении новых, более прогрессивных и передовых установок.

Также предпринимательство различается и по степени риска. Одни его формы неизбежно сопряжены с риском (материального характера, возможностью потери социального статуса и престижа, а также времени). В других случаях риск сведен к минимуму, присутствует лишь неопределенность. В некоторых ситуациях риска может не быть вообще, предприниматель может сожалеть лишь о зря потраченном времени. Также предпринимательство может принимать разные формы в зависимости от объема ресурсов, которыми может распоряжаться предприниматель, и способов использования этих ресурсов.

Во всех перечисленных случаях предпринимательская деятельность рассматривается в качестве функции, которая может не иметь постоянного характера и проявляться только по мере необходимости, трансформироваться и качественно изменяться со временем. Проявляться данная функция может как в государственном секторе народного хозяйства, так и негосударственных отраслях, независимо от политического режима, установившегося в стране.

Предпринимательство – специфический вид деятельности, поэтому и люди, склонные к его осуществлению, обладают определенным набором качеств. Многие специалисты занимались анализом особенностей психологии и характера успешных предпринимателей.

Разные ученые выделяли разнообразные качества:

- высокий уровень интеллекта, стремление к овладению новым опытом и знаниями;
- талант изобретателя и развитое воображение, способность к абстрагированию;
- энергичность характера и развитая воля;
- нестандартный ум, умение фантазировать и мечтать.

Наибольшую популярность приобрели воззрения Шумпетера. Он рассматривал идеального предпринимателя как человека волевого, решительного, четко знающего свои цели и стремящегося к их реализации, всегда активного и инициативного [4, с.56].

Рассматривая генезис взаимоотношений предпринимательства и власти, необходимо отметить, что всегда мелкий предприниматель, который теоретически является собственником капитала, оказывался в самом невыгодном положении. Небольшие фирмы весьма ограничены в принятии экономических решений, не обладают достаточными ресурсами, и основной их задачей (особенно на ранних этапах функционирования) является простое выживание в условиях жесткой конкуренции и пресса со стороны органов власти, криминала и крупных предприятий. Кроме того, зачастую людям, занимающимся организацией мелкого предпринимательства, просто не хватает знаний и профессиональной квалификации, да и наемные работники, к труду которых вынуждены прибегать мелкие предприниматели, являются обычно не самыми подготовленными кадрами. Находясь в непосредственной зависимости от государства, крупного бизнеса и рынка рабочей силы, слой мелких предпринимателей обычно является и самым консервативным в политическом отношении. Если мелкие собственники и проявляют какие-то радикальные требования, то они, как правило, обусловлены крайне неблагоприятной экономической ситуацией и опасностью лишиться основного источника существования.

Общеизвестно, что существует три уровня бизнеса: крупный, средний и малый, которые отличаются друг от друга по ряду признаков. Стремление к сохранению и укреплению частной собственности служит объединяющим критерием этих видов бизнеса, поскольку частная собственность – основа рыночной экономики. Но это единственный интерес, общий для бизнесменов

всех уровней. Что касается внутригрупповых интересов, а также отношения к экономической политике, проводимой государством, здесь интересы представителей, обозначенных трех видов бизнеса, могут кардинально различаться. Соответственно, и влияние, оказываемое бизнесом на государственные органы в процессе принятия важных решений и новых законов, касающихся социально-экономической сферы, различается в зависимости от формы и размеров собственности бизнесменов. Представителям крупного бизнеса, например, выгодны послабления в политике. Для малого и среднего бизнеса, напротив, подобная практика губительна, поскольку необходимым условием для функционирования малых предприятий является свободная конкуренция. В противном случае подобные фирмы будут или поглощены, или раздавлены корпорациями-гигантами.

В России по современным меркам предпринимательство не в полной мере обладает достаточным количеством экономической власти, хотя оно непосредственно влияет на конкурентоспособность страны, производительность рабочей силы, создает диверсифицированную экономику, внедряет инновационные технологии в процесс производства той или иной продукции, и этим список его возможностей не ограничивается. Однако и предпринимательству необходимо в своей деятельности учитывать приоритеты государства с целью достижения необходимого уровня социально-экономического развития. Это обеспечит Российской Федерации достойное место среди индустриально развитых стран. Именно поэтому необходимо настроить конструктивный диалог государства и предпринимательства.

Существует множество публикаций, так или иначе затрагивающих проблемы взаимоотношения власти и бизнеса, власти и гражданского общества, гражданского общества и бизнеса и т.п. В большинстве исследований отмечаются типологические черты партнерства государства и бизнеса.

Но недостаточно внимания уделяется феномену предпринимательства как движущей силы рыночной экономики, как сущностной характеристике любого бизнеса, как элементу общественных отношений.

Современное предпринимательство особо нуждается в правовой поддержке, направленной на развитие малого бизнеса и повышение статуса предпринимательства в отношениях с властью, так как именно от отлаженной системы этих взаимоотношений во многом зависит экономическое и социальное развитие российского общества. В свою очередь, инициативность, целеустремленность и самостоятельность бизнеса являются основополагающими факторами инновационного развития экономической системы, выступающей фундаментом российской государственности. Большое значение имеет и социальная ориентация бизнеса, который бы понимал потребности российских граждан и мог стать ядром появляющегося гражданского общества в современной России.

Таким образом, говоря о современной модели взаимодействия власти и бизнеса, можно сказать, что она должна иметь форму партнерства в области развития как предпринимательских, так и гражданских инициатив. Данная модель также может способствовать реализации стратегического планирования и проектирования, а в частности, разработке и реализации стратегий регионального развития.

Немаловажным фактором, способствующим разрастанию альтернативных форм взаимодействия этих двух институтов, является и бюджетная политика страны последних лет, когда властные структуры регионального уровня, аккумулируя у себя бюджетные средства, передают социальную нагрузку на местный уровень, который, по факту, не только не располагает бюджетными ресурсами для решения собственных социальных задач, но еще и вынужден вести торг и оказывать давление на бизнес-структуры для выполнения своих обязательств перед населением.

Создавая механизмы «принудительной социальной ответственности» в форме участия в софинансировании территорий, подобная модель отношений не может обеспечить эффективное решение задач экономического развития, так как она негативно сказывается на формировании субъекта экономических отношений в лице предпринимательства в целом.

Взаимоотношения государства и бизнеса характеризуются рядом типологических черт. Власть имеет полное право требовать от предпринимателей законности своей деятельности, а также глубокого знания законов общества, в котором они функционируют. Но и уверенно формирующийся мир частного предпринимательства, в свою очередь, ожидает ответной реакции для создания условий активного развития и расширения, или, как минимум, устранения различного рода сложностей для малого бизнеса [5].

Поэтому в современных условиях необходимы:

1) поддержка систем здравоохранения и образования;
2) развитие предпринимательства и частного инвестирования;
3) проектирование, гарантии, создание различных фондов, государственно-частное партнерство;
4) поддержание инновационных инфраструктур;
5) смягчение налоговой системы и ее стабилизация;

6) модернизация пенсионной системы с учетом интересов предпринимателей;

7) формирование предпринимательской культуры и информационная поддержка предпринимательской деятельности;

8) повышение эффективности государственного управления.

В кризисной ситуации необходимо активное использование инструментария кейнсианской парадигмы и должна проводиться диверсификация экономики.

Таким образом, говоря о современной модели взаимодействия власти и бизнеса, можно сказать, что она приобретает форму партнерства. Данная модель также обеспечивает реализацию стратегического планирования и проектирования и, в частности, способствует разработке и реализации стратегий регионального развития. Повышенный интерес к данной проблеме со стороны ученых обусловлен прямой зависимостью от основных закономерностей в экономической и политической системах. Основополагающие факторы, определяющие успех в реформировании экономики и, как следствие, преодолении кризисных тенденций, – повышение темпов экономического роста, формирование специфических моделей взаимоотношений бизнеса и власти.

На пути к созданию эффективной модели взаимоотношений предпринимателей с органами власти стоит препятствие в виде несовершенной институциональной основы, а также несформированного механизма реализации данной основы на практике. Другим препятствием является специфика кадровой работы в малом предпринимательстве, его недостаточная кадровая безопасность [6].

В нашей стране связь между государством и бизнес-структурами нарушается рядом серьезных проблем, которые в последствие проявляются в виде недочетов в нормативно-правовой базе, несовершенстве форм и способов реализации данного партнерства; отсутствии условий для плодотворного сотрудничества; непродуманности инвестиционной и инновационной политики, декларативным характером мер государственной поддержки малого бизнеса и так далее. Существует множество форм взаимодействия бизнеса с государством, которые могут быть классифицированы по различным признакам, например, по характеру, по составу и по всей совокупности элементов, входящих в него. Государство в целом должно быть заинтересовано в формировании и налаживании партнерской модели взаимоотношений с предпринимательскими структурами.

Президент РФ В.В. Путин, говоря об экономическом развитии, неоднократно подчеркивал, что по большей части успех зависит от баланса партнерских отношений между государством и бизнесом. В этих отношениях должны быть задействованы все виды бизнеса: малый, средний, крупный. На сегодняшний день происходят существенные изменения в сфере взаимоотношений бизнес-структур с властью, данный процесс сопровождается нахождением широкого круга общих интересов и укреплением сотрудничества между ними.

Литература

1. Рагулина Ю.В., Бутова Т.В. Организация взаимодействия властных структур и бизнеса // Монография. М.: Кнорус. 2014.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: Кн.1-3 / РАН. Ин-т экономики. Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Наука, 1993.
3. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии//Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т 1. Разд.V.М.: Мысль, 2004. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии//Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т 1. Разд.V. М.: Мысль, 2004.
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. М.:Эксмо, 2007.
5. Шумилина А.Б., Артюхин О.А. Феномен предпринимательства в исследованиях бизнеса // The Scientific Heritage. 2019. № 41-3 (41).
6. Крицкая А.А., Погорова Р.Х., Ширинян К.С. Специфика кадровой политики в малом предпринимательстве//Актуальные вопросы современной экономики. 2018. № 8. С. 47-52.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 349

УПРАВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА ПО РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ КАК ОРГАН ПОСЛЕДУЮЩЕГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ

© 2020 г. Е.С. Алексеева

Бурятский государственный университет
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Buryat State University
24a, Smolina str.,
Ulan-Ude, 670000

В статье рассматривается деятельность Управления федерального казначейства по Республике Бурятия как органа внутреннего государственного финансового контроля. Исследуются некоторые нарушения и проблемы в освоении межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Предлагается более тесное и конкретное взаимодействие Управления федерального казначейства по Республике Бурятия с правоохранительными органами.

Ключевые слова: *последующий контроль; межбюджетные трансферты; субсидии из федерального бюджета; недостижение показателей результативности использования субсидии; неправомерное использование средств субсидии; неэффективное использование бюджетных средств.*

The article discusses the activities of the Office of the Federal Treasury in the Republic of Buryatia as a body of internal state financial control. Some violations and problems in the development of inter-budget transfers from the federal budget are investigated. A closer and more specific interaction is proposed between the Federal Treasury Department in the Republic of Buryatia and law enforcement agencies.

Keywords: *follow-up control, inter-budget transfers, subsidies from the federal budget, failure to achieve performance indicators for the use of subsidies; misuse of subsidy funds; inefficient use of budget funds.*

В целях проведения государственной бюджетной политики, эффективного управления доходами и расходами в процессе исполнения федерального бюджета Российской Федерации, повышения оперативности в финансировании государственных программ, усиления контроля за поступлением, целевым и экономным использованием государственных средств Указом Президента Российской Федерации от 08 декабря 1992 года № 1556 «О федеральном казначействе» была образована единая централизованная система органов федерального казначейства. В Республике Бурятия Управление федерального казначейства было образовано в декабре 1993 года.

Управление Федерального казначейства по Республике Бурятия выполняет множество задач, основными из которых по-прежнему остаются: качественное проведение операций, осуществляемых в ходе исполнения федерального бюджета; кассовое обслуживание исполнения республиканского бюджета и местных бюджетов; распределение доходов, поступивших в бюджетную систему Российской Федерации на территории республики между бюджетами разных уровней; своевременное и качественное составление отчётности об исполнении федерального бюджета. Казначейство осуществляет предварительный контроль за ведением операций со средствами бюджета и санкционированием бюджетных расходов, применяет казначейское сопровождение.

Более полный перечень контрольных функций Казначейства приводится в Постановлении Правительства РФ от 28.11.2013 №1092 «О порядке осуществления Федеральным казначейством полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере».

02.02.2016 г. Указом Президента Российской Федерации № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» Федеральному казначейству были переданы функции упраздненного Росфиннадзора по последующему контролю в бюджетной сфере. Таким образом, с 2016 года «казначеи осуществляют полный цикл бюджетного контроля: от предварительного, проводимого в момент совершения операций, до последующего, осуществляемого по результатам исполнения бюджета» [1, с.139].

Приказом УФК по Республике Бурятия от 19.04.2016 утверждена организационно-штатная структура Управления Федерального казначейства по Республике Бурятия, в которую включены:

- организационно-аналитический отдел;
- контрольно-ревизионный отдел в сфере деятельности силовых ведомств и судебной системы;
- контрольно-ревизионный отдел в социально-экономической сфере.

Заместитель руководителя Федерального казначейства Э.А. Исаев отмечает, что «Федеральное казначейство как орган, осуществляющий санкционирование оплаты, безусловно, обладает мощной

базой данных по всем получателям бюджетных средств. А в совокупности с созданными в Казначействе информационными системами, позволяющими отследить всю цепочку финансовых операций, это дает огромные возможности для осуществления контроля» [2, с.17].

Управление Федерального казначейства по Республике Бурятия проводит контрольные мероприятия в соответствии с ежегодными планами контрольной работы. УФК по РБ проверяет республиканские органы государственной власти в части использования межбюджетных трансфертов. Это очень важное направление. У населения зачастую доверие к федеральным властям больше, чем к местным чиновникам. И УФК по РБ выявляет следующие проблемы в освоении межбюджетных трансфертов из федерального бюджета.

Всего Управлением Федерального казначейства по Республике Бурятия в 2019 году проведено 22 контрольных мероприятия по вопросам предоставления и использования межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Объем проверенных средств составил 5 670 317200 руб. Общая сумма выявленных нарушений составила 1 154 503870 руб., что составляет 20,4 % процентов к объему проверенных средств.

Порядок предоставления межбюджетных трансфертов регламентируется Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2014 г. № 999 «О формировании, предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации». Условия предоставления субсидии устанавливаются в Соглашении между федеральным органом власти и субъектом РФ. Согласно этому Постановлению в случае, если субъект РФ допустит нарушения обязательств по Соглашению, то субсидия подлежит возврату в бюджет. Сумма, подлежащая возврату, рассчитывается по формуле, учитывающей результат использования субсидии.

Рассмотрим некоторые нарушения. В 2017 и 2018 годах в рамках государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» на предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа по договорам найма специализированных жилых помещений было предоставлено 282 587 300 руб.

Минстроем РБ (главный распорядитель средств) средства доведены до получателя - ГКУ «Управление капитального строительства Правительства Республики Бурятия» (далее – ГКУ «УКС ПРБ»).

В 2017 году в районах республики и г. Улан-Удэ в результате строительства создано 135 жилых помещений; приобретено 168 жилых помещений. В 2018 году приобретено 203 жилых помещения.

По результатам контрольного мероприятия в ГКУ «УКС ПРБ» установлено неправомерное использование средств субсидии на сумму 5 320 744 рубля, выразившееся в оплате товара, не соответствующего условиям государственного контракта: в восьми жилых помещениях отсутствовало утепление стен теплоизоляционными плитами из базальтового волокна; в двух жилых помещениях отсутствовала внутренняя деревянная дверь; в одном помещении отсутствовала раковина и покрытие рабочей зоны мойки керамической плиткой.

Управлением в адрес ГКУ РБ «УКС ПРБ» направлено представление с требованием об устранении выявленного бюджетного нарушения и о принятии мер по устранению причин и условий его совершения. Представление исполнено в установленном порядке.

Материалы по результатам проверки направлены в адрес Прокуратуры Республики Бурятия. По результатам рассмотрения прокуратурой сообщено об отсутствии оснований для принятия мер прокурорского реагирования.

Следующий пример. В 2016 – 2018 до ФГБУ «Национальный парк «Тункинский» доведены субсидии:

- субсидия на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной собственности (строительство административно-музейного комплекса, строительство пожарно-химических станций в селах Кырен, Туран, разработка документации для строительства пожарно-химической станции в с. Зун-Мурино, разработка документации для строительства гостевого дома в с. Нилова пустынь и информационного центра в С. Монды) в 2016 году 66 479 600 руб., в 2017 году поступило 2 058 800 руб., в 2018 году поступило 2 943 000 руб.

Объекты, подлежащие сдаче в 2016 году административно-музейного комплекса, строительство пожарно-химических станций в селах Кырен, Туран, фактически на момент проверки в эксплуатацию не введены, разработка проектной документации по объектам не завершена.

По результатам проверки установлены нарушения:

- оплата фактически невыполненных работ по строительству пожарно-химической станции II типа на территории ФГБУ «Национальный парк «Тункинский», с. Кырен, по строительству объекта «Строительство пожарно-химической станции II типа в п. Майский, Республика Бурятия» на общую сумму 6 300 430 рублей:

- оплата работ, не соответствующих условиям государственных контрактов на общую сумму 793 850 рублей (исполнение одного ангара не соответствует техническому заданию; изменены виды и объемы работ по строительству пожарно-химической станции II типа с. Кырен);

- приобретение товарно-материальных ценностей, которые не используются по назначению: в 2016 году имущество для комплектации пожарно-химических станций, товарно-материальные ценности до настоящего момента находятся на складах ФГБУ «Национальный парк «Тункинский» на сумму 983 540 рублей;

- не введены в эксплуатацию объекты капитального строительства государственной собственности Российской Федерации (административно-музейного комплекса и двух пожарно-химические станции II типа, с. Кырен и с. Туран) на сумму 42 873 640 рублей;

- не применены меры ответственности к подрядчикам на общую сумму 1 657 010 рублей:

- нарушения законодательства о контрактной системе.

По результатам контрольного мероприятия в адрес ФГБУ «Национальный парк «Тункинский» направлены: представление с требованием об устранении выявленных бюджетных нарушений и о принятии мер по устранению причин и условий его совершения, предписание об устранении выявленных нарушений и (или) возмещении причиненного указанными нарушениями ущерба Российской Федерации, информационное письмо о выявленных нарушениях. Представление, информационное письмо рассмотрены.

Информация по результатам контрольного мероприятия направлена:

- в Министерство внутренних дел по Республике Бурятия по нарушениям при строительстве административно-музейного комплекса и пожарно-химических станций направлена информация о признаках уголовно наказуемого деяния. Управлением экономической безопасности и противодействию коррупции МВД по Республике Бурятия проведена доследственная проверка, материалы направлены в СУ СК России по Республике Бурятия.

- в Управление Федеральной антимонопольной службы по РБ по признакам состава административного правонарушения по части 2 статьи 7.29 КоАП РФ в отношении должностного лица ФГБУ «Национальный парк «Тункинский», УФАС по РБ вынесено постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с малозначительностью и объявлением устного замечания.

Материалы проверки направлены в Прокуратуру Республики Бурятия, Байкальскую межрегиональную природоохранную прокуратуру. Западно-Байкальской межрайонной природоохранной прокуратурой в отношении ФГБУ «Национальный парк Тункинский» внесено представление об устранении нарушений требований бюджетного законодательства.

Следующий показательный пример. В 2016-2017 годах в рамках федеральной целевой программы Российской Федерации «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012-2020 годы» в том числе, за счет средств резервного фонда Правительства Российской Федерации на строительство очистных сооружений в г. Кяхта, строительство полигона твердых бытовых отходов в сельском поселении «Эгитуйское» Еравнинского района Республики Бурятия, на строительство полигона для твердых бытовых отходов с рекультивацией существующей свалки в с. Петропавловка Джидинского района Республики Бурятия, на реконструкцию правобережных очистных сооружений канализации г. Улан-Удэ 1 этап, 1 пуск комплекс Минстроем России предоставлено бюджету Республики Бурятия 545 618 440 руб.

Главный распорядитель средств - Минстрой РБ.

Получателями средств являлись: ГКУ «УКС ПРБ» в части строительства очистных сооружений в г. Кяхта; соответствующие органы местного самоуправления в части строительства полигона твердых бытовых отходов в Еравнинском районе, строительства полигона для твердых бытовых отходов в Джидинском районе Республики Бурятия, реконструкции правобережных очистных сооружений канализации г. Улан-Удэ.

По результатам контрольного мероприятия в Минстрое РБ (главный распорядитель средств) установлено:

- недостижение показателей результативности использования субсидии по объекту «Строительство полигона для твердых бытовых отходов с рекультивацией существующей свалки в с. Петропавловка Джидинского района Республики Бурятия» в части сокращения объемов не переработанных и не размещенных на полигонах отходов (план 73,9 %, факт 0,00 %), прироста мощности объектов капитального строительства (план 157 785 м^3, факт 0,00 м$^{3)}$);

- недостижение показателей результативности использования субсидии, по объекту «Строительство, модернизация и реконструкция комплексов очистных сооружений и систем водоотведения на территориях субъектов Российской Федерации, расположенных на Байкальской природной территории» в части сокращения объемов сбросов загрязненных сточных вод в водные объекты Байкальской природной территории (план 96,2 %, факт 0,00 %), прироста мощности объектов капитального

строительства (план 185 000 м^3, факт 0 м^3), прироста мощности объектов капитального строительства» (за счет средств резервного фонда Правительства Российской Федерации) план 185 000 м^3, факт 0 м$^{3)}$;

- не обеспечено исполнение графика выполнения мероприятий по объекту «Строительство полигона для твердых бытовых отходов с рекультивацией существующей свалки в с. Петропавловка Джидинского района Республики Бурятия», не осуществлен возврат средств в связи с не исполнением графика выполнения мероприятий в размере 4 779 050,00 рублей;

- не обеспечено соблюдение графика выполнения мероприятий по объекту «Реконструкция правобережных очистных сооружений канализации г. Улан-Удэ (1 этап, 1 пусковой комплекс)», не осуществлен возврат средств в связи с не исполнением графика в размере 3 247 665,59 рублей.

В адрес Минстроя РБ направлено представление. Представление исполнено. По материалам проверки Управления, Минфином России из республиканского бюджета бесспорно взыскано в доход федерального бюджета 4 779 050 руб. и 3 247 665, 59 коп. соответственно.

И последний пример. В 2018 и 2019 годах в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» на мероприятие «Развитие и реконструкция онкологического диспансера в г. Улан-Удэ, 2я очередь строительства» предоставлено 1 734 400 000 руб.

Минстроем РБ (главный распорядитель) средства доведены ГКУ РБ «УКС ПРБ».

Предусмотренный к вводу в 2019 году 1 пусковой комплекс «Поликлиника на 250 посещений в сутки корпус №2» введен в установленные сроки.

По результатам проверки в ГКУ РБ «УКС ПРБ» установлены нарушения:

- неправомерное использование средств субсидии из федерального бюджета в 2018 году, выразившееся в оплате работ, не предусмотренных условиями государственного контракта на сумму 9 884 019 рублей, оплате фактически не выполненных работ (не поставленного материала) на сумму 214 230 рублей.

- неэффективное использование бюджетных средств, выразившееся в приобретении планшета Apple iPad по завышенной стоимости на 569 956 руб., неэффективное использование бюджетных средств, выразившееся в недостижении результата, предусмотренного государственным контрактом на сумму 2 637 045 рублей, (неработающее вентиляционное оборудование);

- нарушения законодательства о контрактной системе.

В адрес ГКУ «УКС ПРБ» направлено представление с требованием об устранении выявленных нарушений и о принятии мер по устранению причин и условий их совершения.

Материалы проверки направлены в Прокуратуру Республики Бурятия. Прокурором Октябрьского района г. Улан-Удэ в ГКУ «УКС ПРБ» внесено представление по факту неэффективного использования бюджетных средств. Материалы направлены в Управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Бурятия для рассмотрения в пределах компетенции.

Квалифицируются вышеперечисленные нарушения в соответствии с Классификатором нарушений (рисков), выявляемых Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере, утвержденным Казначейством России 19.12.2017. Классификатор нарушений предназначен для обеспечения единого подхода к оценке фактов и классификации нарушений и их последствий. Классификатор отражает широкий перечень различных нарушений, которые могут быть выявлены на различных этапах бюджетного процесса.

«Финансовый контроль играет ключевую роль в механизме реализации финансовой деятельности государства. Это связано с тем, что между сторонами финансового обязательственного правоотношения отсутствует эквивалентно-возмездная составляющая. Иными словами, стороны финансового правоотношения не имеют материальной заинтересованности в исполнении возложенных на них финансовым законом обязанностей» [3, с.13].

В сфере бюджетного контроля следует ужесточить меры ответственности и повысить качество работы и оперативность принятия управленческих решений по результатам контрольных мероприятий.

Организация слаженной работы органов финансового контроля, иных контролирующих органов необходима для обеспечения достижения стратегических целей развития региона. УФК по Республике Бурятия заключило Соглашение от 30.07.2014 об информационном взаимодействии со Счетной палатой Республики Бурятия, также заключило соглашения со всеми контрольно-счетными органами муниципальных образований Республики Бурятия.

Кроме того, Казначейство республики заключило Соглашения о взаимодействии с Министерством финансов Республики Бурятия, Прокуратурой Республики Бурятия, Министерством внутренних дел по Республике Бурятия, Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия, Управлением Федеральной службы судебных приставов по Республике Бурятия. Возникает потребность в правильном распределении полномочий и ответственности между различными органами власти в целях установления соподчиненности.

Роль подразделений УФК по РБ в раскрытии и расследовании преступлений в бюджетной сфере реализуется во взаимодействии с оперативными и следственными органами.

«Сами по себе средства убеждения, как бы ни были привлекательны, не могут удерживать в людях потребность в правомерном поведении, если они утратили убежденность в его необходимости. Поэтому лиц, утративших убежденность в необходимости правомерного поведения, заставляют вести себя надлежащим образом силой» [4, с.21].

Приоритетным источником обнаружения признаков бюджетных преступлений являются мероприятия государственного финансового контроля. Указанное обстоятельство указывает на необходимость тщательного взаимодействия следователей с должностными лицами, по роду службы обладающими компетенцией по выявлению признаков бюджетных преступлений, а также разоблачению различных попыток скрыть данные деяния, придав им внешне законную форму бюджетных правоотношений.

Наряду с такими совместными мероприятиями как двусторонние консультации, оказание правовой и экспертной помощи, взаимное информирование (сведениями из материалов проверок и уголовных дел, результатами аналитического или статистического обобщения), обладает значительными перспективами создание совместных структур (подобно постоянно действующим следственно-оперативным группам), объединяющих представителей взаимодействующих подразделений.

Кроме того, целесообразно более активно привлекать сотрудников казначейства к участию в производстве различных следственных действий (допросах подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, осмотров документов, обыска и выемки бухгалтерской документации в организациях), предпочтительно – на условиях систематического взаимодействия.

Литература

1. Епифанова В.И. Деятельность Управления Федерального казначейства по Курской области как субъекта управления финансовыми потоками // Наука и практика регионов. 2018. №3 (12). С.127-140.
2. Исаев Э.А. Необходимо совершенствовать методы контроля и внедрять в практику новые действенные инструменты // Финансы. 2017. №11. С.17-22
3. Васянина Е.Л. Проблемы организации финансового контроля в Российской Федерации // Финансовое право. 2019. №7. С. 13-16.
4. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации (под ред. проф. д.ю.н. А.Н. Козырина) / Специально для системы Гарант, 2009 // СПС Гарант.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 343

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

© 2020 г. Ю.В. Демидченко

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice, 66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

Статья посвящена вопросу примирения с потерпевшим как основанию прекращения уголовного дела и основанию освобождения от уголовной ответственности. Затронуты актуальные вопросы правоприменительной практики данного института, и предложены способы их разрешения.

Ключевые слова: *преступления, освобождение от уголовной ответственности, условия освобождения от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, правосудие, гуманизация уголовного судопроизводства.*

The article considers reconciliation with the victim as a ground for exemption from criminal responsibility. Outlines the current problems of law enforcement of this institution and suggests their solutions.

Keywords: *crimes, exemption from criminal responsibility, conditions for exemption from criminal responsibility, reconciliation with the victim, justice, humanization of criminal proceedings.*

В соответствии с Конституцией РФ государство берет на себя обязанность защищать наиболее значимые для личности, общества и государства блага, законные интересы и общественные отношения от преступных посягательств. В случае причинения вреда при совершении уголовно-наказуемого деяния, государство обязано, соблюдая процессуальный порядок, отреагировать на нарушение прав граждан и организаций, различных форм собственности.

Несмотря на мнения ряда ученых о несвоевременности гуманизации уголовного законодательства и декриминализации некоторых составов[3], законодательство берет именно этот вектор развития, о необходимости которого говорил Президент РФ Владимир Путин в ходе ежегодного послания Федеральному Собранию в 2015 году [2]. Появились новые формы разрешения уголовно-правовых конфликтов, а именно, при расследовании уголовных дел в сфере экономической деятельности – статья 28.1.УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба» и статья 76.1. УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». В месте с тем, практика демонстрирует отсутствие однообразного подхода в вынесении судами первой инстанции постановлений об удовлетворении ходатайств потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, при одинаковых объективных и субъективных факторах, что, по нашему мнению, негативно влияет на принятие решения обвиняемым добровольно осуществить активные действия по возмещению ущерба и (или) заглаживанию вреда.

Необходимым и обязательным условием строгой систематизации деятельности государственных органов, на которых уголовно-процессуальным законодательством возложена обязанность осуществить уголовное преследование, их взаимодействие между собой и вовлекаемыми в уголовное судопроизводство гражданами и организациями, является четко поставленная цель. Однако законодатель не дает формулировки целей уголовно-процессуальной деятельности. В юридической литературе этот вопрос однозначно также не решен.

Так, одни авторы в качестве цели уголовного судопроизводства называют защиту общества от преступных посягательств [8]; борьбу с преступностью [10]. На наш взгляд, данная трактовка уголовного судопроизводства является слишком неопределенной, широкой, так как борьба с преступностью ведется уголовно-процессуальными, оперативно-розыскными, уголовно-исполнительными средствами, и как следствие, данный результат деятельности свойственен не только уголовному судопроизводству.

Другие определяют цель уголовного судопроизводства как установление (достижение) истины по уголовному делу[6]. Третьи – сужают цель уголовного процесса до установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания [5,7]. Однако установление предмета доказывания, истины по уголовному делу в большинстве случаев является непременным условием достижения цели уголовного процесса по конкретному делу. Полагаем, целью уголовного судопроизводства должно являться разрешение уголовно-правового конфликта и восстановление социальной справедливости. Аналогичной точки зрения при-

держивается И.Б. Михайловская [9].

Учитывая то обстоятельство, что основным субъектом на которое возложена обязанность по осуществлению уголовного преследования и установления всех обстоятельств дела, как указывающих на виновность лица, так и свидетельствующих о его непричастности, является следователь, дознаватель. То именно на данных должностных лиц целесообразно возложить обязанность разрешить уголовный конфликт.

Существенным, негативно влияющим положением на принятие решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон является, на наш взгляд, предоставления государственным органам, ведущими производство по делу принимать решение исходя из своего внутреннего убеждения, пренебрегая наличием объективных и субъективных факторов, что создает излишнюю загруженность судов апелляционной инстанции, затягивание воздействия репрессивного механизма органов осуществляющих уголовное преследование лиц, фактически ставших на путь исправления и загладивших причиненный вред.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Южного окружного военного суда в ходе рассмотрения в судебном заседании уголовное дело по апелляционным жалобам защитника и потерпевшего на постановление Севастопольского гарнизонного военного суда от 30 октября 2019 г. об отказе в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и приговор того же суда от той же даты, в соответствии с которым военнослужащий войсковой части осужден по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ . В ходе судебного заседания Судебной коллегией по уголовным делам Южного окружного военного суда установлено, Севастопольский гарнизонный военный суд при рассмотрении уголовного дела по первой инстанции по факту умышленного причинения легкого вреда здоровья, оставлял без удовлетворения, неоднократно заявленные ходатайства потерпевшего об отсутствии претензий к подсудимому, направленные им ходе предварительного расследования и заявленные в ходе предварительного слушания дела. Также основанием для отказа в удовлетворении ходатайства потерпевшего, заявленного в ходе судебного заседания, о прекращении производства по делу ввиду примирения с подсудимым явилось неполное, по мнению суда, возмещение вреда от преступления, которое было приведено без учета мнения потерпевшего. Хотя сам потерпевший определил достаточность конкретного размера денежной компенсации, выплаченной ему еще в ходе доследственной проверки, в связи с чем он и указал на отсутствие к подсудимому каких-либо претензий. В результате, в соответствии с постановлением Судебной коллегией по уголовным делам Южного окружного военного суда приговор Севастопольского гарнизонного военного суда был отменен ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона. Уголовное дело в отношении лица прекращено на основании ст. 25 УПК РФ – в связи с примирением сторон [11].

Как видно из приведенного выше постановления суда апелляционной инстанции, объективные и субъективные условия, указывающие на возможность принятия решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, возникали как в ходе предварительного расследования, так и на судебных стадиях. На наш взгляд, органы предварительного расследования не заинтересованы в прекращении уголовных дел при очевидных обстоятельствах дела. Стремятся направить как можно большее количество уголовных дел с обвинительным заключением, обвинительным актом и обвинительным постановлением. Тем самым повысить статистическую отчетность своей деятельности.

В связи с чем, полагаем целесообразно законодательными мерами ориентировать суды, следователей, дознавателей на необходимость рассмотрения вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, при соблюдении условий предусмотренных ст. 25 УПК РФ – примирение лица с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда, а также перечня условий, сформулированных в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (в ред. от 29 ноября 2016г. № 56)[1] - учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, в части возможности разрешения возникшего уголовно-правовой конфликта видно, что деятельность должностных лиц направлена исключительно на уголовно-правовые методы. А урегулированные конфликта путем примирения возложено на потерпевшего и лицо, причинившее ему вред. Вместе с тем, органы предварительного расследования лишь удостоверяют факт примирения, принимая решение по поданному ходатайству. Баженов О. Н. предлагает рассматривать в качестве медиатора сотрудника Министерства юстиции РФ, который обеспечивал бы примирение в рамках ст. 25 УПК РФ [4].

По нашему мнению, данное приведет к вовлечению в уголовное судопроизводство дополнительных субъектов, увеличит нагрузку сотрудников Министерства юстиции РФ.

Представляется целесообразным вовлечь в процесс примирения дознавателя, следователя, ведущих предварительное расследования уголовного дела, включив в обязанность данных субъектов разъяснение условий, порядка и последствий прекращения уголовного дела за примирением сторон. Эти мероприятия возможно было бы выполнять в момент возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, в момент привлечения в качестве обвиняемого либо в момент завершения расследования. Причем, аналогичные правовые положения предусмотрены в ходе подготовительной части судебного разбирательства. Председательствующий разъясняет потерпевшему кроме прав и обязанностей, предусмотренных ст. 42 УПК РФ и право на примирение с подсудимым в случаях, предусмотренных статьей 25 УПК РФ (ч.2 ст. 268 УПК РФ).

Уголовный Кодекс в ст. 76 УК РФ указывает на возможность прекращения уголовного дела только по составам, отнесенным к категории небольшой или средней тяжести. Возникает вопрос: почему действующее законодательство не предоставляет возможность принять такое решение в случае совершения тайного хищения в особо крупном размере (п. б, ч. 4, ст. 158 УК РФ) – отнесенного, в соответствии со ст. 15 УК РФ, к категории тяжких преступлений? Ведь, с одной стороны, возможность начать уголовное преследование появляется только при поступлении заявления от лица, которому причинен вред, что говорит о диспозитивной сущности данного состава, с другой стороны – при добровольном заглаживании причиненного ему вреда и примирении лица, совершившего преступление, с потерпевшим. Обоснованно было бы прекращать по данным составам производство уголовных дел в связи с примирением сторон при соблюдении субъективных условий.

Полагаем, в целях гуманизации уголовно-правового законодательства уголовные дела, отнесенные ст. 15 УК РФ к категории тяжких преступлений, связанных с причинением имущественного вреда, и при отсутствии причинения вреда здоровью целесообразно прекращать в связи с примирением сторон при условии примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что современный этап развития государственной политики направлен на оптимизацию применения мер уголовной ответственности, ведет к включению в уголовное и уголовно-процессуальные законодательство совокупность норм, связанных с прекращением производства по уголовному делу в связи с примирением сторон.

Вместе с тем, комплексное изучение обозначенных вопросов института примирения даст новый толчок дальнейшего реформирования примирительного производства, что расширит практику его применения в рамках уголовного судопроизводства.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от. 27.06.2013г № 19 п. 11 (в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // URL: http://www.vsrf.ru/second.php.
2. Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50864
3. Алтухов С.А. Грядущие изменения уголовного законодательства и их последствия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика российской федерации: проблемы формирования и реализации». 2016. С. 10-14
4. Баженов О. Н. Актуальные вопросы законодательного регулирования института примирения: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 208-209
5. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., Изд-во «СПАРК», 2010. С. 122.
6. Басков В.И. Истина в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского ун-та. Сер. 11.Право. 2010. № 3. С. 38.
7. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., Изд-во «СПАРК», 2010. С. 32;
8. Гончаров Д. Единство задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право. 2011. № 1. С. 124.
9. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2010. № 5. С. 114.
10. Чельцов М.А. Уголовный процесс. Воронеж, Изд-во «Круиз», 2009. С. 6.
11. Апелляционное постановление № 22-496/2019 22-5/2020 22А-5/2020 от 30 января 2020 г. по делу № 1-51/2019 Южный окружной военный суд (Ростовская область) // URL https://sudact.ru/regular/doc/KPOYEF4p5gbK/

УДК 343.1

ЛИЧНЫЙ ОБЫСК КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ И ЛИЧНЫЙ ДОСМОТР КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

© 2020 г. О.А. Луценко[1,2], Э.В. Дригола[3]

[1]Южный федеральный университет
344000, Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105

Southern Federal University
105, Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344000

[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344002

[3]Ростовский филиал Российской таможенной академии
344000, г.Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000

В статье в интересах совершенствования действующего законодательства проводится сравнительная характеристика личного обыска как следственного действия и личного досмотра как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении как процессуальных действий, совершение которых является допустимым в силу федерального закона ограничением конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Ключевые слова: *личный, обыск, досмотр, следственный, действие, мера, обеспечение, производство, дело*

In the article, in the interests of improving the current legislation, a comparative characteristic of a personal search as an investigative action and a personal inspection as a measure to ensure the proceedings of an administrative offense as a procedural action, the commission of which is permissible by a federal law as a restriction on the constitutional right to freedom and personal integrity.

Keywords: *personal, search, inspection, investigative, action, measure, security, proceedings, case.*

Личный обыск и личный досмотр имеют различную процессуальную природу. В первом случае налицо следственное действие, во втором – мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Однако, с точки зрения содержания мероприятий, осуществляемых уполномоченными должностными лицами, тактики и методики их проведения, они не имеют принципиальных отличий. Применение указанных мер воздействия к нарушителю является допустимым в силу федерального закона вторжением в сферу индивидуальной автономии человека. Такое вмешательство ограничивает свободу и личную неприкосновенность и поэтому не должно носить произвольного характера. Право на свободу и личную неприкосновенность неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения, поскольку относится к числу основных прав человека. Данная позиция получила признание как на конституционном, так и на международно-правовом уровнях.

Любые меры государственного принуждения, предполагающие ограничение этого права, должны осуществляться только с учетом конституционных и конвенционных требований, способствуя обеспечению баланса публичных и частных интересов. В силу правовой позиции, исходящей от Конституционного Суда Российской Федерации, ограничение свободы и личной неприкосновенности допустимо «на основе принципов правовой определенности и справедливости и с соблюдением конституционных критериев необходимости и соразмерности, препятствующих невосполнимой утрате самого существа данного права, образующего, наряду с иными конституционными правами и свободами человека и гражданина, основы правового статуса личности в Российской Федерации» [1, пункт 2 описательно-мотивировочной части]. В рамках настоящей статьи предпринята попытка оценить правовое регулирование применения личного обыска (досмотра) с точки зрения соответствия указанным выше положениям.

Мы полагаем, что ключевой характеристикой обыска, отличающей данную разновидность следственных действий, является его ярко выраженный принудительный характер. Права граждан ограни-

чены в определенных законом пределах. Без выполнения надлежащим образом обыска все доказательства, полученные по результатам осуществления этого важнейшего процессуального мероприятия, будут признаны недействительными на стадии уголовного судопроизводства. Цель его проведения общеизвестна. Обыск предназначен для отыскания (с последующим изъятием) спрятанных, укрытых объектов, которые были добыты преступным путем, а также обнаружения предметов и документов, которые могут иметь значение для правильного разрешения уголовного дела.

Если в ходе проведения обыска обнаружены предметы, на обращение которых наложен запрет, они подлежат изъятию при отсутствии у подозреваемого (обвиняемого) разрешения на их хранение. Данные об объектах, которые скрываются или незаконно хранятся, равно как и о местах их нахождения носят весьма ограниченный характер. В ходе проведения обыска компетентные должностные лица занимаются осмотром и обследованием различных объектов. В данном качестве могут выступать:

– домовладения;
– различного рода постройки;
– участки местности, находящиеся в чьей-то собственности;
– автотранспортные средства;
– тело человека и его одежда.

Психология обыска сложна и специфична. Прямым следствием его принудительного характера является повышенная психологическая нагрузка всех лиц, принимающих участие в проведении рассматриваемого следственного действия. В психологическом отношении на первый план выступают такие свойства сотрудников, как самообладание, выдержка, спокойствие. Для обыска в квартире или офисе, а тем более, личного обыска, характерно ограничение весьма существенных права и интересов обыскиваемого, а иногда и его родственников.

Представляется, что среди известных видов конфликтных ситуаций для обыска наиболее характерна конфликтная ситуация именно со строгим соперничеством. Весьма напряжена психологическая атмосфера. Ход обыска подчас сопровождается попытками провокаций со стороны обыскиваемых, проявлением неприязни, гнева, раздражения и даже оскорбительных проявлений с их стороны. Невзирая на подобные эксцессы, участвующие в обыске сотрудники вынуждены внешне оставаться эмоционально невозмутимыми.

Недостаточно подготовленный сотрудник в силу обозначенных требований может недостаточно качественно, результативно провести обыск, что, естественно, сказывается на ходе предварительного расследования дела.

Грамотного и опытного сотрудника выделяют разносторонние знания как правовых вопросов, так и организационно-технических. Пожалуй, здесь не имеет смыла разграничивать психологию и тактику проведения данного следственного действия. Науки криминалистика и психология выработали практические рекомендации, касающиеся обыска (труды А.Р. Ратинова, Ю.В. Чуфаровского и многих-многих других). Многие касаются не только специфики проведения обыска применительно к различным следственным ситуациям и в отношении различных объектов. Дополнительно сотрудники следствия и дознания должны иметь четкое представление о возможностях, появляющихся в результате применения научно-технических средств, в частности в случаях исследования и изъятия средств компьютерной информации.

Еще в 1961 году А.Р. Ратинов сформулировал определение обыска, которое и по сей день является общепризнанным, и его положения учитываются всеми авторами, исследующими проблемы проведения обозначенного процессуального мероприятия. Данная дефиниция выглядит следующим образом: «Обыск – это следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений и сооружений, участков местности, отдельных граждан в целях отыскания и изъятия предметов, имеющих значение для дела, а также обнаружения разыскиваемых лиц» [2, с. 7].

С учетом научных и методических наработок обыск нам видится как следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений, участков местности, отдельных граждан, их одежды и вещей, преследующее цель обнаружения с последующим изъятием источников доказательственной и ориентирующей информации (орудий преступления, предметов и ценностей или иных веществ, добытых преступным путем или способных иметь значение для правильного разрешения уголовного дела), а также обнаружения разыскиваемых лиц и трупов или сведений о местах их нахождения.

Для уяснения сущности обыска, представляется, что здесь необходимо привести его виды. За логическое основание возьмем объект, который подлежит исследованию. Помимо обыска помещений, это личный обыск, обыск местности и обыск транспортных средств. Как уже отмечалось, местность должна находиться в чьей-либо собственности. В ином случае, это следственное действие будет осмотром.

Естественно, в силу ситуации строгой конфликтности проведения обыска и диаметрально противоположными интересами сторон, принимающих участие в его проведении, наличествуют сложная

психологическая атмосфера, гнев, раздражение, напряженность, неприязнь, случаются со стороны обыскиваемых попытки оскорбления и т.д. Необходимо также отметить наличие высокой степени тактического риска при осуществлении рассматриваемого следственного действия. Под тактическим риском на предварительном следствии в данном случае понимается воздействие сотрудником следствия или розыска на складывающуюся ситуацию. Несмотря на потенциальную возможность негативных для расследования последствий, такое воздействие представляется необходимым в интересах раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего.

На практике нередко имеет место ситуация, при которой обыскиваемые пытаются приостановить и даже сорвать проведение обыска, используя для этого подчас весьма разнообразные способы. Если обыск не дает искомого результата, сам факт вторжения в сферу автономии личности путем принудительного обследования подозреваемого или обвиняемого может стимулировать их намерения создавать дополнительные помехи в проведении расследования, оспаривая действия проводивших обыск сотрудников как незаконные. Известны попытки возложить на последних ответственность за якобы имевшую место после их посещения пропажу тех или иных предметов и ценностей. Следователю необходимо учитывать возможность наступления подобных негативных для расследования последствий, несмотря на привлечение к участию в обыске понятых.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) личному обыску посвящена статья 184. Несмотря на процессуальный и принудительный характер данного юридически значимого действия, законодатель не считает его мерой процессуального принуждения. Личный досмотр характеризуется следующими признаками:

– является одним из следственных действий;

– производится в отношении подозреваемого, обвиняемого;

– его объектом выступают одежда и тело отдельного лица;

– в качестве основанием его проведения выступает достаточных данных полагать, что у лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, могут находиться «средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» [3, часть 2 статьи 182];

– личный обыск нацелен на обнаружение и изъятие предметов и документов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела;

– по общему правилу для производства данного следственного действия требуется разрешение судьи;

– личный обыск может осуществляться не только в помещении, но и ином месте;

– данное следственное действие производится только лицом одного пола с подозреваемым (обвиняемым) и в присутствии понятых того же пола;

– для участия в личном обыске следователем могут привлекаться специалист и переводчик;

– в ходе личного обыска или непосредственно после его проведения составляется протокол.

Теперь обратимся к тексту Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Специальная статья, посвященная личному досмотру, в данном Федеральном законе отсутствует. В КоАП РФ он характеризуется наряду с досмотром вещей, которые находятся при физическом лице [4, статья 27.7]. Соответственно, общее для данных процессуальных действий определение не отражает специфики личного досмотра, объектом которого выступают тело физического лица и находящиеся на нем вещи, (одежда, обувь, головной убор). На наш взгляд, данный подход нельзя признать удачным. Рассматриваемая мера ограничивает право на личную неприкосновенность и по этой причине, как и административное задержание, должна носить исключительный характер. Личный досмотр характеризуется следующими признаками:

– является мерой административного принуждения, обеспечивающей проведение производства по делам об административных правонарушениях;

– применяется в отношении нарушителя;

– предназначен для обнаружения орудий либо предметов, использованных при совершении административного правонарушения;

– осуществляется должностными лицами, в компетенцию которых входит применение доставления или административного задержания;

– нарушение конструктивной целостности вещей, находящихся на физическом лице, в ходе личного досмотра не допускается;

– досматривающий и досматриваемый должны быть одного пола;

– по общему правилу при проведении личного досмотра требуется присутствие двух понятых того же пола;

– применение видеозаписи для фиксации данного процессуального действия не допускается;

– оформляется путем составления отдельного протокола (имеющего значение источника доказательств по делу об административном правонарушении) либо запись о его применении вносится в протокол о доставлении либо в протокол об административном задержании;

– проверка законности применения данной меры государственного принуждения допустима в ходе производства по данному делу (в рамках стадий рассмотрения дела и пересмотра вынесенного постановления), а вред, причиненный в результате осуществления личного досмотра, «подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством» [4, часть 1 статьи 27.1].

Как представляется, правовое регулирование проведения личного обыска (досмотра) как меры, ограничивающей право на неприкосновенность личности, безотносительно процессуальных форм его реализации (то есть, независимо от того, идет ли речь об уголовном или административном процессе) должно соответствовать ряду стандартных требований, имеющих универсальный характер, а именно:

а) наличие легального определения понятия соответствующей меры государственного принуждения;

б) закрепление оснований и целей ее применения;

в) определение круга должностных лиц, уполномоченных на ее осуществление;

г) допустимость его проведения должностным лицом одного пола с досматриваемым в присутствии не заинтересованных в результатах личного обыска (досмотра) понятых того же пола, в отвечающем санитарно-гигиеническим требованиям изолированном помещении, (список изъятий из этого правила должен носить закрытый характер);

д) обследовать тело нарушителя может только медицинский работник, использующий при необходимости специальную медицинскую технику;

е) при личном обыске (досмотре) несовершеннолетнего или недееспособного лица должно быть обеспечено присутствие его законного представителя;

ж) ознакомление нарушителя с его правами и обязанностями перед началом осуществления данной меры принуждения;

з) установление запрета на ущемление чести и достоинства нарушителя, причинение вреда здоровью, а также ущерба имуществу этого физического лица;

и) необходимость процессуального оформления хода и результатов осуществления личного обыска (досмотра);

к) закрепление права на возмещение вреда, причиненного незаконным применением данной меры государственного принуждения.

Проведенный анализ нормативного материала, содержащегося в УПК РФ и КоАП РФ, позволяет утверждать, что правовое регулирование в исследуемой области не в полной мере согласуется с приведенными выше параметрами, что, на наш взгляд, свидетельствует о частичном несоответствии действующего процессуального законодательства принципу правовой определенности как одному из фундаментальных принципов правового государства.

Литература и источники

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 № 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Ратинов А.Р. Обыск и выемка / под ред. проф. А.И. Винберга. М.: Госюриздат, 1961. 217 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2020): по состоянию на 11.08.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020): по состоянию на 11.08.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.241

ШТРАФ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2020 г. И.А. Подройкина[1,2], Ш.М. Борзаев[2]

[1]Ростовский филиал Российской таможенной академии 344000, г.Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of Russian Customs Academy 20 Budennovsky Ave., Rostov-on-Don, 344000

[2]Чеченский государственный университет 364093, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

Chechen State University 32, Sheripova st., Grozny, Chechen Republic 364093

В статье анализируется дореволюционное законодательство России периода XVII – начала XX века. Авторы рассматривают историю становления штрафа как вида уголовного наказания в наиболее значимых источниках российского права. Ими обнаружено, что на разных этапах развития отечественного законодательства отношение к денежным взысканиям было разным, но этот вид наказания достаточно подробно был регламентирован на уровне закона и не утрачивал своего значения, даже несмотря на тот факт, что иные виды наказания в исследуемый период применялись более широко. В заключение авторы приходят к выводу о том, что любое совершенствование закона невозможно без обращения к собственному историческому опыту.

***Ключевые слова**: уголовный закон, штраф, денежные взыскания, имущественные наказания, пени, цели наказания.*

The article analyzes the pre-revolutionary legislation of Russia in the period of the 17th - early 20th centuries. The authors consider the history of the formation of a fine as a type of criminal punishment in the most significant sources of Russian law. They have found that at different stages of the development of domestic legislation, the attitude towards monetary penalties was different, but this type of punishment was regulated in sufficient detail at the level of the law and did not lose its significance, even despite the fact that other types of punishment were applied more widely during the period under study. The authors conclude that any improvement of the law is impossible without referring to their own historical experience.

***Keywords**: criminal law, fine, monetary penalties, property penalties, penalties, purposes of punishment.*

Не секрет, что качество современного уголовного закона вызывает всё больше вопросов у специалистов в области уголовного права. Содержание значительной части статей Уголовного кодекса постоянно подвергается критике, в том числе и в части регламентации такого вида наказания, как штраф [1]. Это привело к тому, что научная общественность всё чаще высказывает мнение о необходимости коренного изменения существующего акта. В целом, можно отметить, что ученые по-разному видят выход из сложившейся ситуации – одни из них предлагают принять новый нормативный правовой акт (например, Н.А. Лопашенко, Н.Г. Иванов), другие – высказываются о необходимости новой редакции действующего кодекса (например, В.К. Дуюнов). Независимо от того, какое решение будет принято в итоге законодателем, полагаем, что любое совершенствование закона невозможно без обращения к историческому опыту, в связи с чем считаем необходимым рассмотреть историю становления штрафа как уголовного наказания в законодательстве России XVII – начала XX века.

При изучении законодательства XVII века взгляды исследователей, как правило, обращаются к такому крупному памятнику названного периода, как Соборное Уложение 1649 года. «В нем уже можно увидеть первые зачатки построения системы наказаний в ее современном понимании. Наказания располагались по степени строгости от самого высшего – смертной казни, до самого незначительного – денежной пени и кратковременного ареста. В это время, в связи с ростом централизованной феодальной государственности, на первое место все более выдвигается такая цель наказания, как устрашение, также появляется новая цель – изоляция преступника от общества» [2, с. 56]. С учетом обозначенных целей в практике назначения наказания наиболее часто начинают использоваться те меры принуждения, которые связаны с непосредственным воздействием на преступника, однако и имущественные наказания продолжают достаточно широко использоваться, так как при их исполнении пополнялась государственная казна. К числу имущественных наказаний относились пени (денежный штраф, как правило, неопределенный за нарушение каких-либо предписаний, неисполнение обязанностей), заповеди (определенный денежный штраф, назначался, например, за укрывательство), ото-

брание всего или части имущества (конфискация). Штраф при его назначении использовался традиционно в качестве основного наказания, однако нередко в качестве дополнительного наказания назначалось взыскание пени, уплата которой осуществлялась в пользу государства. Так, например, ст. 143 гл. X предусматривала, наряду с битьем кнутом, уплату пени в размере двух рублей «за затейное ложное челобитье пристава и понятых» [3, с. 159].

В исследуемом акте нормативно допускалась замена штрафа другими наказаниями. Так, в соответствии со ст. 3 гл. XXIII «обычной санкцией при оскорблении была уплата бесчестья. Однако при невозможности выплаты штрафа обидчик подвергался наказанию кнутом без тюремного заключения» [4, с. 254].

Следующий крупный законодательный акт, на котором следует остановиться, – Воинский Артикул, принятый во времена царствования Петра I. «Как и прежнее законодательство, Артикул Воинский знал такие имущественные виды наказания, как штраф и конфискация имущества. Штраф занимал последнее место по количеству закрепленных санкций. Из 209 артикулов возможность его использования была предусмотрена только в 20. Штрафы и вычеты из жалованья могли назначаться и как основное, и как дополнительное наказание. В качестве самостоятельных они назначались обычно за незначительные проступки и нарушения дисциплины. Нередко размеры денежных взысканий точно не определялись, если же и определялись, то в самых разнообразных формах – «месячное жалование», «полтина штрафу», «по рублю в шпиталь» и т.д.» [5, с. 54].

Следует подчеркнуть, что в Артикуле Воинском штраф занимал подчиненное место, но, несмотря на это, он назначался достаточно широко. Это можно объяснить тем, что Артикул не являлся единственным источником права того периода, наряду с ним существовали и иные акты, регламентировавшие различные сферы общественной жизни и в качестве санкций устанавливавшие возможность денежных взысканий. Например, часто штрафовали виновных за ношение русского платья, усов и бороды [6, с. 162].

«Штрафы поступали главным образом в пользу государства – казну, Синод, госпитали, лечебные учреждения. Широкими правами по взиманию штрафов пользовалась церковь, беря их и с нарушителей, и с поручителей за них. Штрафы могли уплачиваться деньгами, а могли «другими вещьми». Невозможность уплаты штрафа влекла отправление мужчин на галеры, верфи, а женщин – в прядильные дворы, мануфактуры и т.д. За крестьян штрафы платились их помещиками, а за государственных крестьян – казначеями и старостами. В случае, если виновный умирал, штраф должны были платить его наследники» [7, с. 58].

Оценивая рассмотренные выше законодательные источники, необходимо подчеркнуть, что да, в этот период наиболее часто применяемыми являлись такие виды наказаний, как смертная казнь, телесные и членовредительные наказания, что было обусловлено проводимой в тот период политикой государства, которая требовала безусловного подчинения, а цель устрашения выступала доминирующей в процессе выбора наказания. Однако наряду с достаточно строгими видами наказания в изученных актах содержались также наказания, связанные с имущественным воздействием на осужденного, к числу которых относился и штраф, которые использовались не только в целях пополнения казны, но и удовлетворения интересов потерпевшего.

В середине XIX – начале XX века было принято три крупных законодательных акта: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1863 года, Уголовное уложение 1903 года. Во всех перечисленных источниках в систему наказаний был включен анализируемый нами вид наказания (денежная пеня, денежные взыскания), который использовался и в качестве основного (главного) наказания, и в качестве дополнительного при совершении некоторых преступлений.

«Денежные взыскания по Уложению 1845 г. (ст. 42) поступали в общий доход государственного казначейства, а по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ст. 27) – в земский капитал на устройство мест заключения. Но иногда они могли поступать: а) в пользу отдельных ведомств, как лиц юридических, при нарушении уставов акцизных, таможенных и др.; б) в пользу потерпевшего, например, при лесоистреблениях; в) в пользу доносителей о преступлении. Денежное взыскание, определенное в одном высшем размере, могло быть смягчено по усмотрению суда (ст. 41 Уложения, п. 3 ст. 12 Устава). Присужденные к денежным взысканиям, в случае несостоятельности подлежали аресту и даже заключению в тюрьме (ст. 84 Уложения, ст. 7 Устава); несостоятельные крестьяне и мещане могли быть отдаваемы в общественные работы или на заработки (ст. 85 Уложения, ст. 8 Устава); содержащиеся под арестом и отданные в общественные работы или в заработки освобождались, когда внесут следующую с них часть денежного взыскания (ст. 23 Устава)» [8, с. 358].

«Законодатель того периода использовал различные системы исчисления штрафов, в одних случаях определялась только верхняя граница, в других – и нижняя, и верхняя. Верхняя мера соизмерялась не с состоянием преступника, а с важностью правонарушения. Денежные взыскания (пени) определялись: 1) или в виде одной цифры; 2) или в пределах меньшем и большем; 3) или в одном

большем пределе. Реже всего встречался первый способ определения штрафа (например, 4 руб., 50 руб., 100 руб.), господствующим являлся третий способ, при этом цифры высшей меры были весьма разнообразны – от 20 коп. до 3000 рублей. За преступления, подсудные мировой юстиции, максимальный штраф составлял 300 рублей» [9, с. 89].

«По Уложению 1903 года, последним родом главных наказаний по ст. 2 являлись денежные пени. Первоначально Уголовное уложение предполагало назначать пени только как главное наказание. Однако в итоге в нем было закреплено положение о том, что денежное взыскание могло применяться независимо от главных наказаний, в качестве дополнительного наказания, например, при злоупотреблениях в акционерных об¬ществах (ст. 324), подделке карт (ст. 342), при нарушении ак-цизных уставов» [10, с. 167]. Денежные наказания дополнительного характера получили название «денежные взыскания», в отличие от денежной пени – главного наказания. «Денежные взыскания» составляли такое же наказание, как и пеня, и не считались вознаграждением за вред и убытки, выплачиваемые потерпевшему. Денежная пеня по Уголовному уложению обращалась на устройство мест заключения (если не было установлено особого назначения (ст. 42)).

«Денежные штрафы право определяло в единицах обращения, в порядке санкции относительно определенной, давая возможность судье соизмерять размер штрафа с имуществом виновного, или в порядке санкции относительно альтернативной, давая возможность судье наложить штраф или иное наказание или, наконец, не определяя вовсе суммы взыскания, устанавливая лишь критерий для такого определения, например в три раза против цены похищенного» [11, с. 228]. Денежные наказания назначались и по Уложению 1845 г., и по Уголовному уложению 1903 г., и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями в порядке всех трех перечисленных способов.

«Присужденные к денежным взысканиям, в случаях несостоятельности, подлежали аресту и даже заключению в тюрьму (ст.ст. 84, 85 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, ст.ст. 7, 8 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями). Содержащиеся под арестом и отданные в общественные работы или в заработки освобождались, когда внесут следующую с них часть денежного взыскания» [12, с. 178]. При взыскании первых двадцати рублей день заключения за-считывался в 50 коп., за следующие от 20 до 50 рублей – в 75 коп., а за всю остальную сумму – по рублю. Задержание, во всяком случае, не должно было превышать шести лет, отбывалось это наказание в тюрьмах. Позднее система замены штрафа другими наказаниями была изменена.

«Правила о замене относились к денежной пене, однако в особо указанных случаях лишение свободы могло применяться в случаях несостоятельности лиц, приговоренных к уплате и денежного взыскания. Но они не распространялись на взыскания, определяемые в вознаграждение за вред и убытки, причиненные преступлением, так как в этих случаях осужденные могли быть заключаемы в тюрьму лишь на основании общих правил о несостоятельных должниках, если они притом не подлежали за учиненное ими преступное деяние наказанию уголовному» [13, с. 193]. Подобное положение может быть объяснено тем, что в законе прямо указывалось, что уплата вознаграждения за вред и убытки есть вопрос гражданского права, и затрагивается уголовным правом лишь по мере необходимости.

В целом, подводя итог анализу развития законодательства России XVII – начала XX века в части регламентации штрафа как уголовного наказания, следует обратить внимание, что в этот период значение исследуемого вида наказания несколько изменилось, по сравнению с более ранним периодом. Несмотря на выдвижение на первый план иных наказаний, связанных с лишением свободы, с трудовым воздействием на осужденного, тем не менее, денежные взыскания не ушли совсем из практики применения. Они по-прежнему назначались, что было обусловлено тем, что государственная власть не могла отказаться от поступающих от данного вида наказания средств в казну. Имущественным наказаниям в это время придавалась как бы второстепенная роль, они в большинстве своем присоединялись к таким весьма распространенным наказаниям, как смертная казнь и ссылка. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что штраф достаточно активно назначался судами при совершении малозначительных преступлений и преступлений, в которых мотивом совершения выступала корысть. Учитывал и законодатель, и правоприменитель и интересы потерпевшего, так как в исследованных источниках была закреплена возможность присуждения выплаты денежного вознаграждения обидчиком обиженному. Но такие выплаты уже рассматривались в порядке гражданского судопроизводства.

Говоря о нормативном регулировании анализируемого вида наказания в законодательных источниках середины XIX – начала XX века, обращает на себя внимание широкая вариативность размеров штрафа, что позволяло дифференцировать их в зависимости от имущественного положения осужденного, а также допущение возможности замены штрафа (как основного наказания, а в исключительных случаях и как дополнительного) иными видами наказания, в том числе арестом и заключением в тюрьме, что было описано на законодательном уровне. Это не может быть не оценено нами положительно, в том числе и с позиции возможного заимствования исторического опыта при совер-

шенствовании отечественного уголовного законодательства.

Литература

1. Подройкина И.А. Штраф как вид наказания в современном уголовном праве. Автореф. дисс. … канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.
2. Сергиевский Н.Д. Наказания в русском праве XVII в. СПб., 1887. 300 с.
3. Отечественное законодательство XI – XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. Ч. 1. М.: Юрист, 2000. 464 с.
4. Соборное Уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. Серия «Русское юридическое наследие». М.: Зерцало, 2011. 421 с.
5. Подройкина И.А. Штраф как вид наказания в современном уголовном праве. Монография: Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов-на-Дону, 2005. 212 с.
6. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. 503 с.
7. Подройкина И.А. Штраф как вид наказания в современном уголовном праве. Дисс. … канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 220 с.
8. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники, наказание и наказуемые. СПБ., 1898. 550 с.
9. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. Второе исправленное и дополненное издание, соединенное с кассационными решениями. СПб., 1871. 714 с.
10. Владимиров Л.Е. Курс уголовного права. Ч. 1. М., 1908. С. 167.
11. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая / Под ред. Н.Д. Сергиевского. СПб., 1915. 387 с.
12. Дриль Д.А. Уголовное право. СПб., 1909. 552 с.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. Тула: Изд-во «Автограф», 2001. 798 с.

УДК 343.2/.7

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ «ФЕЙКОВЫХ» НОВОСТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2020 г. И.А. Семенцова

Филиал ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю.Витте» в г. Ростове-на-Дону
344013, г. Ростов-на-Дону, Нефёдова, 78

Branch of Moscow Witte University in Rostov-on-Don
78, Nefedova str., Rostov-on-Don, 344013

В связи с распространением заведомо недостоверной информации в сети Интернет относительно коронавирусной инфекции (COVID-19) в апреле 2020 года в УК РФ были введены две статьи: ст.207.1 и ст.207.2. Вброс в общество такой информации происходил и происходит умышленно для дестабилизации ситуации в стране, устрашения населения, рассеивания паники в обществе. Поэтому законодатель, на наш взгляд, обоснованно ввёл меры уголовно-правового воздействия.

Принятые ст.207.1 УК РФ и ст.207.2 УК РФ нормы имеют, на наш взгляд, ряд недоработок, которые способны повлиять на правильную квалификацию деяний. Так, признак публичности, закрепленный в Обзоре ВС РФ) № 2, порождает дискуссии в научной среде ввиду сложности своего формулирования. Полагаем допустимым применение в отношении анализируемых статей определение публичности, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Учитывая степень общественной опасности преступного деяния, наказуемого по ст.207.1 УК РФ, указанную норму следует дополнить квалифицирующими признаками: «ч. 2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека. И ч.3. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

Ключевые слова: *заведомо недостоверная информация, «фейковая» информация, публичность, общественная безопасность, общественно значимая информация, угроза, коронавирусная инфекция (COVID-19).*

In connection with the spread of deliberately unreliable information on the Internet regarding coronavirus infection (COVID-19) in April 2020, two articles were introduced in the Criminal Code of the Russian Federation: article 207.1 and article 207.2. Such information was and is being deliberately thrown into society to destabilize the situation in the country, intimidate the population, and disperse panic in society. Therefore, the legislator, in our opinion, has reasonably introduced measures of criminal-law influence.

In our view, the norms adopted by Article 207.1 of the Criminal Code and Article 207.2 of the Criminal Code have a number of shortcomings that can affect the correct qualification of acts. Thus, the sign of publicity, fixed in the review of the Supreme Court of the Russian Federation) No. 2, generates discussions in the scientific community due to the complexity of its formulation. We consider it permissible to apply the definition of publicity contained in resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011 "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes" to the analyzed articles.

Taking into account the degree of public danger of a criminal act punishable under Article 207.1 of the Criminal Code, the specified norm should be supplemented with qualifying features: "part 2. The same act that caused harm to human health by negligence. And part 3. The same act that caused the death of a person by negligence or other serious consequences."

Keywords*: deliberately false information, "fake" information, publicity, public safety, socially significant information, threat, coronavirus infection (COVID-19).*

События 2020 года показали обществу и государству ряд сложившихся проблем, с которыми, как оказалось, не так просто бороться в эпоху современного цифрового общества. С одной стороны, оно позволяет коммуницировать людям абсолютно из различных стран, с другой стороны – развернуть настоящую информационную войну путём выброса искусственно созданных новостей («фейков») с целью манипулирования общественным поведением в информационное поле [1, с.251].

Массовое распространение недостоверных сведений относительно коронавирусной инфекции (COVID-19) оказывает влияние не только на экономику страны, но и на настроение, и работоспособность населения. Ложная информация распространяется молниеносно, приводит к панике, дезориентирует граждан, наносит им прямой психологический ущерб и препятствует принимаемым в стране мерам по недопущению ухудшения ситуации. Именно поэтому УК РФ [2] в апреле 2020 года был дополнен изменениями и дополнениями: ст. 207.1 и ст. 207.2 [3].

Опасность таких преступлений состоит в том, что компьютерная безопасность общества и пользователей ЭВМ подвергается угрозе со стороны правонарушителей.

Уже возбуждено несколько таких уголовных дел в Москве и Санкт-Петербурге, в Саратовской, Тверской, Ленинградской областях, Республике Бурятия, Приморском крае.

Ростовская область также не стала исключением, там уже вынесли обвинительный приговор 35-летнему гражданину Роману Дьяченко по ст.207.1 УК РФ.

Судом было установлено, обвиняемый, имея прямой умысел, разместил в мобильном мессенджере видеозапись о массовом конфликте между водителями и сотрудниками ДПС, разгоревшемся на почве реализации ограничительных мер, введенных в регионе для противодействия коронавирусной инфекции. Суд установил, что опубликованная информация вызвала панику среди пользователей сети Интернет, и посчитал, что она потенциально опасна для здоровья граждан. Суд приговорил Дьяченко к 80 часам обязательных работ» [4].

Как и любые изменения, принимаемые за очень короткий срок, изменения в УК РФ имеют ряд недоработок, в том числе в части законодательной техники и конструкции анализируемых статей [1, с.252].

Если лицо разместило на своей или на чужих страницах в сети Интернет информацию недостоверного характера, созданную им самим или сторонними лицами, то большая вероятность попадания его деяния под ст. 207.1 или 207.2 УК РФ, если будет доказано, что оно действовало умышленно, осознавало, что размещает информацию недостоверного характера, и преследовало своей целью придать огласке информацию неопределённому кругу лиц.

Объектом преступлений новых составов следует рассматривать общественную безопасность, основные принципы и содержание деятельности по её обеспечению, чётко прописанные законодателем в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [5].

21.04.2020 года Верховный Суд РФ утвердил Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (далее – Обзор ВС РФ №1) № 1 [6].

Под заведомостью недостоверности или ложности информации в названных нормах подразумевается осведомленность лица на момент распространения в том, что такая информация недостоверна или ложна». «Например, гражданин, не имеющий соответствующего медицинского образования, в большинстве случаев не может достоверно знать об эффективности/неэффективности распространяемого в интернете способа лечения, но в целях заботы о близких пересылает подобное сообщение своим родственникам и друзьям». Поэтому, руководствуясь логикой законодателя, такое лицо не будет подлежать уголовной ответственности.

В Обзоре ВС РФ №1 подчеркнул, что применительно для целей реализации ст. 207.1 УК РФ и ст. 13.15 КоАП РФ [7], под обстоятельствами, представляющим угрозу жизни и безопасности граждан, понимаются обстоятельства распространения коронавирусной инфекции на территории РФ, которые влекут или в будущем повлекут человеческие жертвы, причинение ущерба здоровью людей, существенные материальные убытки и нарушение условий жизнедеятельности населения. Таким образом, названные нормы применимы и при распространении заведомо недостоверной и ложной информации о новой коронавирусной инфекции.

Данное преступление признается оконченным, как только была публично распространена информация. Под публичным распространением следует понимать обращение к другим лицам с целью вызвать их реакцию. Форма распространения значения не имеет. Она может быть устной, письменной, так и с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе «Интернет», СМИ, распространения печатной продукции.

Необходимо отметить, что в юридической литературе этот признак подвергается тщательному анализу и довольно часто становится предметом научных дискуссий. Вместе с тем единства мнений достичь не удалось.

Президиумом Верховного суда РФ был утверждён ещё один обзор № 2 от 30 апреля 2020 г. [8], где разъяснено, какое распространение следует считать публичным, а именно «распространение заведомо ложной информации применительно к ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, направленной определённой группе или неопределённому кругу лиц и выраженной в любой форме.

Таким образом, Президиум Верховного суда РФ выделил две категории лиц, которым адресована ложная информация (группу и неограниченный круг лиц), и тем самым ввел критерии в разрешении вопроса о публичности – критерий количественной определенности и, возможно, критерий количественно-персонифицированной определенности. Данный вывод сделан на основании значения слова «группа», под которой понимается «совокупность людей, которых объединяет общность интересов, профессии, деятельности».

Как отмечено ранее, Верховный суд РФ придерживается позиции, согласно которой публичным призывом следует признавать и массовую рассылку СМС-сообщений абонентам мобильной связи, содержащую соответствующее обращение. В одном из обзоров Президиум высшего судебного органа также сделал указание на то, что «массовая рассылка электронных сообщений абонентам мобильной связи» – это один из способов совершения преступлений, закреплённых в ст. 207.1 и 207.2 УК.

Позиция Пленума Верховного суда РФ по данному вопросу в юридической литературе подверглась критике. Так, Д.О. Чернявский убеждён, что публичным призывом нельзя считать массовую рассылку СМС-сообщений, писем по электронной почте и т. д. [9, с. 120]. Он аргументирует свою позицию тем, что понятия «публичный» и «массовый», несмотря на то, что близки по значению, не равнозначны. По его мнению, «массовый» – это количественная характеристика, а «публичный» – качественная. Поэтому даже если публичный призыв был произнесён однажды перед аудиторией, он доступен для восприятия всеми – это и составляет качественный признак публичности [9, с. 120].

Для наглядности автор приводит следующий пример, когда лицо обращается сначала к одному человеку, потом к другому и в ходе личного разговора призывает к нарушению территориальной целостности, при этом посторонние лица не участвуют в беседе и не могут эту информацию воспринимать. Следует отметить, что Д.О. Чернявский [9, с.120] делает оговорку, что то же сообщение, размещенное, в частности, в мессенджерах, соответствует требованиям публичности, поскольку оно направлено нескольким лицам и может восприниматься другими лицами. Как видим, основной довод Д.О. Чернявского заключается в том, что в случае массовой рассылки, например СМС-сообщений, отсутствует одновременное восприятие информации двумя лицами или более.

Возникает вопрос: как будет квалифицирована ситуация, при которой лицо не озвучивает призыв к нарушению территориальной целостности РФ, а просто раздает листовки или газеты, содержащие тексты с такими призывами? Ведь в этом случае тоже отсутствует одновременное восприятие информации двумя или более лицами.

По мнению А.И. Трахова и З.М. Бешуковой [10], при определении публичности главным критерием является не одновременность восприятия информации двумя лицами или более, а наличность возможности ее восприятия двумя лицами или более.

Признак публичности, помимо вновь введенных статей 207.1 и 207.2, отражен в качестве обязательного признака объективной стороны основного либо квалифицированного составов преступлений, предусмотренных девятнадцатью статьями УК РФ (ст. 110, 110.1, 110.2, 128.1, 137, 148, 151.2, 197, 205.2, 242, 242.1, 245, 258.1, 280, 280.1, 282, 319, 354, 354.1).

Проведенный нами анализ существующих разъяснений Пленума Верховного суда РФ, где раскрывается признак публичности, показывает, что он понятнее и удачнее трактуется в Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [11], в котором под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) признаются обращения к другим лицам, имеющие любые выражения (устные, письменные, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования) для побуждения в них желания заняться экстремистской деятельностью».

Именно такая формулировка публичности лишена, совершенно обосновано, критериев количественной и персонифицированной определенности, что мешает в настоящее время правильно квалифицировать деяния по признаку публичности по ст.207.1 и ст.207.2 УК РФ.

Мы считаем возможным заимствовать рассмотренную формулировку в более поздний Обзор ВС РФ №2.

Введённая в УК РФ ст. 207.1 УК РФ разрабатывалась и вводилась в действие в спешке, поэтому продумать все возможные варианты проблемы правоприменения не представлялось возможным.

Однако на сегодняшний день можно выявить ещё ряд недостатков этой уголовно-правовой нормы, например ст.207.1 УК РФ не предусматривает квалифицирующие признаки, отягчающие уголовную ответственность, что, на наш взгляд, негативным образом отразится на процессе индивидуализации наказания. Мы считаем необходимым внести изменения, в данную норму установив следующие квалифицирующие признаки: «ч. 2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека. И ч.3. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

Кроме того, автором в начале статьи была рассмотрена общественная опасность подобных деяний, вместе с тем законодатель отнёс ст. 207.1 УК РФ к категории преступлений небольшой тяжести, что, по нашему мнению, необоснованно приведёт к освобождению лица от уголовной ответственности по общим основаниям, установленным в законе.

Исходя из детального анализа общественных отношений, охраняемых нормами ст.207.2 УК РФ и ст.207.1 УК РФ, можно прийти к следующему выводу: предмет первого гораздо шире, чем последнего. Так, действующее законодательство в ч. 1.1 ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12] поясняет, что под

общественно значимой информацией понимается информация, создающая угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

В отличие от преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, предметом преступления в ст. 207.2 УК РФ признается информация о новой коронавирусной инфекции, обладающая свойством общественной значимости. Обязательной предпосылкой наступления уголовной ответственности являются наступившие общественно опасные последствия, а именно неосторожное причинение вреда здоровью человека (ч. 1) либо причинение смерти по неосторожности или иных тяжких последствий (ч. 2). Законом предусмотрен квалифицированный вид данного преступления. По ч. 1 максимальное наказание – до 3 лет лишения свободы, по ч. 2 – до 5.

Исходя из вышеизложенного в том случае, когда лицо распространило заведомо недостоверную информацию, придавая ей вид правдивой, в результате чего по неосторожности был причинён вреда здоровью человека, смерть или иные тяжкие последствия, то они подпадают под квалификацию по соответствующей части ст. 207.2 УК РФ. Если такие последствия отсутствуют, то деяние надлежит квалифицировать по ст. 207.1 УК РФ.

Таким образом, мы полагаем внести изменения в нормы, предусмотренные ст.ст.207,1 и 207.2 УК РФ, в силу того, что отсутствует судебная практика и существуют проблемы при правоприменении и неверном понимании ряда конструктивных признаков состава.

Так, для внесения в Обзор Верховного Суда РФ №2 разъяснений в отношении признака публичности позаимствовать определение публичности, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и использовать его в судебно-следственной практике.

Кроме того, учитывая степень общественной опасности деяния, предусмотренного ст.207.1 УК РФ, указанную норму следует дополнить квалифицирующими признаками: «ч. 2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека. И ч.3. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

Литература

1. Шаламов В.А. Будущее за онлайн-судами, или Что породил COVID-19 // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 251-257.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 72. 03.04.2020.
4. В Ростовской области вынесен приговор по уголовному делу об умышленном распространении ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // URL: https://rostovnadonu.bezformata.com/listnews/ (дата обращения: 10.07.2020).
5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О безопасности» // Российская газета. № 295. 29.12.2010.
6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2020.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 23.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2020) // Российская газета. №256. 31.12.2001.
8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2020.
9. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 214 с.
10. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распрстранение заведомо ложной информации (ст.207.1 и ст.207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности. // URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/6/law/trakhov-beshukova.pdf (дата обращения: 10.07.2020].

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. № 165. 29.07.2006.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 327

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

© 2020 г. А.М. Старостин

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

На основе критического анализа современных идей Римского клуба и ряда других центров, апеллирующих к концептам «деглобализация», «глобальная перестройка», «инклюзивная глобализация» и др., представлена авторская концепция альтернативных моделей глобализации, в состав которой входят полисекторная, глобально-антропологическая и эволюционно-космическая. Показано, что выбор той или иной модели в качестве базовой влечет особые риски и последствия, а также требует репрезентации соответствующих стратегий глобального развития. Основу современных подходов к глобализации представляет полисекторная модель и стратегия устойчивого (сбалансированного) развития. Автор полагает, что основой развития в краткосрочной и среднесрочной перспективе станет глобально-антропологическая модель и стратегия устойчивого многовекторного роста человеческого потенциала.

Ключевые слова: *глобальная динамика, полисекторная глобализация, антропологический скачок, глобальное управление, стратегия глобального развития, исследовательская философия.*

Based on a critical analysis of the modern ideas of the Club of Rome and a number of other centers that appeal during the analysis to the concepts of "deglobalization," "global restructuring," "inclusive globalization," etc., the author's concept of alternative models of globalization is presented, which includes polysector, global anthropological and evolutionary-space. It has been shown that the choice of a model as a baseline entails particular risks and consequences, as well as the representation of relevant global development strategies. The basis of modern approaches to globalization is the polysector model and strategy for sustainable (balanced) development. The author believes that the basis for development in the short and medium terms will be the global anthropological model and strategy for sustainable multi-vector human growth.

Keywords: *global dynamics, polysector globalization, anthropological leap, global governance, global development strategy, research philosophy.*

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что нижеследующие материалы представляют композицию и обобщение авторских исследований 2017 – 2020 гг. на базе вновь организованного Ростовского института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ) и, что естественно, содержат ряд положений, апробированных на более чем 20 международных и российских научных конференциях и в соответствующих публикациях (см. список литературы: [1–3]).

Сам термин «альтернативные модели глобализации» был предложен в это время нами вместе с указанием на основание альтернативности. Итак, прежде всего следует отметить, что современная ситуация в социально-глобальном развитии в последние годы подвергается все нарастающему критико-рефлексивному прессингу. Если ссылаться на самые высокие авторитеты, то в обостренной форме и с указанием на первостепенную значимость смены современной глобалистской парадигмы выступили классики в области глобального моделирования – организаторы и координаторы Римского клуба в юбилейном докладе этому клубу (2018 г.): «Come on» Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» [4].

Здесь говорится о необходимости разработки новой философии глобального мира, содержится призыв перехода к новой стратегии «гарантированной планетарной безопасности и выживания» в условиях гуманистических ценностей нового поколения, требование критического пересмотра нарастающих глобальных рисков, продуцируемых в значительной мере под воздействием современного финансово-спекулятивного капитализма.

Однако авторы не предлагают принципиально новой модели глобализации, влекущей за собой смену фундаментальных социальных установок в ответ на нарастающий вал массового потребления. Нет глубокой рефлексии и по поводу формирования новой системы глобального регулирования и управления, которые бы пришли на смену экономическим и политическим институтам глобального капиталистического рынка. Да и, обозревая методологические основания данного труда, трудно представить какие-либо глубокие ориентиры выхода из когнитивного тупика, относящегося к разработке этой проблематики.

Поэтому не случайно движение к новой платформе, намечаемой Римским клубом, сталкивается с критикой. Прежде всего обращается внимание на отсутствие попытки преодолеть давно известный диссонанс между натуроцентризмом (как раз обстоятельно представленным в работах Римского клуба) и культуроцентризмом (представленным в других глобалистских платформах). Поэтому трудно и ожидать какого-то продвижения под призывом «Come on!».

Нужно подчеркнуть, что со своей стороны к данной ситуации серьезное внимание проявило также ЮНЕСКО, учредив научную программу МОСТ («Управление социальными преобразованиями») и обозначив ее основной вектор на анализ глобального контекста социальных преобразований [5–6].

В рамках обозначенной коллизии можно увидеть все более расходящийся веер векторов, описывающих технократический, технико-технологический спектр возможностей развития общества и социально-гуманистических устремлений и обобщений социально-глобального опыта.

Между тем, быстро нарастающие угрозы глобального уровня в последние годы добавляют все новые острые сюжеты, возникающие как в русле технико-технологического развития, так и в рамках социального и экономического развития.

Все отмеченные аспекты требуют своего когнитивного и управленческого переформатирования и введения в русло сбалансированного когнитивно- и ценностно-ориентирующего стратегического видения, что востребует и новую философию глобального мира, и исходящие из нее новые модели и стратегии глобального развития [7]. Это позволяет нам обратить внимание на нашу авторскую концепцию исследовательской философии, распространяемую в том числе и на философию глобализации (см.: [8-10]).

Обратимся к конкретному кейсу, связанному с глобалистикой с позиций исследовательской философии. Здесь проблемная ситуация в развитии глобальных процессов фиксируется ныне концептами: «деглобализация», «глобальная перестройка», «инклюзивная глобализация», «переход к альтернативным моделям глобализации». Интерпретация указанных коллизий требует когнитивных усилий, направленных на развитие теоретического и прикладного инструментария современной глобалистики. Необходимо особо остановиться на идее альтернативных моделей глобализации, который был нами введен недавно на основе использования указанных выше направлений и подходов исследовательской философии (см.: [11]).

В этом плане в качестве нового направления предлагается концепция «альтернативной глобалистики», где в качестве основы выдвигается исследование и соотнесение ряда парадигмально-концептных коллизий в области современной глобалистики. Движение в русле синтеза этих коллизий должно будет способствовать более глубокому пониманию сущности глобализации и выработке ***меж-***дисциплинарного взгляда на нее.

Первичный анализ концептуальных оснований альтернативных моделей глобализации позволяет выделить несколько основных трендов в их развитии (см. схему), которые либо устоялись (a), либо проявились (c) и могут укорениться в последующие несколько десятилетий (b).

Основания альтернативных моделей глобализации

a) продолжение секторного подхода (прежде всего макроэкономического и геополитического, и социально-экологического), все более активное включение в анализ признаков нового мирохозяйственного и технологического укладов, политической многополярности	b) глобализация как новая антропологическая революция (аналог неолитической и индустриальной) с ее качественными изменениями в производстве, ценностно-мотивационной и когнитивной сфере на массовом уровне	c) глобализация в контексте глобального эволюционизма (Федоров, Циолковский, Т. Де Шарден, Вернадский, Кардашев) как становление космической цивилизации I уровня

Схема

Следует отметить, что, с нашей точки зрения, более вероятны и оптимальны поиски в русле новой антропологической революции, для понимания которой и необходим междисциплинарный подход. Институциональная среда в этом случае концентрируется вокруг задач раскрытия человеческого потенциала и эффективности его применения, а также на рисках и угрозах этого уровня функционирования глобального социума (экология человека, а не природы вообще, экономика человека, новая гуманность).

Нужно подчеркнуть, что в рамках вхождения в новую антропологическую фазу получили развитие все массовые эмансипационные процессы последнего столетия (социально-классовые, гендерные, национально-этнические и расовые, социокультурные и др.). И речь идет о реализации принципа социальной справедливости не только в сфере труда и экономических интересов, но и в сфере постматериальных интересов и ценностей, глубинных основ человеческого существования.

Необходимо также говорить об обновленной социально-ценностной и личностно-ориентированной эгалитарной матрице (см. [12–13]). Она включает, кроме традиционно выдвигаемых ценностей личностных прав и свобод и социальной справедливости, также и ***ценности альтруизма и гуманизма, солидарности и социальной и личностной ответственности, общего дела и общего блага*** (см. [12]), что формирует развитую социальную эгалитарную культуру. Поддержку данные ценности и ориентации находят прежде всего в современных социалистических и постсоциалистических движениях (неокоммунизм, социал-демократия, христианско-демократические движения и другие аналогичные религиозно-конфессиональные движения) и в появлении новых светских неоэгалитарных течений в науке, культуре, образовании (см. [9, с. 42–43]).

К сказанному нужно добавить то, что в мире современных глобальных реалий на деле реализуется одновременно несколько глобальных стратегий, реализующих интенции глобального развития и безопасности, а не только доктрина «устойчивого развития», которая в значительной мере политизирована в наше время. Укажем на них.

(1) Еще в 60-70-е гг. XX в. доминантой в выборе приоритетных моделей социально-экономического развития можно было рассматривать философию безопасности и развития в условиях ***устойчивого социально-экономического роста***. С тех времен, пожалуй, лишь Индия и Китай из числа крупных государств сохранили такой общий подход к развитию, что, с одной стороны, вызывает в некоторых кругах удивление и даже несогласие, поскольку, например, экономика КНР за счет этого занимает все более заметные позиции в мировой экономике. В то же время китайский феномен ускоренного экономического роста порождает в некоторых кругах и тревогу о быстром приумножении факторов риска в глобальной эколого-социальной системе, и предложения о переакцентировке на идею качественного роста, порождающего структурную перестройку социума.

(2) Начиная с 90-х гг XX в. вступила в пору философия безопасности и развития в условиях устойчивых глобальных межсекторных балансов и рисков, связанных с их нарушением. Это ***доктрина «устойчивого развития»***, которая продолжает доминировать и поныне. Однако сейчас возникли значительные сомнения в ее аутентичности динамике глобального развития, в особенности в формате многополюсного мира по истечении четверти века попыток ее утвердить.

(3) С нашей точки зрения, о чем уже отмечалось выше, зарождается новая философия безопасности и развития на пороге зарождения тенденций глобальной эволюционной диатропики (термин введен известным методологом Ю.В. Чайковским (см.: [14, с. 312]), под чем подразумевается сопоставление рядов эволюционирующих объектов (в данном случае речь идет о локальных цивилизациях)), обусловленной нарастанием влияния локально-цивилизационных систем. В этих рамках все более явственно заявляет о себе доктрина устойчивого роста глобального человеческого капитала (потенциала), активно поддерживаемая в последние 12-15 лет ООН и как генерализирующая общий цивилизационно-диатропический поток. На этой модельной платформе вполне реализуются идеи качественного роста в условиях структурной перестройки глобального социума и устойчивого роста, ориентированного на человеческий потенциал.

(4) Можно говорить о формируемой доктрине управляемого кризиса, ***«отрицательного» роста***, которая на слуху в определенных экспертно-аналитических центрах.

Раньше, до начала первой половины XX в., основным механизмом управляемого кризиса и «отрицательного роста» были война и широкомасштабный экономический кризис. Сейчас возможности этого сократились (даже на уровне локальных и глобальных войн). Но ресурсы Земли ограничены, и новые переделы и спады в росте возможны в основном невоенным путем, что обусловливает поиск механизмов приостановки роста и даже акцентуации на «отрицательном» росте.

В итоге, речь следует вести о сопоставлении разных моделей глобальной социальной эволюции в общем потоке современной глобальной динамики, приоритетно ориентированной на социально-антропологические цели и ценности.

Таким образом, уже начальный цикл, связанный с применением алгоритма междисциплинарного синтеза, позволяет обозначить основания базовых альтернативных моделей глобализации, связанных и со структурной перестройкой мировой цивилизации, и с приоритетными стратегиями.

Резюмируя изложенные выше положения, связанные с проработкой вариантов новой философии полицентричного глобального мира, и соотнеся их с векторами поисков, предлагаемыми в докладе «Римскому клубу» 2018 г., нужно согласиться с той частью их общих выводов, говорящих о том, что опыт последних десятилетий глобализации показал, что она не имеет успешных перспектив в реализации на социально-экономической и политической платформе капитализма и посткапитализма. Вместе с тем характерно, что в новую доктрину Римского клуба изначально не заложена ***«философия общего дела» и общечеловеческих интересов***. Это действительно должна быть другая философия, нацеленная на человека, его духовные интересы и возможности личностной и общественной самореализации, не умаляя диатропики (многообразия путей) форм социального развития. Социальные трансформации именно в этом направлении, способствующие росту национального и глобального человеческого капитала (потенциала), позволят успешно преодолевать глобальные трудности роста и относительные пределы на этом пути.

Думается, в связи с этим требуют корректировки и даже пересмотра те утвердившиеся в международной практике доктрины и стратегии, которые поддерживаются в настоящее время многими государствами.

И в заключение: нужно акцентировать внимание на происходящем ныне процессе перекомпозиции глобализации в условиях пандемии коронавируса, что происходит вне привычного ранее контекста мировых войн, революций и масштабных глобальных кризисов. Ныне идет процесс формирования платформы надвигающегося VI технологического уклада (по Н.Д. Кондратьеву), начиная с 2020-х годов. Наблюдаемые изменения показывают высокую вероятность перекомпонирования приоритетов в комплексе конвергентных NBYCS-технологий на те из них, что будут обеспечивать новую антропологическую революцию.

Литература

1. Старостин А.М. Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ). 2018.

2. Старостин А.М. Глобальный кватернион и новые стратегии развития // В сб.: «Современная архитектура мировой экономики: инвестиции, инновации, индустрия, интеграция». Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 72-80.

3. Старостин А.М. Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс // В колл. моногр. «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты». Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 174-186.

4. Weizsaecker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Clab of Rome. N.-Y., Springer, 2018.

5. Материалы к заседанию Российского комитета по программе ЮНЕСКО «Управление социальными преобразованиями МОСТ» при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО 11 декабря 2019 г.

6. Федотова К.Е. Россия и ЮНЕСКО: культурные аспекты внешней политики. М.: Канон+, 2019.

7. Старостин А.М. Новая философия глобального полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 1. С. 28-40.

8. Старостин А.М. Исследовательская философия. Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

9. Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

10. Старостин А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д.: СКАГС, 2009.

11. Старостин А.М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.

12. Старостин А.М. Элитарный и эгалитарный контекст социальной справедливости: возможна ли конвергенция? / Социальная справедливость в современном мире. М.: «Ключ-С», 2017.

13. Швец Л.Г. Справедливость в гендерном измерении / Социальная справедливость в современном мире. М.: «Ключ-С», 2017.

14. Чайковский Ю.В. Активный связный мир. М., 2008.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Елена Сергеевна – доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», кандидат юридических наук, alslena22@yandex.ru

Андреев Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». 8 4722 30-12-64

Анциферова Наталья Александровна – доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», кандидат юридических наук, 8 863 201-91-82

Артюхин Олег Александрович – доцент кафедры политологии и этнополитики ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал; доцент кафедры «Теория и история государства и права» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», кандидат политических наук, доцент, politolog@uriu.ranepa.ru

Большакова Галина Ивановна – доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат социологических наук, доцент, bolshakovagi.bolshakova@ yandex.ru

Борзаев Шамиль Мумадыевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». +7 8712 29-48-32

Боровая Екатерина Сергеевна – магистрант 2 курса программа «Финансовый контроль и аудит использования ресурсов» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал. eborovaya@edu.ranepa.ru

Бражников Олег Александрович – аспирант кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». o.a.brazhnikov@gmail.com

Григорянц Сергей Анушаванович – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. grigorynz@mail.ru

Далакова Лилия Нуридиновна – магистрант направление подготовки «Экономика» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». +7 (861) 219-95-5

Демидченко Юрий Викторович – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент, ydemid_76@mail.ru

Дзреян Астхик Хачиковна – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Дригола Эдуард Владимирович – доцент кафедры административного и таможенного права Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук, доцент. 8 863 244-15-43

Жуков Роман Борисович – доцент кафедры товароведения и товарной экспертизы ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент. guk412@yandex.ru

Измаилова Наима Муратовна – доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал, кандидат экономических наук. izmailova-nm@ranepa.ru

Исик Ляна Владимировна – доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат экономических наук, доцент. lyana-isik@yande.ru

Канаки Валерия Владимировна – доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат экономических наук, доцент. vvkanaki@mail.ru

Кизим Анатолий Александрович – профессор кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор экономических наук, профессор. Arko1980@mail.ru

Кирищиева Ирина Рафаэлевна – профессор кафедры "Экономика, учет и анализ" ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доктор экономических наук, доцент. +7 (863)272-63-09

Киселёва Наталья Витальевна – профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», доктор исторических наук, профессор. nvkiseleva@rambler.ru

Кича Мария Вячеславовна – доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук. 8 863 297-58-72

Клопова Анна Валерьевна – доцент кафедры товароведения и товарной экспертизы ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат технических наук, доцент. anna.clopova@yandex.ru

Кодзоева Залина Алаудиновна – аспирант кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал. 8 863 203-64-10

Кочиева Анна Казбековна – доцент кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент. +7 (861) 219-95-5

Куликова Татьяна Викторовна – заведующая кафедрой «Гражданское право и процесс» ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты предпринимателя», кандидат юридических наук, доцент. +7 863 252-14-41

Курносова Дарья Андреевна – бакалавр по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал. 8 863 203-63-36

Лапач Лада Владимировна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кандидат юридических наук, доцент. 8-863-250-59-59

Луценко Олег Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доцент кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал, кандидат юридических наук, доцент, urfak@sfedu.ru

Манукян Марина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, кандидат юридических наук, 8 863 2018423

Меликсетян София Кареновна – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Насиров Юрий Зейфулаевич – доцент кафедры товароведения и товарной экспертизы ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат экономических наук. yuranasirov@rambler.ru

Паршина Анна Александровна – ректор ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты предпринимателя», кандидат юридических наук, доцент. rektorat@rizp.ru

Подройкина Инна Андреевна – профессор кафедры уголовного права Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»; профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», доктор юридических наук, доцент. 919820@mail.ru

Працко Геннадий Святославович – профессор кафедры «Гражданское право и процесс» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», доктор философских наук, доктор юридический наук, профессор. 8 8712 29-00-04

Рогожникова Елена Витальевна – студентка ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения». +7 (863)272-63-09

Савельева Нелли Александровна – профессор кафедры экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, sochinelli@yandex.ru

Семенцова Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю.Витте» в г. Ростове-на-Дону, кандидат юридических наук, доцент, irina_semen@inbox.ru

Сидорова Дарья Игоревна – аспирант кафедры «Управление и предпринимательство» Института сферы обслуживания и предпринимательства – филиала ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» г. Шахты Ростовской области, samsidarena92@mail.ru

Смирнов Валерий Алексеевич – соискатель кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». mpf.gr2011@gmail.com

Старостин Александр Михайлович – директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор политических наук, профессор, amstar2912@mail.ru

Толмачева Виктория Олеговна – магистрант по направлению «Менеджмент», профиль «Международный Бизнес» кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». victoria-_tolmacheva@mail.ru

Топоров Сергей Иванович – помощник ректора ФГБОУВО «Сочинский государственный университет». topsergej@yandex.ru

Труханович Дарья Сергеевна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал trukhanovich.daria@yandex.ru

Хейгетова Светлана Егоровна – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. gr_process38@mail.ru

Цуканова Елена Юрьевна – доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, tsukanova@bsu.edu.ru

Шилкина Елена Леонидовна – профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доктор социологических наук, профессор, Elena.bona-mente@yandex.ru

Шмелева Татьяна Владимировна – доцент кафедры педагогического и психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент, tanya-schmeleva@mail.ru

Шпак Татьяна Ивановна – доцент кафедры товароведения и товарной экспертизы ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, septemberday@mail.ru

Шумилина Анастасия Борисовна – доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»; доцент кафедры «Гражданское право и процесс» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат юридических наук, nashum82@mail.ru